

Г. Е. ВАСИЛЬЕВ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ВОПРОСЫ
КУЛЬТУРНОЙ
ПОЛИТИКИ

СЛОВАРЬ
КУЛЬТУРНОЙ
ПОЛИТИКИ

МОСКВА
2023

Министерство культуры Российской Федерации

**Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
(Институт Наследия)**

Г. Е. Васильев

**Теоретические вопросы культурной политики:
словарь культурной политики**

Москва
2023

УДК 304.42
ББК 71.41(2Рос)
В19

Рецензенты:

Житенёв С. Ю., кандидат культурологии;
Окороков А. В., доктор исторических наук

Васильев Г. Е.

В19 Теоретические вопросы культурной политики : словарь культурной политики [Электронное сетевое издание]. — М. : Институт Наследия, 2023. — 166 с. — DOI 10.34685/z8595-7494-3102-j. — ISBN 978-5-86443-428-4.

В книге раскрываются основные принципы и образцы проведения самостоятельной и конструктивной культурной политики, нацеленной на развитие человека и общества в России. Раскрываются основополагающие ценностные образцы и первоначала отечественной культурно-исторической системы, в соответствии с которыми должны полагаться стратегические цели осуществления культурной политики. В книге также представлен оригинальный словарь ключевых, особенно актуальных в настоящее время понятий, так или иначе связанных с культурной политикой.

Книга ориентирована на управленцев, чья деятельность связана с культурой, культурной политикой, для всех мыслящих людей, неравнодушных к судьбам отечественной культуры.

УДК 304.42
ББК 71.41(2Рос)

Это и другие издания вы можете бесплатно скачать
на сайте Института Наследия –
www.heritage-institute.ru, раздел «Издания»

ISBN 978-5-86443-428-4

© Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного
наследия имени Д. С. Лихачёва, 2023

Содержание

<i>Введение</i>	4
<i>Глава 1.</i> Прологомены к культурной политике в условиях глобализации. Ключевые понятия, проблемы и принципы	14
<i>Глава 2.</i> Словарь культурной политики в современных условиях глобализации	26
<i>Глава 3.</i> Триединый вектор государственной культурной политики в условиях глобализации	39
<i>Литература</i>	50
<i>Приложение</i> Актуальный словарь культурной политики	54

Введение

Проведение грамотной и конструктивной культурной политики, нацеленной на качественное творческое развитие человека и общества, является, наверное, одной из актуальнейших на сегодня тем и проблем государственного строительства в России.

Тема *аксиологических оснований* и, соответственно, *стратегического целеполагания* культурной политики в настоящее время весьма актуальна. Эта актуальность обусловлена необходимостью, с одной стороны, раскрытия, актуализации и определения *ценностной матрицы* отечественной культуры, без чего, в принципе, невозможно ни какое-либо подлинное культурное развитие, ни конструктивные и адекватные процессы социокультурной идентификации, ни какое-либо, по существу, реальное развитие человека и общества; а во-вторых, без ясного осознания этих ценностных и целевых первоначал и оснований отечественной культуры невозможно реальное продвижение и распространение отечественной культуры, её образцов и достижений на международной арене.

Аналогично весьма актуален и представленный в книге *словарь культурной политики*. Очевидно, что без внятного и чёткого, выдержанного в *единой, обоснованной концептуальной парадигме*, — по возможности, объединяющей в себе всё лучшее и конструктивное, что наработано в различных культурно-исторических исследованиях, пусть даже и принадлежащим иным парадигмам, — понятийного аппарата, в принципе, невозможно проведение, опять же, внятной, грамотной, конструктивной, адекватной историческим и современным реалиям культурной политики.

В настоящее время, разумеется, уже наличествует определённый корпус программных государственных документов, так или иначе связанных с культурной политикой, однако почти все эти документы в той или иной мере имеют своим существенным недостатком, прежде всего, свою *неконцептуальность*, весьма *эkleктичны* по своему содержанию и зачастую упускают из виду — здесь главное — человека, его систему ценностей и, соответственно, систему целей и смыслов существования, так или иначе зигдущихся на указанной системе высших ценностей.

В этой связи, для примера, обращу внимание на некоторые конкретные моменты, имеющие место в наличествующих законодательных актах, так или иначе касающихся непосредственно *культуры, культурной политики*.

1. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 г. № 3612-1) (ред. от 28.12.2022 г.).

«Ст. 3. Основные понятия.

<...> *Культурная деятельность* — деятельность по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей.

Культурные ценности — нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты...

<...> *Культурное наследие* народов Российской Федерации — материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию...».

Прежде всего, надо сказать, что в списке ключевых понятий данного закона «о культуре» отсутствует, собственно, определение *культуры*.

Есть определение *культурной деятельности*, а определения *культуры* — нет.

Из определения концепта *культурной деятельности* мы можем, наверное, логически вывести отсутствующее здесь понятие *культуры* — как того, что так или иначе связано с ценностями (культурными ценностями), но всё же без какой-либо чёткой здесь определённости.

И второй момент: «*культурная деятельность*» определяется тут через «*культурные ценности*» — и таким образом мы получаем пусть и не прямую тавтологию (а только тавтологию в предикатах), но нечто близкое к тому, почти логическую ошибку *idem per idem* (недопустимую в определениях). Подобных ошибок лучше, разумеется, избегать.

Определение концепта *культурных ценностей* представляет здесь собой не столько настоящее определение, сколько *лишь перечисление* того, что можно так или иначе отнести к разряду «культурных

ценностей». Причём *ключевой критерий определения* того или иного культурного феномена, который так или иначе может быть охарактеризован как относящийся к порядку культурных ценностей, — тут просто *отсутствует*.

При этом *культурные ценности* определяются здесь через «*нормы, идеалы и образцы*», однако не всякие нормы, идеалы и образцы предстают в качестве ценностей для того или иного общества, для того или иного человека; иными словами, в данном определении, собственно, нет определяющего критерия определяемого понятия («ценностей»).

Определение понятия *культурного наследия* здесь, в принципе, вполне удовлетворительно, увязывается с ценностями, с их культурной значимостью, однако используемое здесь понятие «мировой цивилизации» портит всю картину, потому как понятие *цивилизация* вообще отсутствует в словаре «основных понятий» к данному закону и вроде как предполагается чем-то само собой разумеющимся, в то время как это далеко не так.

2. Указ Президента РФ от 24.12.2014 г. № 808 (ред. от 25.01.2023 г.) «Об утверждении Основ государственной культурной политики».

В данном документе вполне правильно указано, в качестве стратегического системного целеполагания культурной политики, что «государственная культурная политика призвана обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны...».

В данном Указе также верно отмечены некоторые ключевые проблемы современного кризисного состояния общества:

«...к наиболее опасным для будущего России возможным проявлениям этого кризиса относятся: снижение интеллектуального и культурного уровня общества; девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров; рост агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения; деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости России; атомизация общества — разрыв социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма, пренебрежения правами других...».

Однако в то же время данные обозначенные проблемы, при наличествующем положении дел, прежде всего связанных с наличием

ствующей социально-экономической системой, её формацией (капиталистической), не то что неразрешимы, а обречены только усугубляться.

Действительно, общий интеллектуальный уровень, очевидно, неуклонно снижается (утверждаю по личному преподавательскому опыту), ценностные ориентации основательно сбиты, историческая память существенным образом покорёжена и продолжает искажаться (таков идеологический мейнстрим; особенно, что касается советского периода нашей истории), атомизация общества неуклонно нарастает, — и это неизбежный внутренний процесс наличествующей социально-экономической системы, находящейся на терминальной своей стадии, — нарастает социальное отчуждение, конституционные права граждан всё более откровенно и грубо попираются и нарушаются (особенно откровенно и неуклонно этот процесс пошёл с 2020 года).

Очевидно, к сожалению, что данный Указ, по существу, наличествует, с его довольно благими и конструктивными вышеуказанными предложениями и планами, только «на бумаге».

В Указе имеют место несколько актуальных для нашей темы определений ключевых понятий. Остановимся на некоторых из них.

«*Культура*» — совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т. д.).

«*Культурная политика*» — действия, осуществляемые органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей...».

Замечу, прежде всего, касательно данного здесь определения понятия «*культура*».

Основной сущностный недостаток данного определения в том, что в нём нет главного — *человека*. Человека как *творца культуры*, как творца культурных ценностей, как того, кто идентифицируется с той или иной ценностной культурной матрицей.

В этом определении, на мой взгляд, есть правильная ориентация на духовные ценности, как на ту сущность, вокруг которой, собственно, вращается и развивается культура, но эти ценности тут

как бы сами по себе, наличествуют, будто подвешенные в некоем вакууме, безотносительно человека, их творца, безотносительно общества.

Данное определение, на мой взгляд, есть определение, вполне удовлетворяющее мировосприятию чиновника, — ориентированного на некие «формальные и неформальные институты», для которого, типично, человек есть погрешность, нечто, с одной стороны, не имеющее никакого значения, а с другой — всё-таки мешающееся под ногами.

Однако хотелось бы, чтобы определение культуры было более именно человеческим, включающим в себя главного *субъекта и творца* культуры — человека.

Что же касается данного здесь определения понятия «*культурная политика*», то оно представляется вполне удовлетворительным (хоть и несколько коряво сформулированным). Единственно только, опять же, мало соответствующим наличествующей действительности, наличествующей социально-экономической системе.

Аналогично, вполне удовлетворительным является здесь определение понятия «культурное наследие» (если закрыть глаза на использование предиката «культурный» и в определяемом слове и в определении), также данное через понятие «ценностей»: «...«*культурное наследие*» — совокупность предметов, явлений и произведений, имеющих историческую и культурную ценность...».

В качестве замечания к понятийному аппарату данного Указа обращу внимание на то, что здесь *отсутствует определение ключевого понятия «ценностей»* (высших ценностей).

О «ценностях» в данном Указе говорится достаточно много и много правильного, однако, собственно, определение данного понятия отсутствует.

И потому весь текст данного Указа получается исходя из определения «культуры» в данном Указе, ориентированной на ценностные свои образцы, в подвешенном состоянии (*без основания*).

Несмотря на то, что сам Указ обозначен именно в качестве «*Основ государственной культурной политики*».

Тем более: что это за ценности, *какие* они? — также остаётся за рамками Указа. Остаётся только о них догадываться.

В качестве целей государственной культурной политики здесь заявляются вполне конструктивные и актуальные цели.

«...*Основные цели* государственной культурной политики — формирование гармонично развитой личности и укрепление един-

ства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития.

Целями государственной культурной политики также являются: укрепление гражданской идентичности; создание условий для воспитания граждан; сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования; передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения; создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала; обеспечение доступа граждан к знаниям, информации, культурным ценностям и благам...».

Опять же, в основном, заявленные цели вполне конструктивны и перспективны, однако их реализация при наличествующей социально-экономической модели так и останется только «на бумаге», а в действительности социокультурные процессы будут неизбежно двигаться в том же направлении деградации, как они идут ныне, аналогично будут двигаться процессы неуклонной гуманитарной деградации.

Какие-либо действительно конструктивные в социокультурном и гуманитарном планах процессы заявленного здесь воспитания граждан, реализации каждым гражданином его творческого потенциала будут оставаться сугубо благим пожеланием, которое имеет мало чего общего с настоящей действительностью.

То же касается и представленных в данном Указе должных *ожидаемых результатов* реализации государственной культурной политики:

«...повышение интеллектуального потенциала российского общества;

рост общественной ценности и повышение статуса семьи, осознание семейных ценностей как основы личного и общественного благополучия;

увеличение числа граждан, прежде всего молодёжи, стремящихся жить и работать на родине, считающих Россию наиболее благоприятным местом проживания, раскрытия творческих, созидательных способностей;

владение русским литературным языком, знание истории России, способность понимать и ценить искусство и культуру — как необходимые условия личностной реализации и социальной востребованности;

гармонизация социально-экономического развития регионов России, особенно малых городов и сельских поселений, активизация культурного потенциала территорий;

качественный рост культурных и досуговых запросов граждан, в том числе в отношении медиапродукции;

достижение целей и задач государственной культурной политики потребует не менее 15–20 лет, в течение которых сформируется новое поколение...».

К сожалению, в настоящее время мы видим совершенно обратные тенденции заявленным выше положениям.

Интеллектуальный уровень населения, как я уже говорил, неуклонно заметно снижается; количество разводов неуклонно растёт, а иногда (с 2021 года) в отдельных регионах уже даже превышает количество заключённых браков; молодёжь всё более и массово стремится уехать из России (особенно с 2022 года), и действительно уезжает; количество говорящих на русском языке в мире неуклонно, с 1991 года, снижается, а в последние годы этот процесс только заметно ускорился; грамотное владение русским литературным языком, особенно среди молодёжи, становится всё более раритетным и уходит в прошлое. А что касается уже чётко прописанных, намеченных и осуществляемых программ по созданию нескольких крупных городских агломераций («человейников»), в которые предполагается собирать «лишнее» население из малых городов, сёл и деревень, то всё это, очевидно, идёт категорически вразрез с заявленными в данном Указе ожидаемыми (вышеизложенными) результатами проводимой культурной политики, тем паче на фоне массового закрытия («оптимизации») школ и лечебных учреждений как «нерентабельных» в малых городах и особенно в деревнях и сёлах.

Соответственно, к сожалению, через 15–20 лет — как оно предполагается в данных «Основах...» — для выросшего нового поколения, в большинстве своём вследствие проводимых «реформ образования», его «цифровизации», «дистанционного обучения» и пр., вполне логично, вышеуказанные ожидаемые результаты, скорее всего, станут недостижимой мечтой, исчезнут в качестве сколь-либо возможных реальных целей и перспектив, как утренний туман, с горизонта достижимого¹.

¹ Что касается недавнего Указа президента от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению

Очевидно, что исходя из текстов рассмотренных здесь государственных программных документов, наличествующая культурная политика в России содержит в себе такие основополагающие изъяны, как: *неконцептуальность, эклектичность, отсутствие внятного понимания настоящих ценностей и целей* отечественной культуры, культурно-исторической системы, категорическое её *несоответствие* существующим социально-экономическим реалиям.

Разумеется, что в стратегии проведения конструктивной культурной политики требуются существенные изменения и преобразования.

Именно данным, весьма насущным и актуальным стратегическим изменениям и преобразованиям в культурной политике посвящён представленный текст.

Объектом данного исследования является *культурная политика*.

Предметом исследования являются *аксиологические и телеологические основания парадигмы культурной политики*, долженствующей проводиться в современной России.

Целью исследования является раскрытие *ценностных оснований* отечественной культуры и, соответственно, проводимой актуальной культурной политики в современных условиях, а также *стратегических принципов целеполагания* данной культурной политики, её *ценностно-целевой парадигмы*.

Важнейшей задачей исследования в этой связи является постановка диагноза современному состоянию культуры в целом, как на глобальном её уровне, так и на уровне отечественной культуры, культурно-исторической системы, в её контекстной взаимосвязи с глобальной социокультурной системой.

Другой важной задачей является формирование адекватного *понятийного аппарата*, приводящему «имена» в соответствие с определёнными «вещами», «событиями»; а также, соответственно, формирование *адекватного образа культурного мира*, сквозь морок целенаправленно создаваемого, во всём их спектре, средствами массовой информации категорически ложного образа мира, определяющего массовое воспроизводство *ложного сознания, клипового сознания* массовых индивидов, потребителей информации.

российских духовно-нравственных ценностей», то обращение к нему требует отдельного разговора, и я обращаюсь к нему специально в своей следующей книге, посвящённой аналогичной тематике.

В настоящее время, в существующих глобальных социально-экономических условиях, при наличии самых серьёзных *вызовов и угроз отечественной культуре*, укоренённых в *глобальных стратегиях и системных тенденциях*, направленных со стороны *глобальных элит* на разрушение обществ и, соответственно, их культур, с их матрицами высших ценностей, на разрушение человека, на его расчеловечивание, конструктивная, грамотная, адекватная указанным глобальным реалиям, содержащая в своих основаниях *адекватный образ мира*, и, соответственно, свой перспективный *образ будущего*, культурная политика крайне актуальна и насущно необходима современной России.

Очевидно, что подобного толка вышеуказанным разрушительным стратегиям и тенденциям, не только не оставляющим России, русскому народу никаких возможных культурно-исторических перспектив в будущем, но и в корне подрывающим возможности социально-гуманитарного, культурного развития человечества, со всей очевидностью пытаюсь вогнать это человечество в прокрустово ложе «цифрового» концлагеря-паноптикума, нам, *суверенной самостоятельной России*, необходимо всему этому *противопоставить грамотную конструктивную суверенную культурную политику, основанную на исконной ценностно-смысловой матрице отечественной культурно-исторической системы*, и, соответственно, *нацеленную на перспективное осуществление человеческого культурного творчества в данном своём стратегическом направлении*. В перспективе, предоставляя всем народам Земшара (земного шара. — Ред.) открытую возможность вхождения в нашу культурно-историческую систему и, соответственно, выхода из нынешнего цивилизационного тупика, столь уже очевидно чреватого предуготовляемым нам «цифровым» паноптикумом-концлагерем, с сопутствующим расчеловечиванием человека и с новой уготованной нам «постчеловеческой реальностью».

При этом, разумеется, надо хорошо помнить и понимать, что *конструктивная суверенная культурная политика* может быть только *общенародной*, т. е. так или иначе зиждущейся в своей материальной основе на общенародной собственности на средства производства, потому как в противном случае, как оно типично для капиталистического типа обществ, господствующая в государстве идеология всегда будет, неизбежно, лишь идеологией правящего класса, стремящегося представить эту свою идеологию, содержащиеся в ней цели и интересы правящего класса, как якобы общенародные, в то время как,

очевидно, интересы правящего класса здесь неизбежно, всегда так или иначе будут расходиться и расходятся, причём зачастую кардинально, с жизненными коренными интересами и целями большинства населения, общества, народа.

И если глобальные элиты, глобальные «хозяева денег», сегодня имеют своим стратегическим целеполаганием создание глобального «цифрового» человеичника (в терминах А. А. Зиновьева), то и, соответственно, капиталистического толка элиты разных стран, по сути своей, в лице своих «государств», являются (не могут не являться по системным объективным причинам) сегодня лишь компрадорскими элитами, передаточными инстанциями реализации указанных целей и интересов глобальных элит, в плане осуществления ими, этими элитами, столь сегодня вот уж очевидных стратегий на всеобщую «цифровизацию» (введение «цифровых валют центральных банков», отмена наличных денег, повсеместное внедрение биометрии, «цифровых» клейм, «цифровых» платформ, «цифровых» идентификаторов, «15-минутных городов» и т. п.), постановку населения под тотальный «цифровой» контроль, лишение этого населения его прав и свобод, его подавления, с соответствующей его, этого становящегося вот уж совершенно «излишним» населения, утилизацией, серьёзным сокращением.

Ещё раз укажу, что противостоять этому глобальному современному тренду и целеполаганию можно и нужно в том числе посредством осуществления *конструктивной суверенной культурной политики*. Основам коей, по существу, и посвящён данный текст.

Данный текст состоит из трёх глав, каждая из которых посвящена определённым ключевым аспектам проведения конструктивной самостоятельной культурной политики, а также из Приложения, состоящего из оригинальных определений, в той или иной мере развёрнутых, ключевых понятий культурной политики.

Глава 1

Пролегомены к культурной политике в условиях глобализации. Ключевые понятия, проблемы и принципы

*«Я голос вопиющего в пустыне
Кишащих множеств в спазмах городов,
В водоворотах улиц и вокзалов —
В безлюднейшей из всех пустынь земли...»*
М. Волошин, «Бунтовщик»

Приступая к раскрытию проблематики культурной политики в условиях глобализации, прежде всего, разберёмся с ключевыми понятиями.

Прежде всего, это понятие «культура».

Культура — это своеобразная символическая ценностно-смысловая система, определяющая и актуализирующая творчество человеком себя и сферы своего бытия.

Каждая культура, действительно, есть система *своеобразная*, что, например, очень верно утверждал ещё отечественный мыслитель К. Н. Леонтьев: культура есть, прежде всего, *своеобразие*².

Культура есть система *символическая*, т. е. всё в культуре так или иначе полагается как система значений и смыслов («означаемых»), мерцающих за внешними порядками знаков и символов («означающих»). Ключевыми экзистенциальными *точками интенсивности бытия* человека, его мировоззрения и мироотношения являются здесь *высшие ценности и жизнесмыслы*, определяющие (направляющие) и актуализирующие творческие энергии человека и общества.

Исходя из этих ценностей и жизнесмыслов, человек и общество полагают для себя определённые *стратегические высшие цели*, и в соответствии с этими целями творят себя, творят окружающую действительность.

² См.: Леонтьев К. Византизм и славянство. Великий спор. — М. : Эксмо-Пресс, 2001. — 736 с.

Высшие ценности — самое значимое для человека и общества; то, ради чего он, человек, живёт; в пределе — то, ради чего он способен пожертвовать жизнью.

Высшие ценности, как я уже сказал, с одной стороны, *актуализируют и интенсифицируют* процессы творчества человека, его деятельность, а с другой — *направляют* эти творческие энергии в определённое русло, задают им свой вектор развития.

Система — определённая множественность элементов и их связей, находящихся в динамическом единстве.

Кратко, *система* — это единство в разнообразии (многообразии).

Творчество — создание качественно нового.

Творчество *немыслимо без свободы*; по сути, творчество неразрывно со свободой.

Свобода — это возможность творчества; раскрывшаяся возможность творчества; в экзистенциальном плане, свобода — это упоительное переживание раскрывшейся возможности *творить*.

Творить некие артефакты, орудия труда, произведения искусства, изобретать и т. д., но, главное, это *творить себя, свой жизненный путь*, совершая тот или иной *нравственный жизненный выбор*.

Настоящее творчество требует определённого *внутреннего самоограничения* человека, его, скажем так, творческой аскезы, творческого внутреннего сосредоточения.

С *самоограничения*, с раскрывшейся способности к самоограничению, собственно, начинается человек как свободное существо; собственно, как человек актуальный.

Культура, по существу, и есть та сфера, в которой «человек потенциальный» («в возможности») становится «человеком актуально» («в действительности»).

В своё время М. Хайдеггер определил *культуру* как реализацию верховных ценностей путём заботы о высших благах человека³. В принципе, вполне аналогично нашему вышеприведённому определению. И далее Хайдеггер определяет и *культурную политику*: как заботу этой «заботы» о самой себе.

Иными словами, *культурная политика* есть деятельность государства, направленная, прежде всего, на *формирование и актуализацию системы ценностей и соответствующих им стратегических целей* жизни человека и общества.

³ См.: Хайдеггер М. Время и бытие. — М.: Республика, 1993. — С. 42.

Государство — это общество и органы управления этим обществом.

Общество — совокупность людей, объединённых определёнными ценностями и целями бытия.

То есть общественным *эмосом*.

Общественный этос (греч. εθος) — принципы бытия некоего общества, его устои, традиции, обычаи, жизнесмыслы, ценности.

Общественный этос — своего рода форма (как внешнее выражение идеи) и идея (как внутренний образец формы) этого общества.

Современное «общество», разумеется, к сожалению, всё менее уже общество, в полном смысле этого слова, а всё более «*масса*», «*социальная масса*», «одинокая толпа»; т. е. совокупность людей, собранных здесь и теперь, без каких-либо ценностных и целевых общих оснований; сиречь — *без этоса* (т. е. без Идеи и Формы).

Современные «органы управления обществом» (так сказать, «государство», в узком, искажённом смысле слова), в свою очередь, категорически оторваны от общества в целом, и, по существу, противостоят ему; такое современное «государство» *отчуждено* от общества, а общество *отчуждено* от этого «государства» (как своих «органов управления»).

Современное общество, как я заметил выше, уже не столько, по существу, общество, сколько «социальное желе масс». Настоящее общество имеет свою внутреннюю кристаллическую решётку (эмос, матрицу принципов бытия) и, соответственно, свою своеобразную внешнюю форму (традиции); современное «социальное желе масс» совершенно аморфно, не имеет никакой внутренней кристаллической решётки.

И в таком случае, очевидно, такое «социальное желе» никоим образом не может являться Субъектом управления, самоуправления; и, соответственно, в такой ситуации, отчуждённое от него «государство» (как «органы управления» им) не несёт перед этим «обществом» никакой реальной ответственности и относится к этому «обществу» *сугубо как Объекту*, например, *объекту манипуляций* его массовым сознанием, или объекту эксплуатации, подавления, угнетения и т. п.

Более того, такое «государство» (как «органы управления») будет стремиться воспроизводить и намеренно воспроизводит именно подобное желеобразное бесформенное «массовое» состояние данного «общества» — в целях воспроизводства и укрепления своей власти над ним. А целеполагание этой государственной власти, соответственно,

очевидно, весьма расходится с интересами и целями большинства населения.

К слову, *власть* — это возможность достижения своих целей посредством других людей, определённых социальных групп, общества в целом.

Суть всякой власти, её, по существу, Тайна, заключается в этом *целеполагании*.

При этом, разумеется, всегда крайне важно различать *истинное* (обычно сокрытое) целеполагание субъекта власти и *явное*, «официально заявленное», его целеполагание; зачастую это *весьма разные, до кардинального своего различия, целеполагания*.

Поэтому всегда, когда пытаешься разобраться с проблематикой той или иной власти, той или иной системы власти, тех или иных субъектов власти, вроде как проводимой ими «политики», нужно постараться вскрыть их *истинное, тайное*, обыкновенно *сокрытое целеполагание* — сквозь мишуру заявленных, «официальных», ложных целей — и только тогда вскроешь суть этой власти, суть её политики.

Политика (в классическом своём виде) — это деятельность определённых субъектов (социальных групп etc.) по приобретению и удержанию государственной власти.

В современной социально-политической системе «политика» представляет собой уже сугубую *видимость*, своего рода шоу, *спектакль*⁴, а совсем точно — *симулякр*, нацеленный как раз на сокрытие реальной системы власти, уведение её в тень.

Симулякр (лат. *simulacrum* — видимость, идол) — это вроде как копия, видимость, не имеющая своего подлинника, реального оригинала, сама стремящаяся представиться в качестве подлинника, реального оригинала, «истинной реальности».

В этой связи, наверное, уже действительно можно говорить о «смерти политики» и превращении «политической сферы» в сугубый симулякр-спектакль реальной власти — к реальной власти, собственно, уже почти не имеющей никакого отношения (кроме, разумеется, попыток её сокрытия).

А теперь самое время сказать несколько важных ключевых вещей относительно *современной глобальной социокультурной системы*.

⁴ См., например: Дебор Г. Общество спектакля. — М. : Логос, 1999. — 224 с.

Во-первых, современные процессы «глобализации» есть довольно уникальное историческое явление.

Все культурно-исторические и соответствующие им государственные («империи» и пр.) системы прошлых времён всегда, так или иначе, были локальны, по крайней мере, даже в случае «колониальных империй», не охватывали весь Земшар. И только сегодня, когда первым шагом Фаустовская (Западная) культурно-историческая система («цивилизация») распространила своё влияние, в лице различных своих ветвей — Британской, Французской, Германской империй, США и т. д. — почти на весь Земшар, а вторым шагом, когда в противостоянии этих колониальных империй, в итоге, победила англосаксонская ветвь, и после сокрушения ею Советского Союза и взятия в сферу своего влияния Китая (с 1970-х гг.) эта «ветвь» утвердилась в качестве *глобального субъекта власти* — вся Система, ею выстраиваемая и ей подконтрольная, стала *глобальной*.

Уникальность этой ситуации в том, что человечество впервые в истории, сегодня, условно говоря, «объединилось», оказалось под единым *сетевым Субъектом власти* (который, условно, можно назвать «хозяевами денег», глобальной олигархией).

Однако при этом необходимо учитывать такой важный здесь нюанс: вышеупомянутый Субъект власти — это, по существу, уже не столько, собственно, англосаксонская элита и олигархия, вроде как представляющая собой носителей Фаустовской («Западной») ⁵ ценностно-смысловой и целевой культурной матрицы, сколько элита-олигархия, по существу, *уже транснациональная*, глобально-сетевая, и, судя по всему, имеющая в своём основании лишь *базовую установку* отношения к миру, свойственную именно «фаустовскому» человеку — *волю к власти*; однако все прочие ценностные установки Фаустовской культурно-исторической системы, её ценностно-целевой матрицы, оказались тут уже преданы забвению, отброшены, по существу — предстали вырожденными и, по существу, своими симулякрами.

Западные («фаустовские») ценности, в значительной мере имевшие в своём основании христианскую религиозную парадигму,

⁵ О Фаустовской культуре и «фаустовском» человеке см.: Шпенглер О. Закат Европы. — Минск : Харвест, 2000. — 1376 с.; Катасонов В. Ю. Трагедия «Фаустовой цивилизации». Размышления над книгой И. Сикорского «Незримая борьба». — М. : Кислород, 2021. — 320 с.; Катасонов В. Конец истории или смерть Запада? Читая Шпенглера. — М. : Книжный мир, 2021. — 336 с.

теперь, после своего рода «вырождения» данной парадигмы, нивелировались и стояли, «как с яблонь белый дым», явив вот эту самую голую «фаустовскую» гипертрофированную *волю к власти*, действительно, лежащую в сути отношения к миру «фаустовского» («западного») человека в «чистом и звенящем» её виде.

По существу, перефразируя Великого Инквизитора,⁶ эти глобальные элиты, приняв «меч кесаря» от «мудрого духа небытия», коему «принадлежат все царства земные», уже откровенно поклонились ему, этому «духу», и откровенно исповедуют его культ (явно выражающийся в современных глобальных идеологических тенденциях: от тотального обезличивания и «оцифровки» населения до пропаганды ЛГБТ, толерантности и т. п. «новшеств»).

Причём замечу, что именно вот это специфическое «фаустовское» основополагающее отношение к миру — «воля к власти» — и привело в значительной мере к тому, что Фаустовская (Западная) культурно-историческая система («цивилизация») сумела распространить свою власть и влияние на весь Земшар, пусть уже в период своего, собственно, культурного упадка («Заката Запада», о чем писал О. Шпенглер, или даже в терминах П. Бьюкенена — «Смерти Запада»),⁷ когда, позволю себе такую метафору, вылупившийся из тела этой дряхлеющей уже и умирающей (духовно, прежде всего) культурно-исторической системы («цивилизации») Монстр (глобальные элиты, сетевой Субъект власти), используя всю технотронную (от военной до средств и технологий промывки мозгов) мощь, созданную этой цивилизацией, смог сегодня реально посягнуть на утверждение своей *глобальной* власти над всеми странами и народами.

Во-вторых, современная глобальная Система находится в *терминальной стадии капитализма*.

Капитализм — парадигма социально-экономической системы, имеющая своей целью воспроизводство капитала в долгосрочной перспективе и, соответственно, воспроизводство власти на основании данного воспроизводства капитала.

Капитал — самовозрастающая стоимость, реализующаяся как власть над трудом (трудящимися) и его продуктами.

⁶ См.: *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. — М.: Советская Россия, 1987. — 832 с.

⁷ См., например, опять же: *Шпенглер О.* Закат Европы. — Минск: Харвест, 2000. — 1376 с.; *Бьюкенен П.* Смерть Запада. — М.: АСТ, 2003. — 444 с.

Парадигма (греч. *παράδειγμα* — образец, прообраз) — система принципов, ценностей, норм и целей, определяющая мировоззрение и отношение к миру некоего сообщества.

Капиталистическая система есть система, стремящаяся к своей «глобализации», к снятию национально-государственных барьеров и ограничений для более успешного воспроизводства и прироста капитала; и оттого нынешняя «глобализация» есть вполне закономерный результат становления капитализма.

Капиталистическая система, по сути своей, есть система *экстенсивная*, развивающаяся за счёт поглощения и эксплуатации новых территорий с их ресурсами и населением (ресурсной базой, дешёвой рабочей силой, рынками сбыта etc.). Сегодня эта система упёрлась, охватив весь Земшар, в свои пространственные пределы. Воспроизводство капитала в ней, по существу, «обнулилось». Современный капитализм, в сущности, уже и не совсем «капитализм», потому как воспроизводство капитала в его системе и, соответственно, власти осуществляется, прежде всего, за счёт «эксплуатации» «печатного станка» (хозяевами денег, сетевыми глобальными элитами); в этой связи современные «деньги» (называемые «фиатными»), по существу, уже не деньги, а, скорее, их симулякр.

Очевидно, что подобного рода тупиковая ситуация долго продолжаться не может; её кризисные тенденции усугубляются и грозят катастрофическим каскадом («обнуление» нормы прибыли, ограниченность ресурсов, бурный рост явно лишнего для этой системы населения и т. д.). В этой связи в целях перевода Системы *в новое формационное состояние*, условно, «цифрового» паноптикума — глобальному Субъекту власти становится жизненно необходимо для сохранения и упрочения своей власти в этой Системе *сократить население, резко урезать его потребление и поставить это население, лишив его прав и свобод, под жёсткий «цифровой» тотальный контроль*.

К слову, *формация* — это парадигма устройства социально-экономической системы, характеризующаяся определённым уровнем развития производительных сил (техники, средств производства и пр.) и соответствующим типом общественных отношений.

Современная глобальная капиталистическая Система есть система: а) олигополистическая (монополистическая; т. е. в которой господствуют олигополии или монополии); б) финансовиче-

ская (в которой господствует виртуальный финансовый капитал)⁸; в) транснациональная (в которой господствуют транснациональные корпорации и организации, подмявшие под себя рынки и то, что ныне пока ещё называется «государствами»).

Этой Системе сегодня жизненно важен переход в «новую нормальность», в своего рода новую формацию — в «цифровой» паноптикум, в котором власть будет воспроизводиться уже не на основе прироста капитала, не как господство над рабочей силой («трудом»), а как непосредственное господство над человеком, над его «душой» (в марксистской терминологии, «невещественными факторами производства»).

Наипаче (тем более. — Ред.) уровень развития производительных сил, техники на сегодняшний день уже позволяет осуществить такого рода «формационный» переход в «цифровой» паноптикум.

Установление «цифрового» паноптикума достигается через контроль над Большими Данными, т. е. полной информации обо всех и каждом; через учинение тотальной «электронной» зависимости человека от, используя терминологию Т. Гоббса, «цифрового» Левиафана⁹ вплоть до возможности отключения любого человека от его «единого документа», от средств к существованию (сюда же — отмена наличных денег, запрет на разведение живности на приусадебных участках и т. д.); через тотальную промывку мозгов (уже сейчас, считай, реализованную); через систему «дистанционного цифрового» обучения, которая, вкупе с перспективным генным редактированием человека, обеспечивает создание «человека служебного»; через обезличивание и товарное клеймение человека, ставя возможность пользования им своими правами в зависимость от тех или иных условий-требований власть имущих («правлящего класса»); через систему «социального рейтинга» и т. д.

По существу, такого рода «новая» Система предполагается как жёсткая кастовая система, состоящая из: 1) высшей элиты, своего рода «сверхчеловеков», «расы господ» — в русле идеологии *трансгуманизма*, всесторонне «усовершенствованных» посредством современных

⁸ См. о «финансомике», например: *Оситов Ю. М.* Экономика как есть (откровения Зоила или Судный день экономизма). Антипособие. — М. : ТЕИС, 2017. — 333 с.

⁹ См. по теме, например: *Шнуренко И.* Убить Левиафана. — М. : Наше Завтра, 2021. — 506 с.

высоких технологий, имеющих все права и никаких обязанностей перед населением; и 2) массы населения, значительно сокращённого, не имеющего никаких прав и свобод, находящегося под тотальным «цифровым» контролем, обезличенного и дрессированного, низведённого, по существу, до уровня безликого стада («служебных существ»), считай, биороботов.

Соответственно, глобальная Система окончательно оформляется здесь как система, в которой господствуют *транснациональные корпорации и международные структуры и организации*, а государства, по существу, ликвидируются и остаются лишь в качестве проводников и инструментов («передаточных инстанций») реализации целей ТНК на неких локальных территориях.

И всё это вкупе, в принципе, представляет собой то, что К. Шваб (глава «Всемирного экономического форума») довольно лукаво именует «*четвёртой промышленной революцией*»¹⁰, суть которой состоит именно в подобной глобальной трансформации человека и общества (т. н. оксиморон «*инклюзивного капитализма*», опять же в терминологии К. Шваба), в том числе «генной» трансформации, «модификации» человека.

К слову, «центр четвёртой промышленной революции» был уже официально создан в РФ в октябре 2021 года (подписан 13.10.2021 года соответствующий «меморандум» промеж «правительством» РФ и ВЭФ («всемирным экономическим форумом», возглавляемым К. Швабом)).

Важно также заметить, что современный процесс «глобализации» представляет собой, прежде всего, «*глобализацию элит*» — детерриторизованных (в терминах Ж. Делёза)¹¹ номадов (условно, «новых кочевников») — в плане их господства над всеми странами, континентами и «народами», в то время как «население» в этом новом «дивном новом цифровом мире» предполагается уже, напротив, жёстко «локализованным» («*локализация масс*») по своим территориальным «вольерам», с жёстким ограничением передвижения и, разумеется,

¹⁰ См.: Шваб К. Технологии четвёртой промышленной революции. — М.: Эксмо, 2018. — 320 с.; Шваб К. Четвёртая промышленная революция. — М.: Эксмо, 2016. — 208 с.; Schwab K. Malleret T. Covid-19: The great reset. — Geneva: Forum publishing, 2020. — 213 с.

¹¹ См. по теме, например: Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007. — 672 с.; Тоффлер А. Третья волна. — М.: АСТ, 2009. — 800 с.

под тотальным контролем и при соблюдении множества *намеренно унижающих человеческое достоинство условий* (обезличивание, проникновение в тело, помечание товарным знаком, «просвечивание», снятие биометрии, паспорта вакцинации и т. п.), представляющих собой известную специфическую технологию жёсткой *дрессировки и подавления личности*.

Этот процесс правильнее, наверное, назвать «*глокализацией*» (одновременной для разных каст-страт «глобализацией» и «локализацией»).

В этой связи крайне важно указать на реализующуюся в настоящее время глобальную тенденцию *замены культуры технологиями манипуляции массовым сознанием*.

Этот процесс, в сущности, начался уже относительно давно, по крайней мере, он стал всё явнее заметен с середины XX века; и в настоящее время он, по существу, уже восторжествовал, реализовался.

Культура, *настоящая культура* — это, прежде всего, *система ценностей и высших смыслов*. Соответственно, эта культурная матрица (высшие ценности и смыслы) актуализирует и направляет творческие процессы.

В настоящее время, время торжества глобализма, уже выходящего на свою ступень «цифровой глокализации», культуру как систему высших ценностей и смыслов замещают, причём, во многом, целенаправленно, технологии манипуляции массовым сознанием, когда на место нивелируемых и стираемых высших ценностей и смыслов ставятся их *симулякры* в виде разного рода стереотипов восприятия и установок сознания, формирующих так называемое «общественное мнение».

К слову, *общественное мнение* — это и есть совокупность мировоззренческих стереотипов и установок сознания, господствующих в дискурсах в данном обществе в данное время.

Подобная ситуация оказывается возможной вследствие, прежде всего, специфического развития информационных средств массовой рекламы, агитации и дезинформации, обращающих человека в существо, которое оказывается всё более погружённым в «виртуальную реальность» — в явный ущерб его реальному существованию, нравственному формированию и жизненному опыту.

Разумеется, информационные технологии *сами по себе не есть зло*, они, по существу, есть *только инструмент* и, соответственно, могут быть повернуты и использованы в любом направлении

и в любых целях (в том числе и на реальную пользу людям и обществу в целом). Однако в том типе общества, который имеет место ныне («терминальная стадия капитализма», переходящая в «цифровой паноптикум»), в обществе, где царит тотальное отчуждение человека, неизбежно использование правящим классом этих новых технологий в целях воспроизводства и утверждения своей системной власти; что, по существу, и имеет место.

Информационные потоки в настоящее время уже несопоставимо превосходят возможности человека осознанно, осмысленно воспринимать эту информацию, осознавать её и извлекать, по возможности, из неё смысл. Сегодня всё оказывается, в этом плане, обратным: информационные потоки захлёстывают и уносят с собой несчастного человечка, очевидно, глуша и подавляя его сознание и осмысленность существования; но при этом воспроизводя его категорически *«ложное сознание»* (в терминах марксизма), внушая ему категорически *ложную, иллюзорную картину мира*. Вот и получается: с ростом информации резко убывает смысл, реальная осмысленность человеческого существования¹².

Современный человек оказывается в той ситуации, что его, условно, «голова» («сознание») захватывается реальностью виртуальной, а физически, «телесно», человек ещё вроде как пребывает в реальности физической. А такое положение дел как раз и даёт возможность манипуляторам массовым сознанием весьма успешно замещать реальные ценности и смыслы, так или иначе связанные с реальной жизнью человека, с его личным экзистенциальным опытом, всеми теми *установками и стереотипами*, которые выгодны и нужны сегодня этим манипуляторам массовым сознанием, точнее — тем Субъектам власти, которые используют данных манипуляторов в качестве проводников своего целеполагания (в данном случае, на воспроизводство и прирост своей власти и подавление населения).

Поскольку базовое целеполагание правящего класса (вышеуказанных Субъектов власти) в современном типе общественной формации *кардинально расходится с жизненным целеполаганием большинства населения*, то, очевидно, те стереотипы и установки «ложного сознания», которые впечатывают массам населения манипуляторы его массовым сознанием, зачастую будут противоречить и противоречат

¹² См. по теме: *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. — М. : Karios, 2018. — 320 с.

реальным целям и жизненным смыслам основной массы населения (если бы те смыслы и ценности были осознаны этим населением).

И потому население, в основной своей массе, сегодня столь вроде как легко, как *сомнамбула*, встаёт на путь, начерченный ему манипуляторами его массовым сознанием, — в «дивный новый мир» «цифрового» паноптикума.

Наступила эпоха, именуемая Ж. Бодрийяром эпохой торжества «*третьего строя симуляции*»,¹³ когда симулятивная реальность становится «реальнее реальности», в терминах Бодрийяра — «*гиперреальностью*». Я бы назвал этот феномен «*гипнореальностью*», когда виртуальная реальность настолько уже овладевает людьми, что не только выворачивает и корёжит их психику и ставит её под свой полный контроль, но и пагубно воздействует тем самым на соматику людей. И это уже не просто «страшные» или «красивые» слова и фразы, это — реальность, наша сегодняшняя действительность.

В этой ситуации, как я уже говорил выше, *культура*, собственно, всё более *обращается в свой симулякр*. У нас теперь, например, могут вроде как работать театры, концертные залы, музеи и выставки, могут выделяться какие-то денежные средства «на культуру», проводятся «научные конференции» о «культуре» и пр., однако всё это будет и, по существу, уже почти есть только *пустая симуляция «культуры», «культурной деятельности», холостое, пустое прокручивание симулякров*; потому как во всём этом, в соответствии с *системными основаниями и тенденциями*, уже не будет, нет того, что мы называем культурной матрицей, матрицей высших ценностей и смыслов и соответствующих им высших стратегических целей бытия и развития человека и общества, причём именно реальных, живых, экзистенциально-личных, а не «виртуальных».

Очевидно, что проведение стратегической и осмысленной культурной политики требует сегодня: а) чёткого понимания подобного, вышеописанного, положения вещей, б) понимания основных системных глобальных тенденций и закономерностей и в) осознания и осмысления собственных культурных ценностно-смысловых оснований — с соответствующим определением направления и планирования своего стратегического социокультурного развития в создавшихся условиях.

¹³ *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. — М. : Добросвет, 2000. — 387 с.

Глава 2

Словарь культурной политики в современных условиях глобализации

«...Цзы Лу спросил:

— Вэйский правитель намеревается привлечь вас к управлению. Что вы сделаете прежде всего?

Учитель ответил:

— Необходимо начать с исправления имен.

Цзы Лу спросил:

— Вы начинаете издаেকে. Зачем нужно исправлять имена?

Учитель сказал:

— Благородный муж проявляет осторожность по отношению к тому, чего не знает. Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться. Если дела не могут осуществляться, то ритуал и музыка не процветают. Если ритуал и музыка не процветают, наказания не применяются надлежащим образом. Если наказания не применяются надлежащим образом, народ не знает, как себя вести. Поэтому благородный муж, давая имена, должен произносить их правильно, а то, что произносит, правильно осуществлять. В словах благородного мужа не должно быть ничего неправильного...».

Конфуций, «Лунь Юй»

Для осуществления адекватной и конструктивной культурной политики, прежде всего, необходимо разобраться и условиться с *ключевыми понятиями*.

К сожалению, в современном социально-гуманитарном знании в культурно-исторических науках наличествует, во-первых, мягко говоря, эклектичная понятийная чересполосица и путаница, а во-вторых, подавляющее большинство наличествующих тут понятий вообще *совершенно неадекватны современной исторической*

социокультурной действительности, поскольку либо принадлежат уже к так или иначе довольно-таки устаревшим, созданным в индустриальную эпоху «классического» капитализма, по преимуществу, концепциям и парадигмам, либо вообще являются концептами категорически ложных идеологических парадигм и только, скорее, мешают адекватному пониманию этой действительности, нежели способствуют её сколь-либо реальному раскрытию и осмыслению.

Попытаемся, хотя бы отчасти, снять данную проблему. Тем паче, проведение адекватной и конструктивной культурной политики, само собой разумеется, требует *соответствующего понятийного своего аппарата*.

Мы будем выстраивать здесь свой понятийный концептуальный ряд не по алфавиту, а в соответствии с тематической необходимостью и логикой развёртывания концепции. Впрочем, впоследствии, полагаем, этот понятийный ряд можно будет выстроить и в алфавитном порядке.

Особо важные для нашей темы слова-понятия мы будем дополнительно подчёркивать.

После определения того или иного понятия мы иногда будем давать некоторое дополнительное необходимое пояснение.

Определяя систему ключевых понятий культурной политики, мы исходим в нашей терминологии из *Разноликостной культурно-исторической парадигмы* (обычно именуемой «Цивилизационным подходом»), предполагающей наличие в истории разнообразных культурно-исторических систем, со своими моделями государственности, хозяйства (экономики) и религии, со своими ценностно-смысловыми мировоззренческими образцами и первообразами.

Прежде всего, разумеется, начнём с понятия «*культурная политика*».

Культурная политика — деятельность государства (общества), направленная на формирование и актуализацию определённой системы ценностей и соответствующих им стратегических целей, способствующих творческому развитию человека и общества.

Государство — это система общества и органов управления этим обществом.

К сожалению, в современных условиях терминальной стадии капитализма, во-первых, указанные «органы управления» категорически оторваны, отчуждены от общества и имеют своими целями не развитие общества, а его подавление и эксплуатацию, а во-вторых,

само «общество», в силу социокультурных исторических обстоятельств, ныне обращено, по преимуществу, в «социальную массу», в «массовое общество», т. е. в нечто совершенно *аморфное*, не имеющее в себе кристаллической решётки высших ценностей и смыслов (этоса) и, соответственно, *лишённое какой-либо субъектности*, и, значит, представляющее собой сугубый объект для манипуляций массовым его сознанием. Тем более, нынешние так называемые «органы управления» («государство», в крайне узком смысле), оторванные и отчуждённые от общества, целенаправленно стремятся обратить, в своих интересах (подавления, эксплуатации и укрепления своей власти), общество в подобного толка аморфную социальную массу.

Основополагающим способом воспроизводства своей власти и управления таким «обществом» нынешние «органы управления» используют *манипуляцию массовым сознанием* во всём спектре её технологий.

Субъектность — способность действовать самостоятельно и осмысленно, в соответствии с собственными ценностями, целеполаганием и интересами.

Манипуляция (манипуляция массовым сознанием) — процесс достижения своих целей посредством других людей, общества в целом, с использованием риторических и психологических приёмов, воздействуя на бессознательную сферу этих людей, тем самым исподволь определяя и направляя их мнения, сознание и поступки.

В современных условиях, как мы уже говорили, *технологии манипуляции массовым сознанием*, во всём их спектре, благополучно *вытесняют культуру*, подменяя её ценностную матрицу совокупностью своих, внушаемых социальным массам, каждодневных *установок сознания и мировоззренческих стереотипов* «понимания» окружающей действительности, создавая тем самым для этих «масс» категорически *ложную действительность* (её симулякр) и, соответственно, их *ложное сознание*, тем более в «клиповой» его современной вариации.

Ложное сознание (понятие ввёл ещё Ф. Энгельс) — категорически искажённое, неадекватное, обыкновенно внушённое (идеологией, пропагандой, манипуляторами массовым сознанием и т. п.), представление о действительности.

Клиповое сознание (клиповое мышление, с соответствующими изменениями) — ложное сознание, сведённое к своему минимуму, расщеплённое, фрагментарное, бессистемное и логически несвязное.

Кстати, в самом простом виде, *сознание* — это собственное целостное отражение действительности.

По сути, *клиповое сознание* — это тот минимум «сознательности», который, наверное, вообще, возможен для человека (пока о нём ещё можно говорить, как о «человеке», «человеке разумном»), причём уже в форме почти полной утраты им своих ключевых базовых характеристик как сознания: целостности и самости («собственности»).

Короче говоря, современное *клиповое сознание* — это фрагментированное отражение «виртуальной реальности».

Культура — своеобразная символическая ценностно-смысловая система, определяющая и актуализирующая творчество человеком самого себя и сферы своего бытия.

Система высших ценностей и смыслов — система самого значимого для человека и общества, их святынь, образцов бытия, высших смыслов, жизненных принципов и идеалов.

Эту систему высших ценностей и смыслов мы называем «*ценностной матрицей*» культуры.

Данная «ценностная матрица», в принципе, лежит в основании возможного *стратегического целеполагания* тех или иных субъектов власти.

Теперь обратимся к «политическим» концептам.

Политика — деятельность, направленная на обретение и удержание видимой государственной власти.

Под «политикой» иногда также понимают ту сферу (систему), в которой осуществляется такого толка деятельность. Но лучше эту сферу (систему), наверное, обозначить именно как «политическую сферу».

Политическая сфера (система) — сфера (система), в которой осуществляется деятельность различных субъектов (индивидов, кланов, политических партий, иных социальных групп и пр.) по обретению и удержанию видимой государственной власти, осуществляемая по определённым правилам и по определённым сценариям.

Политическая партия — социальная группа, объединённая на основе определённой идеологии, действующая в политической сфере и имеющая своими целями обретение и удержание видимой государственной власти.

Соответственно, *политология* — дисциплина, изучающая деятельность различных субъектов в сфере обретения и удержания видимой государственной власти.

В идеале политология должна вскрывать вышеуказанные *сценарии и правила игры*, а также *основополагающие тенденции и закономерности*, имеющие место в политической сфере; однако она, обыкновенно, ограничивается лишь внешними поверхностными эффектами, не особо вдаваясь в настоящую суть вещей и процессов.

Здесь важно указать на то, что в вышеприведённых определениях фигурирует понятие *«видимой государственной власти»*.

Дело в том, что при капитализме выстраивается особого рода государственная система, в которой реальная власть (реальная государственная власть) так или иначе уходит в тень, в некий свой *«внутренний контур»*, а на поверхности оказывается её *«внешний контур»* (собственно, политическая сфера), зачастую играющий лишь роль прикрытия этой реальной власти. По существу, этот *«внешний контур»* служит *легитимации власти Капитала*, буржуазной *олигархии-плутократии* (чья власть, изначально, в сущности, *страдает вопиющим недостатком какой-либо легитимности*) и в то же время выводит эту олигархию (плутократию) из-под какой-либо реальной ответственности перед обществом. Впрочем, в зависимости от ситуации, этот *«внешний контур»* вполне может иметь и определённое отношение к реальной власти, её плутократическому *«внутреннему контуру»*, иногда даже относительно значительное.

И вот этот *«внешний контур»* и есть то, что называется *«политической сферой»*, *«политикой»*.

То есть *«политика»*, *«политическая сфера»*, в строгом смысле слова, есть относительно недавно появившийся феномен (~ с XVII–XVIII вв. в Западной Европе), детище капитализма; однако в настоящее время — и это особенно явно выразилось в глобальной системе государственных образований после распада Советского Союза — данный *«внешний контур»*, условно — *«контур политики»*, *«политической сферы»*, обратился окончательно в некий чистый *симулякр реальной государственной власти*, по существу, уже не имеющий никакого отношения к этой власти, за исключением разве что только того, что он её, эту реальную государственную власть, её реальных субъектов (глобальную плутократию), собою скрывает.

Симулякр (лат. simulacrum — идол, видимость, подобие подобия, копия копии) — вымышленный образ, представляющийся как самая что ни на есть реальность, истина, вытесняющий и замещающий собой реальность (*«реальнее реальности»*).

В этой связи надо указать на то, что реальная «государственная власть» в настоящее время (в эпоху «глобализации») является, по существу, *надгосударственной* и принадлежит олигархическим транснациональным финансовым кланам, корпорациям и структурам, а система «суверенных национальных» государств, по существу, окончательно ушла в прошлое, её эпоха канула в историческую Лету.

Соответственно и «политика» в настоящее время обратилась, по существу и окончательно, в фарс и шоу (нечто сродни шоу-бизнесу).

Типичным примером-иллюстрацией вышесказанного является нынешнее раскручивание в глобальном масштабе психоинформационной «пандемии» (с 2020 года), когда все *вроде как* «суверенные» государства, «как под копирку», «взяли под козырёк» и стали исполнять *вроде как* совершенно незаконные и вполне абсурдные решения неких незримых сетевых глобальных структур *по одной и той же «методичке»* — в явном русле глобального целеполагания массового сокращения населения, отнятия у него прав и свобод и постановки его под тотальный цифровой контроль.

Иными словами, укажем ещё раз, «государственная власть» сегодня принадлежит, по существу, условно, *надгосударственным структурам*, т. е. разного рода транснациональным корпорациям, глобальным, сетевым структурам и международным организациям более-менее явного и тайного толка.

Собственно, *власть* — это возможность реализации своих целей *посредством других людей, социальных групп или общества в целом.*

При этом *государственная власть* — это возможность реализации своих целей посредством всей системы общества и органов управления им.

Соответственно, *управление* — это процесс и путь реализации этой возможности, этих своих целей, осуществляемых посредством других людей, социальных групп или общества в целом.

Прошу прощения за некоторую неизбежную тут скрытую тавтологию, *государственное управление* — это процесс достижения своих целей посредством системы общества и органов управления им.

Проведение *суверенной конструктивной культурной политики*, разумеется, предполагает *преодоление* подобного, вышеописанного, наличествующего ныне *нелицеприятного* положения дел, т. е., во-первых, предполагает *преодоление отсутствия полного реального государственного суверенитета*, во-вторых, *преодоление кардинальной отчуждённости общества и «органов управления» им*, и, в-третьих,

преодоление аморфного безликого состояния «социальной массы», в которую обращено ныне современное «общество».

Для реализации вышеуказанных трёх проблемных пунктов, которые должно преодолеть, необходимы следующие два, по меньшей мере, основания:

1. *Суверенная* социально-политическая и экономическая система, очевидно, уже *не капиталистическая*.

Капитализм, в принципе, уже находится в своей *терминальной стадии* и зашёл, в глобальном своём масштабе, *в тупик*.

Напомним, что *капитализм* — это социально-экономическая система, имеющая своей основополагающей целью воспроизводство капитала в долгосрочной перспективе.

Капитал (от лат. *capitalis* — головной, главный, поголовье) — самовозрастающая стоимость, воспроизводящаяся как власть над трудом и его продуктами.

Очевидно, что та *социальная и гуманитарная деградация*, которая, со всей очевидностью и *неизбежностью*, имеет место в современной капиталистической модели, для нас, разумеется, категорически неприемлема и должна быть преодолена.

Наипаче, здесь нужно учитывать уже упомянутую нами, явно наметившуюся и целенаправленно осуществляемую ныне глобальными элитами («наднациональными структурами управления») тенденцию на перевод человечества в новую формацию «*цифрового паноптикума*», вроде как преодолевая вышеуказанное кризисное терминальное состояние глобальной Системы, с жёстким «гностическим» делением всего человечества на, условно, 1% «сверхлюдей», использующих современные технологии, «искусственный интеллект» для собственного, скажем так, «усовершенствования», и 99% «недолюдей», «служебных существ», находящихся под тотальным контролем «искусственного интеллекта» и тому подобных новейших технологий.

Очевидно, что такого рода предуготовляемый нам *бесчеловечный* «мир» для нас тоже *категорически неприемлем*.

В этом плане, тем более, Россия *обязана выйти из всех подобного рода глобальных проектов*, связанных с так называемыми «четвёртой промышленной революцией», «инклюзивным капитализмом», «новой нормальностью», «цифровой трансформацией» etc., и вообще, на наш взгляд, она как действительно суверенное государство *должна* выйти из различных сомнительного толка «международных орга-

низаций», вроде ВТО, ВОЗ, МВФ, ОГМВ, ВЭФ и т. п., и, наконец, начать выстраивать и развивать свою суверенную самостоятельную государственность, автаркичную экономику (народное хозяйство), самостоятельную культуру.

Важно заметить, что в современных условиях финансового государственно-монополистического глобального капитализма (пока ещё), *суверенное государство не может быть капиталистическим* в принципе.

Это очевидно, поскольку глобальная финансово-олигополистическая система, окончательно подчинившая сегодня себе «национальные» государства, *неизбежно* будет здесь подминать под себя любой «национальный» капитал (хотя бы в силу своего несопоставимо большего объёма) и обращать такого рода государство («капиталистическое») в свою марионетку, в компрадорское квазигосударство, криптоколониию.

Поэтому действительно суверенное государство, в таких условиях, может быть лишь *не-капиталистическим*, т. е. *не играющим по правилам* глобальных финансовых элит и их международных и транснациональных структур, корпораций и организаций (например, соблюдая так называемый «вашингтонский консенсус»). Ибо играя по данным правилам своих геополитических противников, выиграть у них невозможно в принципе.

Очевидно, что поскольку «политика», «политическая сфера» есть в настоящее время всё более и сугубо сфера симуляции-спектакля, то реальная деятельность по стратегической реализации целей должного культурного общественного (социального) и личного (гуманитарного) развития обязана быть не столько «политикой» («культурной политикой») в строгом смысле этого слова (см. выше), сколько реализовываться *во всей полноте отечественной социокультурной системы*, её культурно-исторической системы и, шире, Русского мира, опираясь на *живое общественное культурное творчество*.

2. Соответственно, вышеуказанное преодоление наличествующего положения дел с необходимостью предполагает наличие и актуализацию собственной развитой *своеобразной самостоятельной отечественной культурно-исторической системы*.

Культурно-историческая система — общественная система, основанная на своеобразной ценностной мировоззренческой матрице (парадигме) и имеющая свои особенные государственную, хозяйственную (экономическую) и религиозную системы.

Россия, шире — Русский Мир, безусловно, представляет собой своеобразную культурно-историческую систему, со своей особой ценностной матрицей (парадигмой), весьма отличной, в определённых аспектах — радикально, от Западноевропейской культурно-исторической ценностной матрицы.

Более детальное рассмотрение отечественной ценностной матрицы, основополагающих её ценностных образцов и концептов, причём в их отличии от их западноевропейских «аналогов», мы проведём в следующей главе.

С соответствующими изменениями, указанную отечественную культурно-историческую систему образно именуют таким понятием, как «*Русский мир*».

«*Русский мир*» можно определить как образное выражение социальной сферы, охватываемой Русской культурно-исторической системой.

Причём с учётом обоих смыслов русского слова «мир»: и как общества, вселенной, макрокосма, с одной стороны (мир), и как дружбы, покоя, согласия, с другой стороны.

Очевидно, что территория Русского мира и Русской культурно-исторической системы значительно шире границ современной России (Российской Федерации) и, с соответствующими изменениями, включает в себя Малороссию, Новороссию, Белоруссию, Казахстан (по крайней мере, значительную его часть) и, наверное, некоторые иные территории.

Система — определённая множественность элементов и их связей, находящихся в динамическом единстве.

История — дисциплина, изучающая общество (общества) в их становлении (развитии и деградации).

В то же время история — это и само становление общества в его временном (условно, диахроническом) ракурсе.

Соответственно, «*исторический*» — относящийся к указанному становлению обществ (общества) во временном их ракурсе.

Очевидно, что *Россия как самостоятельное государство имеет в своей основе своеобразную Русскую культурно-историческую систему, которая сложилась в весьма особенной исторической действительности, со своей особенной ценностной матрицей (парадигмой).*

Напомню, что *парадигма* (греч. παραδείγμα — образец, прообраз, первообраз) — это система своеобразных мировоззренческих образцов и принципов.

Совсем просто, *парадигма* — это мировоззренческая матрица.

И потому конструктивная культурная политика в России, очевидно, должна выстраиваться в соответствии с ценностной и целевой (аксиологической и телеологической) матрицей отечественной культурно-исторической системы.

* * *

В завершении текста 2 главы дадим ещё несколько определений ключевых для данной темы понятий.

Общество — совокупность людей, объединённых на основе общих ценностей и целей (этоса) существования, проживающих на определённой территории.

Этос имеет два близких значения: как греч. *НѠс* — система внутренних принципов и правил бытия человека; своего рода его, человека, внутренняя «кристаллическая решётка», нравственный стержень; и греч. *ЕѠс* — система правил и принципов бытия некоего общества, его устои, мораль, традиции.

Этика (изначально) — искусство воспитания в себе этоса — предполагает, по возможности, гармонию (единство противоположностей) этих этосов (личного и общественного).

Массовое общество, социальная масса — совокупность людей, проживающих на определённой территории в определённое время и не имеющих общих ценностей и целей (этоса).

Народ — совокупность людей, объединённых общей культурой, языком и идентифицирующихся с определённой общей системой ценностей и целей бытия.

Понятие «народ», в принципе, близко понятию «общество», с тем отличием, что понятие «народ» предполагает важным и определённый родоплеменной, в себе, фактор, а понятие «общество» этот фактор если и предполагает, то в гораздо меньшей степени.

Этнос (греч. *ѣтнос* — племя, народ) — совокупность людей, объединённая, во-первых, на родоплеменных основаниях, а во-вторых — на наличии общего языка и культурной ценностной идентификации.

Понятия «этноса» и «народа» тоже довольно близки, но если в «этносе» на первом месте всё же стоит родоплеменной фактор идентификации, то в «народе» — культурный.

Народ — это культурная общность.

Нация — совокупность людей, объединённых на политической основе (т. е. здесь имеет место идентификация в рамках некоего суве-

ренного национального государства с его *идеологией* и определённым *государственным языком*).

Нация — политическая общность.

Нация формируется в соответствии с определённой *государственной идеологией*.

Идеология — *символическая нарративная система, содержащая определённые ценности, цели, идеалы, образцы, мировоззренческие стереотипы и установки истолкования действительности*.

В отличие от классического мифа («классического нарратива»), например, идеология носит более *искусственный и специально-проектный характер*.

Идеология относится к той стадии развития современного общества, которую Ж. Бодрийяр называл «*эпохой производства*» («*вторым строем симуляции*»), при которой создаётся особая культурная искусственная символическая реальность, уже целиком отличная от природной, однако ещё не подменяющая собой последнюю. Это, собственно, эпоха становления капитализма (в Европе).

С другой стороны, идеология отличается от современных информационных *симулякров* (или, как я их называю, *псевдомифов*), производных «*третьего строя симуляции*» (эпоха «симуляции»), тем, что симулякры здесь уже подменяют и замещают собой реальность, становясь «реальнее реальности» и, собственно, определяя, что есть реальность, а что нет.

Проще говоря, в современной ситуации некое, условно, «министерство правды» определяет в «информационном пространстве», что, дескать, называть «чёрное чёрным», а «белое белым» — есть распространение «заведомо ложной информации», «фейков». И ничего с этим уже не поделаешь.

По-видимому, эпоха идеологий, т. е. эпоха промышленной революции, индустриальная эпоха, ушла ныне в прошлое; наступило время (информационная, постиндустриальная эпоха) торжества чистых симулякров.

Но как бы то ни было, для адекватного понимания действительности и уж тем более для проведения конструктивной грамотной культурной политики, вышеуказанные понятия — «этнос», «народ» и «нация» — нам надо чётко различать, хотя, конечно, между ними граница всё-таки достаточно размытая, «плавающая», и иногда работающие тут идентификаторы — родоплеменной, культурный и политический — могут в определённой мере перекрывать друг друга.

При этом важно заметить, что *нация* — специфическое политическое производное именно Западноевропейской культурно-исторической системы («цивилизации»), причём особой эпохи этой системы — Нового времени, Модерна, ключевой характеристикой которой являются: а) капитализм с его особой системой общественного производства и б) политическая система суверенных государств, сложившаяся после Вестфальского мира (с 1648 года).

В настоящее время, точнее, со второй половины XX века, когда, во-первых, на смену Модерну постепенно пришёл *Постмодерн*, а во-вторых, система национальных суверенных государств сменилась на систему господства глобальных транснациональных корпораций и международных организаций и структур, подмявших под себя суверенные национальные государства, в значительной мере или даже полностью лишивших эти «государства» суверенитета (культурного, экономического, политического), *производство «наций» уже, исторически, закончено.*

Сейчас возможно, разве что, лишь производство их («наций») *симулякров*, с определёнными геополитическими целями, с последующей перекодировкой «социальных масс» в некие фантазмагорические новые симулякры «общностей».

И наконец, рассмотрим весьма часто у нас используемое понятие «*цивилизация*».

Проблема здесь в том, что понятие «цивилизация» весьма многозначно и используется разными авторами, в рамках различных концепций и парадигм, в весьма разном смысле: и как синоним «культуры»; как смерть культуры, её, по существу, противоположность (в концепции О. Шпенглера); и как уровень технического развития общества; и как период «плодоношения культуры» (в концепции Н. Я. Данилевского); и как уровень развития общества, отличный от «варварства» (в концепции Л. Моргана, например); и как синоним отдельной своеобразной культурно-исторической системы и т. д.

Мы же позволим себе обозначить данным понятием материально-технический аспект культуры, культурно-исторической системы.

То есть *цивилизация* — это материально-техническая составляющая (сторона) культурно-исторической системы.

И потому, кстати, мы, используя данное понятийное различие и определение «культуры» как, прежде всего, ценностно-смысловой матрицы, с одной стороны, и «цивилизации» как материально-

технического уровня развития, с другой стороны, можем отмечать и понимать, например, то, что называется «ножницами Питерса», зачастую случающееся с социокультурными системами, то есть расхождение материально-технического вроде как прогресса на определённом этапе развития культурно-исторической системы, с одной стороны, и одновременно явной гуманитарной, нравственной и социальной деградации (как оно отмечается обыкновенно, со всей очевидностью, применительно к современной ситуации «массового общества»), имеющей место в данной культурно-исторической системе, с другой стороны.

Смеем надеяться, что все понятия, раскрытые в данном тексте, определены предельно лаконично, ясно и, по сути, отражая современное социокультурное положение дел, причём не только в его поверхностном срезе, но и раскрывая его подоплёку; более того, эти понятия представлены здесь в чёткой своей *системной логичной взаимосвязи друг с другом, составляя тем самым единую концептуальную систему.*

Глава 3

Триединый вектор государственной культурной политики в условиях глобализации

«...Жестокость государственного олигархического капитализма неизбежно делает чувства людей, их ощущение мира мелкими, поверхностными, скоропреходящими. Создается почва для направленного зла — Стрелы Аримана, как процесса, присущего именно этой структуре общества. Там, где люди сказали себе: “Ничего нельзя сделать”, — знайте, что Стрела поразит все лучшее в их жизни...

<...> Для борьбы с этой системой надо создать людей высокой психофизиологической тренировки, подобно нам, безвредных в своем могуществе. И прежде всего научить их бороться со всепроникающей «избранностью» — системой противопоставления владык и толпы, всеведущих ученых и темных невежд, звезд и бесталанных, элиты и низшего, рабочего класса. В этой системе корень фашизма и развращения людей Торманса...»

И. А. Ефремов, «Час Быка»

Проведение грамотной суверенной, нацеленной на реальное развитие человека и общества культурной политики предполагает наличие трёх основополагающих, друг с другом взаимосвязанных, по сути — *триединых, стратегических целей.*

Во-первых, это, собственно, *целеполагание всестороннего и творческого развития человека и, соответственно, общества;* во-вторых, это нацеленность культурной политики именно *на общее благо;* в-третьих, это основанность культурной политики *на своеобразной ценностной матрице (парадигме) отечественной культурно-исторической системы.*

Теперь подробно раскроем суть этих трёх основ. При этом, разумеется, опять же будем по ходу разбираться с ключевыми здесь понятиями.

Прежде всего, очевидно, конструктивная культурная политика предполагает (1) *развитие человека и общества*.

Напомним, что *культура* есть своеобразная символическая ценностно-смысловая система, определяющая и актуализирующая творчество человеком самого себя и сферы своего бытия.

Проще говоря, здесь на основе своеобразной ценностной матрицы интенсифицируется процесс творческой самореализации человека, его всестороннего саморазвития, причём этому процессу самоактуализации человека задаётся определённый вектор. Соответственно, человеком-творцом создаётся и определённая сфера его бытия.

Платон называет, с соответствующими изменениями, такого рода экзистенциальную стратегию развития человека «путём человека *выше себя*».

Экзистенциальный (от лат. *existentia* — существование) — относящийся к существованию человека, прежде всего, в плане его уникальности, индивидуальности, личности, свободы, глубоко личных переживаний.

Творчество — создание качественно нового.

Конструктивная культурная политика также предполагает (2) свою нацеленность на *общее благо*.

Поясним понятие «общего блага», поскольку оно, на наш взгляд, обыкновенно никак не определяется, и, более того, то, как оно обыкновенно негласно предполагается, или даже всё же определяется, содержит в себе базовую ошибку.

Общее благо — система обеспечения возможности каждому человеку данного общества его всестороннего развития и творческой самореализации.

Надо заметить, что обыкновенно данное понятие («общее благо») пытаются трактовать, скорее, как то, что обеспечивает удовлетворение тех или иных или вообще всех потребностей людей.

Тем паче *благо*, действительно, есть *то, что удовлетворяет ту или иную потребность человека*.

Однако, если мы выходим здесь на уровень именно «общего блага», то оказывается, что если мы станем полагать его («общее благо») как то, что удовлетворяет потребности людей, мы элементарно обратим это «благо» в нечто ему противоположное.

Дело здесь в том, что потребности человеческие, по существу, безграничны. И потому оказывается, что чем большее количество потребностей мы станем удовлетворять, сделаем из этого удовлетворе-

ния самоцель, то это, во-первых, тут же раскрутит маховик воспроизводства всё новых и новых потребностей, уходящих в бесконечность, а во-вторых, легко может сделать из человека социального паразита, раздутого эгоиста, стремящегося жить за счёт общества и в ущерб обществу, другим людям.

И тут мы заходим в социально-исторический тупик, впадаем в экзистенциальное и социокультурное противоречие.

Поэтому мы полагаем, что человек, чтобы становиться, быть Человеком, должен стремиться отнюдь не к максимальному удовлетворению своих всё возрастающих потребностей, а, напротив, полагать для них, этих потребностей, свою определённую *меру*.

Человек, по сути, как Человек, как свободное существо, зиждется на *способности к самоограничению*.

Быть *свободным* — значит, самыми простыми словами, быть господином своих потребностей, желаний, страхов, влечений и т. д., а отнюдь не их рабом.

Разумеется, потребности, так или иначе, по ходу развития и самосовершенствования человека и общества будут становиться всё разнообразнее, и эти потребности, разумеется, *необходимо, в свою меру, будут удовлетворять*, однако при этом, тем более, человек должен будет *уже всегда сам* налагать на них *свою меру*; т. е., говоря проще, осуществлять как свободное существо по отношению к ним свой личный нравственный принцип.

Иными словами, человек здесь должен существовать, жить в регистре «*Бытия*» (в терминологии Э. Фромма); в то время как человек, ориентированный на раздувание и прирост своих потребностей, на всё их большее и пуще удовлетворение, деградирует, опустошается, собственно, как Человек, и живёт, по существу, в *рабском* регистре «*Иметь*» («*Обладания*», в терминологии Э. Фромма), «*бытия ниже себя*» (в терминах Платона).

Подобного рода системная ошибка, к слову, закралась в своё время в Третью программу партии (принятую на XXII съезде КПСС в октябре 1961 года), в которой («программе») утверждалось, в качестве «целей социализма», «удовлетворение растущих потребностей народа», а в качестве «коммунистического» принципа утверждался принцип «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям», и подложенная таким образом под Советский коммунистический проект эта «системная ошибка» сработала как своего рода «мина замедленного действия», поскольку потребности в своём приросте, как

мы уже сказали, безграничны. Более того, такого рода постановка стратегических целей, так или иначе, переводила регистр существования и целеполагания советского человека из коммунистического регистра «Бытия» вновь-обратно в капиталистический регистр «Обладания»; и мы, таким образом, вместо создания Нового Человека-творца стали, хочешь не хочешь, тянуть советского человека обратно в буржуазное потребительское болото (пестовать эгоистичного «массового потребителя»), со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями.

Важно заметить, что именно культура как ценностно-смысловая матрица бытия человека определяет нравственное отношение человека к его системе потребностей. И потому грамотная конструктивная культурная политика в этом отношении — в отношении Общего блага как системы обеспечения возможностей всестороннего творческого развития всех и каждого — особенно актуальна и необходима.

И наконец, грамотная и конструктивная культурная политика должна осуществляться (3) *в соответствии с ценностными образцами отечественной культурно-исторической системы.*

Культурно-историческая система — самодостаточная социальная система, сложившаяся в определённых пространственно-временных горизонтах (т. е. на определённой территории, в определённый исторический период), основывающаяся на своеобразной системе ценностей и жизнесмыслов (т. е. культуре), и имеющая, соответственно, свои религию, хозяйственный уклад и систему организации власти и управления.

Ценности — точки интенсивности бытия человека.

Ценности есть самое значимое для человека, его жизнесмыслы, святыни и высшие цели существования.

По существу, ценности — это те образцы бытия, которые интенсифицируют существование человека (т. е. его экзистенциальные «точки интенсивности»).

Прежде всего, в числе этих *ценностных исконных образцов-концептов*, лежащих в основе русского мировоззрения, надлежит отметить: Справедливость, Правду, Свободу (Волю, Волюшку), Родину.

Разумеется, есть и иные, но мы пока остановимся здесь на этих: наиважнейших и ключевых.

Разумеется, данные ценностные образцы представляют собой определённые идеалы, и наличествующая российская действительность в настоящее время довольно далека от этих идеальных цен-

ностных образцов, однако именно на данных образцах-идеалах, пусть ныне и весьма попорченных, так или иначе зиждется отечественная социокультурная действительность и даже государственность, и если эти ценностные образцы-идеалы будут здесь окончательно попорчены и преданы забвению, то, соответственно, окончательно рухнет и эта социокультурная действительность, и уже тем более рухнет и эта государственность.

Обрисуем, по возможности, предельно кратко данные ценностные образцы; и одновременно сопоставим их с западноевропейскими аналогами — схожими ценностными концептами Западноевропейской культурно-исторической системы.

Справедливость — воздаяние должного.

Важно заметить, что в русской мировоззренческой матрице справедливость имеет свои нюансы-особенности: во-первых, здесь предполагается твой вклад в общее благо; т. е. насколько ты внёс свою лепту в общее благо — настолько тебе воздаётся и материально, и морально; а насколько навредил обществу — настолько воздаётся в виде наказания; и второй нюанс: поскольку, очевидно, «земная» справедливость, её конкретная практика, своеобразно оказывается далека от совершенства, то здесь наиважнейшим её, справедливости, характеристикой является её метафизическое измерение (условно, божественное, хоть и милосердное, но воздаяние).

Очевидно, что в современной России со «справедливостью» дела обстоят крайне скверно; можно сказать, всё здесь сегодня вывернуто наизнанку и перевернуто вверх дном. «Справедливость» здесь ещё сохраняется лишь в виде грёзы и иллюзорной надежды на то, что она должна где-то в ближайшей перспективе всё-таки хоть как-то осуществиться. А вот, когда эта грёза-надежда окончательно здесь рассеется, развеется, то последствия этого могут быть самыми печальными.

Важно заметить, что современная наличествующая капиталистическая социально-экономическая модель в принципе и в корне несправедлива; и, по существу, противоречит России, её ценностно-смысловой мировоззренческой матрице-сути; более того, та модель капитализма — «периферийного», «колониального», который имеет место в современной России, отличается ещё более вопиющей несправедливостью, нежели капитализм Метрополии.

Потому очевидно, что для более-менее реального осуществления данного ключевого основополагающего русского ценностного образца-концепта — Справедливости — необходимо преодоление

капиталистической социально-экономической модели. Очевидно, что «чем больше капитализма, тем меньше России».

В Западной (Западноевропейской, Фаустовской) культурно-исторической системе, собственно, полного аналога русской Справедливости нет. Есть в некотором плане аналогичный ценностный концепт Правосудия, или Законности; однако это, в корне, нечто совершенно иное.

Русская Справедливость — над всяким «человеческим» Законом; зачастую она оказывается ему, Закону, здесь оппонентом и противоречием.

В этом плане она, Справедливость, делает Русскую мировоззренческую матрицу, по сути, более христианской, новозаветной, нежели Западная «законническая» матрица, по существу, «ветхозаветная», с одной стороны, с другой — идолопоклонническая (перед Законом), древнеримская.

Правда — соответствие подлиннику, или идеальному образцу, речей и поступков.

В определённом аспекте ценностный образец-концепт Правды близок ценностному образцу Справедливости, хотя, конечно, имеет свои особенности.

Опять же русская Правда имеет не только «человеческое земное» измерение, но, прежде всего, предполагает и божественное своё измерение: Высшую Правду. Поскольку, тем более, очевидно, «нет правды на земле».

В русском языке, надо заметить, есть важное различие «правды» и «истины». Правда — это, прежде всего, этическое и онтологическое понятие; истина — гносеологическое, прежде всего, хотя и онтологическое тоже.

Обращу внимание, что в Западноевропейской культурно-исторической системе подобного (русской «Правде») ценностного концепта-образца нет.

Здесь есть только ценностный концепт-образец «истины», сыгравший ключевую роль в возникновении и развитии европейской науки.

Однако «истина» здесь есть, прежде всего, именно гносеологический образец-концепт — и, кстати, менее онтологический, нежели даже в русской мировоззренческой матрице; и уж никак не этический.

Соответственно, с Правдой в настоящее время у нас дела обстоят тоже крайне нехорошо. Современная (капиталистическая) модель

социального управления, зиждущаяся на технологиях манипуляции массовым сознанием, целенаправленно создаёт, в принципе, у потребителей массовой информации ложную картину мира, представляющую собой набор симулякров, и потому с Правдой здесь, действительно, огромные проблемы.

Очевидно, что суверенная конструктивная и грамотная культурная политика предполагает совершенно иную парадигму осуществления социального управления, основанную, прежде всего, на Правде.

Свобода (Воля, Волюшка).

Вообще, *свободу* можно определить как раскрывшуюся возможность творчества, возможность творить; творить, прежде всего, свой выбранный жизненный путь, себя.

Русская Свобода как основополагающий образец бытия, разумеется, имеет свои особенности.

Прежде всего, здесь нужно указать на то, что русский человек вообще характеризуется своим неизбывным исконным стремлением «к горизонту» (окоёму) и, более того, «за горизонт» (за окоём). О. Шпенглер назвал бы это культурным первосимволом человека русской культуры, в связи с чем и Свобода (Воля) в русской мировоззренческой матрице приобретает свои особенные черты.

То есть это есть некая особая *запредельная* Свобода.

Соответственно, и Воля здесь приобретает довольно специфический смысловой свой ряд: как волюшка, вольница, устремляющиеся *за горизонт*.

В свою очередь, понятие «*воля*» можно определить, как способность самостоятельно полагать цель и достигать её.

Иными словами, совершать свободный выбор.

Соответственно, *экзистенциальная цель* эта для русского человека, как априори, всегда уже как бы *запредельна* («за-горизонтна»).

В этом смысле западноевропейская «свобода», как и «воля», тоже здесь фигурирующие в качестве ценностных образцов, имеют несколько иной ряд значений.

Свобода здесь в Фаустовской (Западной) культурной мировоззренческой матрице, причём, разумеется, эта «свобода» тоже, в самом общем виде, может быть определена как раскрывшаяся возможность творчества, прежде всего, отличается от русской «свободы» тем, что она, Фаустовская «свобода», есть, прежде всего, «свобода» внешняя, реализуемая в социально-политической действительности, в то время как русская «свобода» — это свобода, прежде всего, внутренняя,

глубоко онтологическая, и внешняя социально-политическая действительность здесь имеет к ней некоторое отношение лишь постольку-поскольку.

Соответственно, эта внутренняя духовная русская Свобода, априори, не имеет никаких для себя «непреодолимых горизонтов», в то время как западноевропейская «свобода» всегда так или иначе ограничена непреодолимым идолом-горизонтом «закона» и вообще сводится к социально-политической поверхности существования индивида.

С другой стороны, «воля» в Фаустовской мировоззренческой матрице есть, прежде всего, «воля к власти», т. е. возможность проецировать себя, свою власть, на иное, на окружающее пространство.

Кстати, напомним, *власть* — это возможность достижения своих целей посредством других людей, определённых социальных групп или общества в целом.

Русская же Воля есть, скорее, нечто обратное: «воля от власти» (стремление ускользнуть от неё).

Иными словами, концепты-образцы «воли» в мировоззренческих парадигмах русского и западноевропейского толка имеют весьма различные, почти противоположные свои экзистенциальные интенции (направленности) и режимы.

Любопытно заметить, что для русского человека одна из ключевых проблем западноевропейской философии — проблема «свободы воли» — вообще малопонятна, поскольку представляет собой в русской мировоззренческой системе почти плеоназм; в то время как в Фаустовской мировоззренческой матрице это, действительно, проблема: проблема, прежде всего, возможности простираť свою власть на других, на окружающее пространство; проблема устанавливать («творить») свою власть, свой «закон» (по существу, достигающая своего «идеала» в императиве А. Кроули: «твори свою волю, и таков да будет закон»).

Наверное, излишне говорить, что в настоящее время в России со Свободой (Волей) дела также обстоят далеко не лучшим образом.

Ценностный образец *Родины* имеет для русского человека особо, просим прощения за плеоназм, высокую ценность.

Это связано в значительной мере с тем, что для русского человека, за всю обозримую его историю, особо актуальной была необходимость личной защиты родной земли, потому как в противном случае, если победит враг (будь то кочевники или будь то европейцы),

погибнут (или станут рабами) все, вся твоя семья, весь твой род, весь твой народ.

И в этом плане, даже реализуя своё неизбывное онтологическое стремление за горизонты, русский человек сохранял в себе особо трепетное отношение к своей Родине, родной земле.

В то же время, однако, олигархический принцип (см. ниже), с тесно связанной с ним западнической тенденцией российской элиты, с давних исторических пор оказывал и оказывает своё разрушительное влияние на данный ценностный концепт, доходя у отдельных персонажей и даже социальных групп, социальных слоёв до полного её, Родины, России, отрицания, презрения к ней.

А поскольку это — олигархический принцип и западническая тенденции — типично свойственно, прежде всего, российской элите, то те мировоззренческие и поведенческие стереотипы, которые имели и имеют место в этой российской элите, поражённой вышеуказанными олигархическим принципом и западнической тенденцией, становятся «модными» и для простонародья, так или иначе подражающего этой элите («рыба гниёт с головы») и обращающегося в типичных лакеев «Смердяковых».

Олигархический принцип элиты — стремление иметь в стране всё, при этом ни за что не отвечая.

Западническая тенденция — стремление российской элиты (значительной её части) «на Запад», идолопоклонство перед «Западом».

Вышеуказанные Принцип и Тенденция в российской элите возникли и утвердились вследствие специфических условий формирования российской государственности, предполагающей: а) высокую меру ответственности элиты (перед Государем, прежде всего) — значительно выше, чем в Европе, и б) относительную ограниченность богатства («прибавочного продукта») — опять же, значительно ниже, чем в Европе. Оттого российская элита, во-первых, стала своеобразно стремиться ограничить права царя над собой, с одной стороны, и подавить народ, его вольности, с другой стороны, при этом, соответственно, стремясь изымать для себя у народа не только прибавочный, но и часть необходимого продукта (чем реально выталкивала простой народ в нищету).

Соответственно, поскольку элиты на Западе имели все права над народом и не несли почти никаких обязанностей перед своими суверенами (королями, императорами и пр.), то и российская элита (по крайней мере, весьма значительная её часть) типично стремилась

к аналогичным своим «вольностям»: 1) иметь в стране всё, ни за что не отвечая, и 2) стать вровень (по богатству и «вольностям») с западноевропейскими своими «коллегами».

Иными словами, для этой российской элиты вскоре стало «солнце всходить на Западе»; «Запад» стал для неё авторитетом и «идеалом»; и она, эта «российская» элита оттого стремилась сделать тут, в России, вопреки историческим, климатическим, географическим, социокультурным и прочим реалиям, всё, «как на Западе».

Соответственно, Россия, её культура, история и пр., оказывалась неизбежно умалённой в своей самооценности, самостоятельности, со всеми вытекающими отсюда, опять же довольно печальными, последствиями.

Оттого, полагаем, ценностный образец Родины оказывается здесь тем более актуальным и требующим своего особого раскрытия.

Это актуальное раскрытие данного ценностного образца так или иначе связано с тем, что называется «патриотическим воспитанием».

Однако при этом, проводя конструктивную самостоятельную грамотную культурную политику, ни в коем случае нельзя допускать того, что называется «казённым патриотизмом», «патриотическим официозом» и т. п. лицемерных практик, поскольку они, с одной стороны, оказываются выгодны бюрократам, успешно отчитывающимся о проведённом «патриотическом воспитании», но с другой стороны, вызывают зачастую обратный негативный эффект. Как оно случилось и в Российской империи, и в поздний период Советского Союза.

Об этой проблеме, наверное, наиболее ярко и точно, по сути, высказался в своё время В. В. Розанов:

«У нас в гимназиях, и особенно в тогдашней подлой Симбирской гимназии, при Вишневском и Кильдюшевском, с их оскверняющим и оскорбляющим чиновничеством, от которого душу воротило, заставляли всей гимназией перед портретом Государя петь *каждую субботу* “Боже, Царя храни”, да и теперь, при поводе и без повода, везде и всякая толпа поет “Боже, Царя храни”...

Как?

— Конечно, *бездушно!*

Нельзя каждую субботу испытывать патриотические чувства, и все мы знали, что это “Кильдюшевскому с Вишневским нужно”, чтобы выслужиться перед губернатором Еремеевым: а мы, гимназисты, сделаны орудиями этого низменного выслуживания...

И, конечно, мы “пели”, но каждую субботу что-то улетало с зеленого дерева народного чувства в каждом гимназисте: “пели” — а в душонках, маленьких и детских, рос этот желтый, меланхолический и разъяренный нигилизм...».

Поэтому, очевидно, патриотическое воспитание, да и вообще реализация культурной политики — в целом конструктивной, грамотной и суверенной, должны осуществляться с умом, тонко, ненавязчиво, свободно (!).

Опять же об этом приведём верную мысль В. В. Розанова:

«...Чувство Родины — должно быть строго, сдержанно в словах, не речисто, не болтливо, не “размахивая руками” и не выбегая вперед (чтобы показаться).

Чувство Родины должно быть великим горячим молчанием...».

Очевидно, что претендующая *на суверенность и ориентированная на полноценное развитие человека и общества* культурная политика призвана актуализировать вышеуказанные ценностные образцы отечественной культуры, культурно-исторической системы, причём делая это ненавязчиво, умно и в регистре воспитания именно свободного человека-творца, прекрасно понимающего, с одной стороны, трагизм и проблематику отечественной истории, наличествующие в отечественной социально-экономической системе негативные тенденции (например, олигархический принцип и сопутствующую ему западническую тенденцию, лакейскую «смердяковщину»), а с другой стороны, нацеленного на общее благо, на актуализацию высших ценностей и смыслов, на всестороннее творческое развитие и самовоспитание.

В завершении данного нашего рассуждения необходимо заметить, что наличествующая сегодня глобальная тенденция, имеющая под собой как системные (объективные), так и субъектные (целенаправленную деятельность определённых субъектов, элитных групп) причины, — на перевод глобальной системы из капиталистической социально-экономической модели в новую формационную модель «цифрового» паноптикума, в этом своём целеполагании, в его «гностической» парадигме, категорически противоречит ценностной матрице отечественной культурно-исторической системы, её основополагающим ценностным образцам, и потому проведение новой суверенной, нацеленной на гуманитарное и социальное культурное развитие человека и общества культурной политики, тем паче оказывается здесь крайне актуальным и, более того, экзистенциально-важным для нашего выживания, сохранения исторической России, её развития и процветания.

Литература

- Аксаков К. С.* Государство и народ. — М. : Институт русской цивилизации, 2009. — 608 с.
- Барт Р.* Мифологии. — М. : Издательство им. Сабашниковых, 1996. — 312 с.
- Бердяев Н. А.* Смысл истории. — М. : Мысль, 1990. — 174 с.
- Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества. — М. : Правда, 1989. — 608 с.
- Бехтерев В. М.* Внушение и его роль в общественной жизни. — СПб. : Питер, 2001. — 256 с.
- Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в Заливе не было. — М. : РИПОЛ-классик, 2016. — 224 с.
- Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. — М. : Библион, 2004. — 304 с.
- Бодрийяр Ж.* Общество потребления. — М. : Республика, 2006. — 272 с.
- Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. — М. : Добросвет, 2000. — 387 с.
- Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. — М. : Karios, 2018. — 320 с.
- Бодрийяр Ж.* Соблазн. — М. : Ad Marginem, 2000. — 320 с.
- Бьюкенен П.* Смерть Запада. — М. : АСТ, 2003. — 444 с.
- Валлерстайн И.* Миросистемный анализ. Введение. — М. : Ленанд, 2018. — 304 с.
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем. — М. : Ленанд, 2020. — 400 с.
- Вандам (Едрихин) А. Е.* Наше положение. — СПб. : Наука, 2009. — 178 с.
- Васильев Г. Е.* Окоём Волюшки. Русская философия власти. — М. : Ваш Формат, 2021. — 580 с.
- Васильев Г. Е.* Перевороты: XIX — нач. XX вв. Русская историология. — М. : Ваш Формат, 2019. — 603 с.
- Васильев Г. Е.* Русская историология. Книга первая. До Куликова поля. — М. : Франтера, 2015. — 579 с.
- Васильев Г. Е.* Русская историология. Книга вторая. Московская Русь. — М. : Издательские технологии, 2017. — 601 с.
- Васильев Г. Е., Ляпустин А. Г., Янковская В. С.* Качество бытия человека: пути развития и прогнозирование. — М. : Принт24, 2020. — 171 с.

- Васильев Г. Е., Ляпустин А. Г., Янковская В. С.* Кризис человека в современной цивилизации. — М. : Франтера, 2011. — 141 с.
- Вехи. Из глубины. — М. : Правда, 1991. — 608 с.
- Гиренок Ф. И.* Клиповое сознание. — М. : Проспект, 2016. — 256 с.
- Гиренок Ф. И.* Пато-логия русского ума. — М. : Аграф, 1998. — 416 с.
- Гиренок Ф. И.* Удовольствие мыслить иначе. — М. : Академический проект, 2008. — 235 с.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. — М. : Институт русской цивилизации, 2011. — 816 с.
- Ефремов И. А.* Час Быка. — М. : МПИ, 1988. — 528 с.
- Зиновьев А. А.* Глобальный человек. — М. : Эксмо, 2003. — 448 с.
- Ильин И. П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия. — М. : Интрада, 1998. — 256 с.
- Канетти Э.* Масса и власть. — М. : АСТ, 2015. — 576 с.
- Кара-Мурза С. Г.* Власть манипуляции. — М. : Академический проект, 2020. — 358 с.
- Кара-Мурза С. Г.* Демонтаж народа. — М. : Эксмо, 2007. — 704 с.
- Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. — М. : Эксмо-Пресс, 2001. — 832 с.
- Кара-Мурза С. Г.* Матрица «Россия». — М. : Эксмо, 2010. — 256 с.
- Кара-Мурза С. Г.* Россия и Запад. Парадигмы цивилизаций. — М. : Академический проект, 2011. — 232 с.
- Катасонов В. Ю.* Глобальные фальсификации и аферы на службе «хозяев денег». — М. : Кислород, 2020. — 496 с.
- Катасонов В. Ю.* Конец истории или смерть Запада. Читая Шпенглера. — М. : Книжный мир, 2021. — 336 с.
- Катасонов В. Ю.* Религия денег. Духовно-религиозные основания капитализма. — М. : Кислород, 2014. — 408 с.
- Катасонов В. Ю.* Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». — М. : Кислород, 2017. — 1120 с.
- Катасонов В. Ю.* От рабства к рабству. От Древнего Рима к современному капитализму. — М., 2014. — 448 с.
- Катасонов В. Ю.* Читая Шваба. Инклюзивный капитализм и великая перезагрузка. Открытый заговор против человечества. — М. : Книжный мир, 2021. — 320 с.
- Киреевский И. В.* Духовные основы русской жизни. — М. : Институт русской цивилизации, 2007. — 449 с.
- Лебон Г.* Психология народов и масс. — СПб. : Питер, 2018. — 256 с.

- Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство. Великий спор. — М. : Эксмо-Пресс, 2001. — 736 с.
- Леонтьев К. Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения. — М. : Книга по Требованию, 2011. — 52 с.
- Лосев А. Ф.* Философия. Мифология. Культура. — М. : Политиздат, 1991. — 525 с.
- Лэш К.* Восстание элит и предательство демократии. — М. : Логос, 2002. — 224 с.
- Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. — М. : Кучково поле, 2003. — 464 с.
- Мамфорд Л.* Миф машины. — М. : Логос, 2001. — 408 с.
- Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. — М. : Академический проект, 2010. — 784 с.
- Маркузе Г.* Одномерный человек. — М. : Рефл-Бук, 1994. — 368 с.
- Нестеров Ф. Ф.* Связь времён. — М. : Всемирная история, 2018. — 400 с.
- О Великом инквизиторе: Достоевский и последующие. — М. : Молодая гвардия, 1991. — 272 с.
- Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. — М. : Весь мир, 1997. — 704 с.
- Оруэлл Д.* 1984. Скотный двор. — М. : АСТ, 2016. — 384 с.
- Панарин А. С.* Испытание глобализмом. — М. : Эксмо, 2002. — 416 с.
- Панарин А. С.* Народ без элиты. — М. : Алгоритм, 2006. — 352 с.
- Панарин А. С.* Правда «железного занавеса». — М. : Алгоритм, 2006. — 336 с.
- Панарин А. С.* Русская культура перед вызовом постмодернизма. — М. : Институт философии РАН, 2005. — 188 с.
- Паршев А. П.* Почему Россия не Америка. — М. : Крымский мост-9Д, 2000. — 416 с.
- Платон.* Государство // Соч. в 4-х тт. — Т. 3. — М. : Мысль, 1994. — 654 с.
- Платон.* Законы. — М. : Мысль, 1999. — 805 с.
- Психология толпы. — СПб. : Эксмо, 2003. — 798 с.
- Пыжиков А. В.* Грани русского раскола. — М. : Концептуал, 2018. — 536 с.
- Розанов В. В.* Уединенное. — М. : Издательство политической литературы, 1990. — 544 с.
- Руднев В. П.* Энциклопедический словарь культуры XX века. — М. : Азбука, 2017. — 864 с.
- Русская идея. — М. : Республика, 1992. — 496 с.

- Стариков Н. В.* Геополитика: как это делается. — М. : Эксмо, 2022. — 432 с.
- Теория государства у славянофилов. — СПб. : Типография А. Пороховщикова, 1898. — 95 с.
- Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого «Я». — М. : АСТ, 2018. — 320 с.
- Фромм Э.* Бегство от свободы. — М. : Харвест, 2007. — 380 с.
- Фромм Э.* Иметь или быть. — М. : Прогресс, 1990. — 336 с.
- Фурсов А. И.* Вопросы борьбы в русской истории. Логика намерений и логика обстоятельств. — М. : Книжный мир, 2020. — 544 с.
- Фурсов А. И.* Мировая борьба. Англосаксы против планеты. — М. : Книжный мир, 2017. — 512 с.
- Хаксли О.* О дивный новый мир. — М. : АСТ, 2010. — 288 с.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. — М. : АСТ, 2016. — 640 с.
- Хомяков А. С.* Всемирная задача России. — М. : Институт русской цивилизации, 2011. — 784 с.
- Четверикова О. Н.* За фасадом ВОЗ. — М. : Книжный мир, 2021. — 320 с.
- Четверикова О. Н.* Диктатура просвещённых. Дух и цели трансгуманизма. — М. : Издатель Геннадий Маркелов, 2018. — 160 с.
- Четверикова О. Н.* Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар. — М. : Книжный мир, 2018. — 384 с.
- Шваб К.* Технологии четвёртой промышленной революции. — М. : Эксмо, 2018. — 320 с.
- Шваб К.* Четвёртая промышленная революция. — М. : Эксмо, 2016. — 208 с.
- Шнуренко И.* Демон внутри. Анатомия искусственного интеллекта. — М. : Наше Завтра, 2021. — 512 с.
- Шнуренко И.* Homo fractus. Человек взломанный. — М. : Наше Завтра, 2021. — 452 с.
- Шнуренко И.* Убить Левиафана. — М. : Наше Завтра, 2021. — 506 с.
- Шпенглер О.* Закат Европы. — Минск : Харвест, 2000. — 1376 с.
- Шпитцер М.* Антимозг. — М. : АСТ, 2014. — 288 с.
- Schwab K., Malleret T.* Covid-19: The great reset. — Geneva : Forum publishing, 2020. — 213 с.
- Zuboff S.* The age of surveillance capitalism. — New York : Public Affairs, 2019. — 717 с.

Актуальный словарь культурной политики

Аксиология (от греч. αξια — ценность, цена) — философское учение о *ценностях, высших ценностях* (см.).

Власть — возможность достижения своих *целей* посредством других людей, социальных групп, общества в целом.

Определяемая здесь таким *телеологическим* (см.) образом, власть имеет эту свою истинную цель своей сущностью; спектр её целеполагания при этом может быть, разумеется, совершенно различным, вплоть до противоположностей. Условно, от компенсации неким конкретным субъектом власти зудящего своего *комплекса ничтожества (неполноценности)*, получая огромное удовольствие от унижения других людей, с одной стороны, до идеи, идеального стремления раскрыть творческие качества людей, общества, с другой стороны, получая высшее человеческое удовольствие от своего общественно-полезного творчества, управленческого творчества.

Вызов и Ответ — в концепции А. Тойнби — основной движущий фактор развития или деградации и гибели обществ (*культурно-исторических систем* (см.)).

Вызов есть то или иное катастрофическое, угрожающее жизни данного общества событие.

Вызов может быть как *внешним*, так и *внутренним*. Это может быть, например, нападение врагов, или стихийное бедствие, или что-то в том же роде; это внешние вызовы; но это может быть и некие внутренние противоречия, внутренние вызовы, например, внутренние конфликты, спровоцированные процессами урбанизации или индустриализации и т. п., с соответствующим изменением социальной структуры общества, резким социальным расслоением, противоречиями внутри элит и т. д.

Если в обществе, по Тойнби, находится некое *творческое меньшинство* (условно, *элита*) (см.), которое оказывается способно *Отвечать* на данный Вызов, организовать общество в целом, предложить свою идею-план выхода из создавшегося кризиса и, соответственно, реализовать этот свой план, то общество, мобилизовавшись и органи-

зовавшись, даёт свой *Ответ* на данный Вызов, преодолевает проблемы, связанные с этим Вызовом, преодолевает его кризисное состояние и тем самым только усиливается, получает толчок в развитии.

Иногда бывает так, что наличествующая элита общества не может ответить на Вызов, однако находится иная элита, так сказать, *контрэлита* (*творческое меньшинство*), которая приходит к кормилу власти и, потеснив прежнюю, ни на что уже неспособную элиту, выводит общество из катастрофического кризиса, сама становясь, на определённый момент, собственно, *элитой* (см.).

Если же общество оказывается неспособным ответить на данный Вызов, т. е. если элита данного общества оказывается управленчески импотентной, а потенциальная контрэлита тоже либо оказывается, в сущности, не в состоянии что-либо здесь сделать, либо её просто не пускает к кормилу власти вцепившаяся в него наличествующая элита (*господствующее меньшинство*), то общество либо гибнет, либо переживает весьма серьёзные потрясения, запускающие в нём деградиционные процессы.

Гибридная война — в современную эпоху война, ведущаяся с использованием весьма различных способов и инструментов, по преимуществу, отнюдь не буквально «военной силы», а иных, как то: дезинформация, промывка вражеских мозгов, использование «пятой колонны», микробиологические и химические диверсии, организация эпидемий, поддержка террористов на территории врага, разного толка «революционеров», «оппозиции», корруммирование чиновников, разнообразное вредительство и т. д., и т. п.

Сегодня *глобальные элиты* со всей очевидностью повели своего рода гибридную войну против населения планеты в целях его сокращения и учинения «*цифрового*» *концлагеря* (см.).

Глобализация — здесь процесс овладения миром, возникшим и оформившимся в недрах Западной (Фаустовской) культурно-исторической системы, ставшим транснациональным *субъектом власти* (условно, транснациональной олигархией), осуществляемый им ныне посредством новейших технических и экономических средств, как то: информационно-коммуникационных, финансовых, транспортных, военных и т. д., с повсеместным внедрением им в общество *массовой культуры* (см.), стереотипов *общества потребления* (см.), финансово-долговой кабалы и иных подобного толка вещей.

Ценности (см.) этого транснационального субъекта власти весьма расходятся уже с ценностями Фаустовской (Западной) культуры,

хотя между ними и есть определённое логическое соответствие и своего рода преемственность.

Современный процесс глобализации явился следствием захвата-колонизации «западными» государствами-империями (представителями Фаустовской культурно-исторической системы), так или иначе, к концу XIX века всего Земшара, за исключением Российской империи, которая, впрочем, находилась под сильным влиянием условного Запада, пребывая в состоянии *Псевдоморфоза* (см.), элита которой (Российской империи), высшие слои её общества вынужденно корчили из себя «европейцев», а вся территория России вместе с её народом оказалась пространством эксплуатации этой элитой, считай, как некая колония, а после февраля 1917 года, когда иностранный капитал, можно сказать, окончательно овладел «российской» экономикой, страна превратилась, действительно, в экономическую и политическую колонию стран Антанты.

Однако после Октябрьской революции и последующего возведения Советского Проекта, СССР постепенно (к концу 1930-х гг.) вышел из непосредственного контроля условного «Запада», а после Второй мировой войны из-под этого влияния были выведены и некоторые иные «социалистические» страны. Ну а на самом Западе в результате двух мировых войн и соответствующего передела мира возобладали *англосаксонская ветвь*, и, по существу, нынешняя глобализация стала представлять собой *овладение* этой *англосаксонской* (английской и американской), в широком смысле, *элитой*, разумеется, с вкраплением в неё представителей высших элит других стран, всем, кроме СССР (и входящим в его орбиту социалистическим миром), *Земшаром*.

Чуть позже англосаксы взяли в оборот, с 1970-х гг., сорвавшийся с орбиты СССР; Китай (с его отныне госкапитализмом) включили в свою орбиту, в свою сферу влияния, основательно в него вложились и сделали из него, считай, свою индустриальную фабрику.

Следующим шагом этой англосаксонской элиты, использующей *западническую тенденцию* (см.) в советской элите, был повержен Советский Проект со всем социалистическим миром, в результате чего был, по существу, завершён процесс *глобализации*, т. е. постановки всего Земшара, или почти всего, в той или иной мере, *под власть глобальных англосаксонских, по преимуществу, элит*.

Можно предположить, что в настоящее время *глобальные элиты* предполагают сделать именно Китай (вместо США), с его идеоло-

гической моделью левого глобализма (троцкистского толка), своим «флагманом», поелику отлично дрессированные и вельми послушные своему начальству китайцы оказываются тут прекрасным человеческим материалом для обкатки технологий внедрения «цифрового» концлагеря, более подходящим, нежели всё-таки менее послушные и требующие для себя определённых прав и свобод белые американцы и европейцы.

Глобальные элиты (Глоты) — верхний уровень транснациональной финансовой олигархии (плутократии), олигархических кланов, «хозяева денег», владельцы международных финансовых холдингов, ФРС, Банка Англии etc., владельцы международных структур и организаций.

Глобальный человек — понятие А. А. Зиновьева из его одноимённой книги-антиутопии, обозначающее установившуюся (ныне устанавливающуюся) глобальную систему вполне *гностическо-го* кастового типа.

По существу, человек в этой системе массово низводится, в своих онтологических характеристиках, до состояния муравья, биоробота, бессмысленного придатка электронной *Мегамшины* (см.), а общество — до состояния муравейника, состоящего из подобного рода бессмысленных существ.

Что-то, действительно, вроде «всеобщего согласного муравейника», в терминах *Великого Инквизитора* (из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»).

Управляют в этом *глобальном человеинике* компьютеры (*Цифровой Левиафан* (см.), в терминах И. Шнуренко), «искусственный интеллект», а люди — это лишь его «белковые» придатки, объекты манипуляции.

Глобальный человек представляет собой вполне логичное следствие развития нынешних тенденций «западного» прежде всего общества, как *общества потребления* (см.), *массового общества* (см.), в русле идеологии *западнизма*, где человек стал совершенно *одномерен* (см.), существуя в своём мировоззренческом регистре стереотипов и установок *западоида*.

Западнизм — термин, введённый А. А. Зиновьевым, обозначающий идеологию и образ жизни типичного «западного» человека (*западоида*) и, соответственно, «западного» общества, характеризующегося крайним эгоизмом, индивидуализмом, тотальным отчуждением, потребительством и т. д.

Западоид — термин А. А. Зиновьева, обозначающий типичного «западного», и не только, человека, основными характеристиками которого является крайний эгоизм, индивидуализм, отчуждённость, безнравственность (бесстыдство), эмоциональная чёрствость, расчётливость, потребительство, внушаемость, весьма узкий и плоский мировоззренческий горизонт, чувство превосходства, «*воля к власти*» (см.).

Иными словами, это, с соответствующими изменениями, довольно типичный представитель современного *массового общества* — *массовый индивид* (см.).

Принцип жизни западоида: работать на себя, а все прочие люди — только средства.

Ср. А. А. Зиновьев («Глобальный человеиник»): «...*Западоиды внутренне свободны от моральных и прочих человеческих ограничений. Тут действует принцип: если западоид может совершить в своих интересах порицаемый или наказуемый поступок, будучи уверен в том, что ему удастся избежать порицания или наказания, он совершает его. Только страх разоблачения, порицания и наказания, а также практическая невозможность, чрезмерная трудность или нецелесообразность совершить порицаемый или наказуемый поступок удерживает западоида от него. Внутренне нравственный западоид существует как исключение...*

Современный западоид выглядит психологически упрощенным сравнительно с другими типами людей. И даже сравнительно с предшественниками. Тут надо иметь в виду то, что личности со сложной внутренней жизнью, какие изображала западная литература прошлого, либо были выдуманы писателями, либо существовали как исключение, да и то не в такой яркой форме. На самом деле они были гораздо скучнее и примитивнее...»¹⁴.

Такого рода типичный *массовый индивид* (*западоид*) сложился в лоне Западной (Фаустовской) культурно-исторической системы в Новое время, а с Новейшего времени воспроизводится уже в режиме социальной штамповки и дрессировки.

Важно заметить, что, по довольно верной мысли А. А. Зиновьева, современный *западоид* типично *проще и примитивнее* по своему душевно-духовному состоянию, нежели люди иных культур и даже, чем сами «западные» люди, европейцы, в былые времена.

¹⁴ См.: Зиновьев А. А. Глобальный человеиник. — М. : Эксмо, 2003. — 448 с.

В то же время, разумеется, в довольно типичного *западоида* может обратиться человек, считай, любого общества и любой культуры, если принимает подобного толка идеологию (западнизм) и отождествляется с подобной культурно-идеологической матрицей, «врастает» в неё.

В настоящее время мы уже воочию видим воплощение подобного рода человеичиков в полном смысле этого слова, например, в виде мегаполисов, застроенных впритык высотками, создавая депрессивную среду обитания, насквозь находящуюся под тотальным «цифровым» контролем.

Особенно в этой связи становятся актуальными ныне весьма продвигаемые т. н. «15-минутные города», «умные города», представляющие собой подобного рода человеичики-паноптикумы с тотальным контролем за находящейся в этих вольерах дрессированной популяцией.

В предлагаемом мной альтернативном глобальному «цифровому» человеичику грядущем *справедливом свободном мироустройстве* (см.) люди будут жить, по преимуществу, в собственных домах, с приусадебными участками, окружённые садами и парками, а если и в высотных домах, то в отдельно стоящих и тоже окружённых садами и парками, с соответствующей развитой инфраструктурой.

Глокализация — современная социально-политическая тенденция, предполагающая, с одной стороны, *глобальную власть глобальных элит* и, с другой стороны, *локализацию подвластного населения*, с определёнными, возможно, весьма жёсткими ограничениями того или иного самостоятельного перемещения для этого населения.

Возможности перемещения здесь, скорее всего, будут обусловлены полной лояльностью того или иного подвластного «биообъекта» (например, лишь при наличии достаточно высокого «социального рейтинга» и при наличии т. н. «куриного кода», обозначающего статус перфорирования гмо-зельем, и с соблюдением определённых ритуалов, например, сокрытия лица намордником).

Проще говоря, *власть глобальных элит*, их «цифрового» *Левифана* (см.), является здесь *глобальной*; а для *подвластных* биообъектов всё оказывается, напротив, довольно-таки *локально* (все по своим «вольерам», «курятникам», управляемым местными *передаточными инстанциями*) (см.).

Гностицизм (гностический) (от греч. γνῶστικός — познающий, знающий) — довольно обширный круг религиозно-философских уче-

ний и сект, распространившийся с I в. н. э. на Ближнем Востоке, представляющий собой специфическую смесь христианских, иудейских и множества иных различных, условно, «языческих» местных учений и культов, в своих умозрительных построениях весьма сумбурно размножавший сущности разного рода высших существ и их онтологических уровней (эонов; греч. αἰών — век, поколение).

Мир, по гностическим концепциям, обыкновенно, сотворил некий злой бог (один из эонов, Демиург), а вот Змей, напротив, как «добрый» бог — дал людям Знание, способствующее их спасению.

Некоторые гностического толка учения утверждают себя как, якобы, своего рода эзотерическое «христианское» учение (т. е. некое «истинное христианство», данное для узкого круга «посвящённых»).

Для социокультурной философии *гностики* особенно актуальны тем, что обыкновенно делили всех людей на три изначальных типа: пневматиков (от греч. πνεῦμα — дуновение, дух, дыхание), психиков (от греч. ψυχή — душа) и гиликов (от греч. ὕλη — лес, материал, материя, вещество), имеющих принципиально различную онтологию.

Пневматики — условно, «избранные», «духовные», те, кто предназначены к «спасению», поелику в них есть дух, некая божественная духовная искра, заложенная (изначально) свыше.

Психики — люди «душевные», которые способны приобщиться к того или иного уровня добродетели, но, в сущности, всё равно обречённые на вечную погибель.

Гилики — люди «материального» толка, которые малоспособны на добродетель и стремящиеся сугубо к материальным благам, и потому — безнадёжные и обречённые на вечную погибель.

Социальная иерархия выстраивается здесь в соответствии с данным кастовым разделением, причём для каждой касты даётся своё особое *знание*: для низших каст — профанное; для высшей касты — эзотерическое. При этом, обыкновенно, здесь *Высшее Знание* весьма различается от того, что даётся профанам на нижнем уровне, до противоположности.

И именно это *Знание* (Гнозис) здесь обеспечивает власть высшей касты над низшими (а отнюдь не некое, например, их нравственное совершенство).

Такого рода гностическое мировоззрение, так или иначе, на тех или иных основаниях, делящее людей на «высших» и «низших», «сверхчеловеков» и «недочеловеков», «избранных» и «общую массу», «предопределённых к спасению» и «предопределённых к гибели»

etc., со своими специфическими уровнями Знания, зачастую воспроизводилось и воспроизводится в различных социально-политических концепциях: от пуританства, масонства и современного «*либерализма*» (см.) до нацизма и фашизма, например.

Капиталистическая система, в сущности, как классовая, есть система *гностического* толка.

Государство — система общества и органов управления обществом.

Обыкновенно, впрочем, под *государством* понимаются лишь наличествующие вышеуказанные *органы управления*, подавляющие, угнетающие и эксплуатирующие общество.

Впрочем, именно в подобной ущербно-отчуждённой форме (сугубых *бюрократического* толка «органов управления») *государство* обыкновенно и существует, при этом целенаправленно подавляя общество и стремясь постоянно переделывать его, лепить под свои («органов управления», элиты, правящего класса) цели, ныне обращая его в бессмысленную жвачную *массу* (см.) *населения*, в ближайшей перспективе — в биомассу биообъектов.

К случаю, *бюрократическая система* — это такая система управления, которая работает, прежде всего: а) на собственное воспроизводство, благополучие и процветание (зачастую в ущерб заявленным своим общественно-полезным целям), б) по указаниям начальства, инструкциям и неким формальным законам и правилам (зачастую опять же в ущерб реальным своим заявленным общественно-полезным целям) и в) по формальным показателям (зачастую в ущерб реальному содержанию); соответственно, ответственность в бюрократическом толка системах размыта и реально отсутствует.

Современное типичное *государство*, существующее в *капиталистического* (см.) толка социально-экономической системе, представляет собой инструмент угнетения и подавления общества, «аппарат насилия» над обществом; соответственно, такого толка целеполагание подобного рода государству задаётся, условно, правящим классом, *плутократией (олигархией)*.

В этом плане нынешняя т. н. «*демократия*», разумеется, никакой, в сколь-либо реальном смысле слова, демократией, сиречь — *народовластием*, не является, а является лишь *симулякром* (см.) последнего.

Тем более, это справедливо в современной ситуации, когда власть становится *глобальной*, а прежние «национальные государства» обращаются лишь в *передаточные инстанции* (см.) управленческих

команд *глобальных элит*, доводя эти команды-распоряжения до местного населения, адаптируя эти команды-распоряжения к местным, так сказать, особенностям.

Поэтому говорить сегодня о государствах как о неких *субъектах* международной политики уже, считай, не имеет смысла, а можно говорить только как о *криптоколониях* (см.).

Настоящее же *суверенное государство* должно: а) основываться в своей управленческой деятельности на *исконной ценностной* (см.) матрице общества, соответственно, действуя в направлении осуществления тех стратегических *общественно-полезных* целей, которые определяются данной ценностной матрицей; б) иметь автаркичную (самодостаточную), при необходимости, хозяйственную (экономическую) и, соответственно, денежную систему; в) иметь собственную высокоразвитую самодостаточную научно-техническую систему; г) иметь сильную, опять же самодостаточную, вооружённую передовыми образцами военной техники армию; д) иметь духовную, культурную самостоятельность.

Очевидно, что если у некоего государства нет вышеуказанных оснований их самостоятельности (суверенитета) хоть в сколь-нибудь полной мере, то, очевидно, такое государство суверенным не является, а является лишь, по существу, в современных условиях, *криптоколонией* и *передаточной инстанцией*.

И очевидно, что в современных условиях государство, претендующее на действительную самостоятельность (суверенность) не может быть капиталистическим, хотя бы потому, что глобальные финансовые структуры неизбежно, в таком случае, банально перекупят местную олигархию (плутократию), правящий класс, чиновников, обращая их в своих марионеток. В современных условиях, очевидно, капиталистического толка местная элита может быть *только компраторской*.

Для преодоления подобного нынешнего печального положения вещей необходимо создание принципиального иного, не капиталистического типа *справедливого мироустройства* (см.).

Гражданское общество — применительно к России и российскому обществу — *небылица* (см.).

Гражданское общество представляет собой сложившееся: а) в Новое время в Западной Европе, б) в капиталистической социально-экономической системе, в) городское общество, г) состоящее из людей-индивидов, оторванных от своей традиционной куль-

туры, д) не имеющих, соответственно, промеж собой общей системы ценностей и целей и е) отчуждённых друг от друга и от всей данной социально-экономической системы в целом.

Как предполагается, в возникших в то время популярных социально-политических концепциях (Монтескьё, Гоббс и пр.), некий вроде как «равнодействующий» вектор, сложившийся из разнонаправленных индивидуальных интересов и сил, имеющих место в такого толка обществе, вроде как должен обеспечивать некоторое общественное развитие и согласие.

Разумеется, это не так. И такого толка *безнадёжно лоскутное* «гражданское общество», состоящее из типичных *массовых индивидов* (см.), элементарно становится почти сразу тем, что несколько позже назовут *обществом массовым* (см.), *публикой* (см.), *обществом потребления* (см.) и т. п.

Что касается России, то здесь для модели «гражданского общества» исторически, тем более, просто не было никаких вышеуказанных, культурных и экономических оснований.

В пространстве современного российского *общественного мнения* (см.) под «*гражданским обществом*» обычно понимается некое общество, которое якобы пытается утверждать свои идеалы справедливости и свободы, в то время как в понятии «классического» «гражданского общества» (*номиналистического*, по своей сути) никакой такой идеи «справедливости», никаких таких общих идеалов и ценностей, и, значит, целей, никоим образом не предусматривается по определению — это принципиально иная социальная модель.

И потому в современном политическом дискурсе понятие «гражданское общество», а тем паче применительно к России — не более чем *небыль*. И мы в нашей социальной действительности, в настоящее время, имеем дело сугубо с *массами*, с *массовым обществом* (см.).

Европейничанье — в концепции Н. Я. Данилевского — бестолковое повальное подражание «российской» *элиты* (см.), а вслед за ней и значительной части российского общества («публики») Западу, Романо-германскому (в терминах Данилевского) культурно-историческому типу, «европейцам»; стремление корчить из себя «европейцев».

Европейничанье есть своего рода *попугайничанье* «российских» элитариев (и подражающих, в свою очередь, уже им духовных лакеев из простонародья) в отношении Европы, «Запада»; нечто сродни *карго-культу* (см.).

Европейничанье, по Данилевскому, проявляется на трёх уровнях: 1) на уровне бытовом («западная» одежда, прочее барахло и побрякушки, французский (или иной европейский) язык, сленг и т. п.); 2) на уровне государственных учреждений (по «европейскому» образцу устроенное государство, «европейского» толка реформы и т. п.); 3) на уровне общественного мнения — мнение Запада, Европы, становится образцовым, самым авторитетным для «российской» элиты, для местного «российского» населения: Европа становится для них, как для Фамусова, чем-то вроде «княгини Марьи Алексеевны» с её авторитетным мнением.

А поскольку в глазах Европы Россия есть то, что нужно, в лучшем случае, уничтожить или хотя бы основательно ослабить и разрушить, то такого рода мировоззренческий стереотип («европейничанье») становится, в перспективе, самоубийственным для «российской» элиты, *интеллигенции* (см.) и вообще для России и её народа.

Своего рода предшественником данного понятия («европейничанье») является понятие «*чужебесие*», введённое Ю. Крижаничем.

Аналогично, с некоторыми оговорками, данному понятию соответствует понятие *Псевдоморфоз* (см.) О. Шпенглера.

См. также: *Западническая тенденция*.

Западническая тенденция (*Европейничанье*, *Чужебесие*) — довольно типичное стремление российской элиты (см.) «на Запад», стремление её сделать всё в России, «как на Западе», с одной стороны, и рабское поклонение перед «Западом», с другой стороны.

Данная *тенденция* имеет свои истоки в том, что в отечественной культурно-исторической и государственной системе *элита*, вследствие особых климатических, географических, геополитических, социокультурных и пр. условий, обыкновенно, имела меньший уровень богатства, нежели элита «западных» стран, с одной стороны, а с другой — вследствие тех же обстоятельств, имела большую ответственность перед Верховной властью (царём etc.) и меньшее право над народом, простонародьем. Соответственно, глядя на «Запад», эта элита стремилась: а) иметь такие же богатства (как элита европейская) и б) не нести никакой ответственности ни за что и ни перед кем в государстве, и иметь все права над простонародьем, обратив его в быдло, в рабов (например, в крепостных, или в «новую нефть», в «человеческий капитал»).

Западническая тенденция в России исторически шла в тесном симбиозе, рука об руку, с *Олигархическим принципом* (см.), т. е. стремлением элиты иметь в стране всё, ни за что при этом не отвечая.

Подобные *Принципы и Тенденции*, не считающиеся с культурно-историческими и климатическими-географическими реалиями, раз за разом приводили и приводят историческую Россию к самым печальным последствиям: Смута, «церковная реформа» (по сути, религиозный погром), «петровские реформы» (приведшие к *Псевдоморфозу*) (см.), «февральская революция», распад СССР (прежде всего, вследствие предательства «элиты») и т. д., и т. п.

Очевидно, что стремление сделать всё в России, как «на Западе», *противоречит основополагающим особенностям* отечественной *культурно-исторической системы* (см.), её *ценностной* (см.) матрице, с одной стороны, и климатическим географическим реалиям, с другой стороны.

Разумеется, в то же время не следует радикально отказываться от всего «западного», от всего, что создала *Западная (Фаустовская) культурно-историческая система* (см.), однако все её наработки, открытия и изобретения нужно внедрять у себя с большой *осторожностью, выборочно и адаптируя* под местные культурные, климатические, географические, хозяйственные реалии, и уж, конечно, ни в коей мере не преклоняясь перед этим «западным», не творя из всего этого своего рода *карго-культ* (см.), не преклоняясь перед «Западом», как перед «княгиней Марьей Алексеевной», ни в коем разе не теряя самостоятельности, самобытности и своеобразия.

Но в то же время, разумеется, *Западническая тенденция* в российской элите так или иначе должна пресекаться в зародыше.

См. также: *европейничанье, чужебесие*.

Идеология (букв. — размышление об идеях, идеалах) — концептуальная система государственного строительства, основанная на определённых *ценностях* (см.), идеях и целях, имеющая *проектный* характер.

Более широко, *идеология* — мировоззренческая *проектная парадигма* (см.), основанная на определённой системе идей, ценностей и целей общественного бытия.

Идеологии возникают в эпоху *Просвещения*, в эпоху *Модерна*, в пору торжества *второго строя симуляции* (см. *симулякр*).

В современную эпоху, эпоху *третьего строя симуляции*, эпоху *Постмодерна* (см.); *идеологии*, в строгом смысле слова, типично сменяются технологиями перманентной промывки мозгов, *манипуляции массовым сознанием* (см.), не формирующими некую мировоззренческую систему устойчивых ценностей, идей и целей, а представляю-

щими собой сменяющийся, внушаемый обывательским массам набор стереотипов и установок восприятия и истолкования окружающей реальности.

Интеллигенция (от лат. *intellegens* — понимающий, знающий) в России — *идеологическая* (см.) *обслуга элиты* (см.), носителей *Олигархического принципа* (см.) и *Западнической тенденции* (см.).

Вообще, понятие *интеллигенция* имеет, по меньшей мере, два основных значения: *первое, расширенное* — это люди, занимающиеся интеллектуальным трудом («прослойка интеллигенции»); *второе, более узкое и концептуальное* — сообщество людей, идентифицирующихся как *радикальные либералы-западники*, презирующие и ненавидящие Россию и русский народ, при этом отчего-то полагающие себя «интеллектуальной элитой» и «совестью» этих самых, презируемых и ненавидимых ими, России и русского народа.

Мы будем здесь говорить об *интеллигенции*, прежде всего, во *втором, специальном, концептуальном* значении этого слова.

Такого толка (во «втором» значении слова) *интеллигенция* появилась в России как продукт *Псевдоморфоза* (см.). Типично страдает *европейничаньем* (см.) и *чужебесием*, вплоть до *руссофобии*. Претендует на то, чтобы слыть «солью земли русской», «совестью нации», духовной и интеллектуальной элитой, хотя, по сути, является лишь идеологическим флюгером и распространителем в России продукции «западного» идеологического производства.

Собственно, понятие «*интеллигенции*» возникло в середине XIX века, хотя сам этот феномен существовал уже задолго до этого (с утверждением в России *Псевдоморфоза*, с XVIII века).

Основные характеристики *интеллигенции*: 1) *духовная пэдократия* (термин С. Н. Булгакова), т. е. *духовная подростковость*, заключающаяся в удивительно зашоренном *либерально-поверхностном* мировосприятии, подростковом «стадном инстинкте» и подростковом негативизме по отношению к взрослым, к родителям (здесь — к России в целом), с одной стороны, а с другой — в стремлении поучать, подобно Родителям, народ России, и в то же время опять же подростковая, удивительно легкая внушаемость и падкость, подобно туземцам, на всё яркое и пёстрое, лишь бы это было «западное»; 2) *европоцентрическое* мировоззрение, *лакейское преклонение перед Западом* — солнце для «русской» интеллигенции «восходит на Западе», по существу, «интеллигенция» есть *транслятор и тиражировщик* отходов духовного производства «западной» идеологической

машины на российское информационное пространство в режиме *попугайничанья* и презрения к «своему»; интеллигенция с радостью продаёт и предаёт Россию («Западу») «за рюмку похвалы» (по меткому выражению В. В. Розанова); 3) *смердяковская ненависть* и *рессентимент* к сколь-либо самостоятельной России, к русскому народу — в силу своих *Олигархического принципа* и *Западнической тенденции*, поскольку Россия, её народ так или иначе представляют собой реальную возможную культурно-историческую альтернативу Западу, реально противостоят столь любимому интеллигенцией «Западу»; фанатичное стремление «русской» интеллигенции переделать Россию и русский народ по «западному» образцу есть, по существу, стремление (отнюдь не всегда, впрочем, осознаваемое) уничтожить, стереть из Истории эту «проклятую» «самобытную» Россию (как «тушиковую ветвь истории») и этот, столь презренный для неё (интеллигенции), русский народ, этих «анчоусов» (в представлении либеральной интеллигенции); 4) «*у-словность*» (термин Ф. И. Гиренка) «русской» интеллигенции, пребывающей, по существу, в виртуальных пространствах «западных» идеологических дискурсов (т. е. «у-слова») и тем самым категорически оторванной от реальной русской культурно-исторической действительности, которой данная «русская» интеллигенция, в сущности, *параллельна и чужда*; 5) *сектантская* (см.) *гностицическая* (см.) сущность *интеллигенции*, представляющей собой, можно сказать, некий «*малый народ*», глубоко презирающий и ненавидящий «*большой народ*» России; *интеллигенция* зачастую апеллирует к этому «*большому народу*», рядится в ризы его, этого народа, *якобы радетеля*, однако в действительности всё это, обыкновенно, лишь лукавая риторика с её стороны, и в реальности тут наличествует лишь *глубокое презрение к народу* и свой спектр целеполагания в русле *Олигархического принципа* и *Западнической тенденции*, в корне *антинародных* и *антирусских*, «*гностицических*».

В такого рода, можно сказать, *секту интеллигенции*, разумеется, категорически не принимались, действительно, представители русской интеллектуальной элиты: например, славянофилы, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, В. В. Розанов и т. д., более того, именно этих настоящих русских интеллектуалов данная секта предпочитала систематически травить и шельмовать.

Своего рода кредо «русской» интеллигенции выразил типичный интеллигент В. С. Печерин (середина XIX века):

*«Как сладостно отчизну ненавидеть!
И жадно ждать ее уничтоженья!
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья!».*

О такого рода «русских» интеллигентах довольно точно высказался А. С. Пушкин (не раньше второй половины 1831 года. — Ред.):

*«Ты просвещением свой разум осветил,
Ты ... правды лик увидел:
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел».*

Являясь изначально идеологической обслугой той части российской «элиты», которая насквозь прокажена Олигархическим принципом и Западной тенденцией, *интеллигенция* сама стремится влиться в эту «элику» и, соответственно, далее вписаться в «Запад», в «западную элику», что является её, интеллигенции, «голубой» мечтой и вожделённой целью.

В то же время находясь, вроде как внешне, в некоей резкой оппозиции «государству» в России, интеллигенция, по существу, обыкновенно представляла и представляет с ним, с «российским» «государством», нечто единое, исполняя свою идеологическую, манипулирующую массовым обывательским сознанием роль; выражая, обыкновенно, интересы и точку зрения тех кластеров «российской» элиты, которые, условно, можно назвать *радикально либеральными*.

Вышерассмотренное понятие «*интеллигенции*» является *специфически узким*; есть также *более расширенное* толкование данного понятия («Первое» см. выше) — как всех тех людей, своего рода «социальной прослойки», которые занимаются интеллектуальным трудом.

Такое толкование тоже, наверное, имеет право на существование, но ежели всё-таки говорить об *интеллигенции* как об особом культурно-историческом феномене, возникшим в своё время в России, то надо подразумевать здесь именно то значение, которое мы вскрыли выше («Второе»).

Впрочем, иногда под «*интеллигенцией*» понимают и просто особо культурных, высокообразованных и нравственных людей, когда говорят, например, что это, мол, «интеллигентный человек». Такое значение понятия тоже имеет место.

И вот весь этот веер значений термина и создаёт определённую *путаницу* и позволяет манипуляторам массовым сознанием, в этом плане, подменять понятия и обманывать людей.

Тем паче, вышерассмотренная своего рода секта *интеллигенции*, со всеми её раскрытыми здесь ключевыми характеристиками, смогла даже в некоторой степени лукаво притянуть на себя трактовку данного понятия «интеллигенции» как духовной, культурной, высокообразованной элиты, своего рода «совести нации». В то время как эта интеллигенция, по существу, как мы уже сказали, имеет весьма малое отношение к русскому народу, к России, а работает, в принципе, в русле идеологического обеспечения и продвижения Олигархического принципа и Западнической тенденции в «российской» элите.

Позволим себе привести ещё одно, в тему о либеральной интеллигенции, стихотворение — теперь Ф. И. Тютчева (1867 год):

*«Напрасный труд — нет, их не вразумишь, —
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация — для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.*

*Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы.»*

Разумеется, в России должна быть своя духовная, культурная, высокообразованная элита (в хорошем смысле слова), и её можно, наверное, в будущем, назвать и «интеллигенцией», наделив это понятие данным новым значением, однако дополнительную проблему здесь создаёт именно то, что место такого рода *интеллектуальной элиты* в России, к сожалению, вот уж более двух веков занято *интеллигенцией* в вышераскрытом значении понятия.

Инферно — в концепции И. А. Ефремова понятие, означающее *безнадёжное и беспросветное* состояние того или иного общества или человечества в целом, заключающееся в том, что люди, *отчуждённые* друг от друга, от своей творческой сущности, от общества в целом, вынуждены вести борьбу за существование, подавлять и уничтожать друг друга, влачить свою бессмысленную, безнадёжную жизнь.

В принципе, состояние *Инферно* наличествует ещё в животном мире («борьба за существование», «выживает самый приспособленный» и т. д.) и, вроде как «естественно», впоследствии распространяется и на общественное бытие людей.

В обществе, находящемся в состоянии *Инферно*, господствует «стрела Аримана» (см.); человек здесь вынуждается жить *нелюдьё*, имеет тенденцию обращаться в *нежить*, вынуждается подавлять и уничтожать себе подобных.

Такого рода общественное состояние, разумеется, должно быть преодолено в качественно новом типе справедливого и свободного общественного устройства (в моих терминах — *Справедливого мироустройства*) (см.).

К сожалению, современные тенденции движения глобальной Системы к «цифровому» *паноптикуму* (см.) представляют собой наше, всего человечества, приближение к тому историческому моменту, когда «крышка Инферно захлопнется» (по выражению И. А. Ефремова), т. е. наступит конец *человеческой* истории (см. *предел Аримана*).

Информация (лат. *informatio* — истолкование, разъяснение) — здесь некое новое знание, приращиваемое знание.

Иранство и кушитство — в концепции А. С. Хомякова два *первоначала*, два своего рода полюса, две расходящиеся тенденции и модели организации общества, государства, мировоззрения, религии, культуры и т. д.

Точка расхождения здесь — *свобода* (см.), вопрос о свободе человека.

Иранство — по Хомякову, названо так по имени древнеиранской религии, зороастризма, исходит из изначальной *духовной свободы* человека, его *творческой* сущности и, соответственно, направлено на раскрытие и утверждение свободы человека, его *личности*, его творческих способностей.

В *иранстве* торжествует *личное начало*; личность здесь не отчуждена от общества (см. *соборность*).

Кушитство — названо, по-видимому, по имени древнего государства и, соответственно, связанной с ним культуры, располагавшегося в I тысячелетии до н. э. южнее Древнего Египта, вверх по течению Нила, предопределяется *природной необходимостью*, нацелено на *подавление* всякого человеческого своеволия, вольнодумства, человеческой личности и предполагает установление *тоталитарного* (т. е. вторгающегося в личную сферу бытия человека и общества и пытаю-

щегося контролировать эту сферу) государственного и религиозного режима.

Два этих начала, по Хомякову, в той или иной пропорции присутствуют во всех культурах, религиях и государственных системах, однако одно из этих начал, обыкновенно, так или иначе, в том или ином конкретном случае, превалирует, является доминирующим и определяющим.

Кушитского толка государственные системы типично *гностицистские* (см.), т. е. предполагают жёсткое разделение людей на, условно, «высших» и «низших» (как, например, в *фашизме* или в современном «*либерализме*» см.); в такого рода государственных системах торжествуют либо безликий *Закон*, перемалывающий и подавляющий человеческую личность, личную нравственность человека, его свободу, либо *беззаконие и произвол* со стороны власть имущих по отношению к подвластному, подавленному населению.

В религиозных *кушитских* системах торжествуют культы с *человеческими жертвоприношениями*; такого рода культы зачастую предполагают и *канибалистические* практики; это системы *насквозь магичные* (в терминологии Д. Фрэзера, где *магия* есть мировоззрение, предполагающее господство необходимости, подчинённости всего и вся тем или иным ритуалам, и отсутствие свободы воли); это системы *идолопоклоннические*; философско-мировоззренческие системы кушитского толка, по существу, *материалистические* либо требующие *рабской покорности* неким высшим сущностям (богам).

Например, приводя примеры такого рода *кушитских* религиозных доктрин, Хомяков полагает буддизм, в этой связи, поклонением рабствующему духу, а шиваизм — поклонением господствующему веществу (материи).

Очевидно, что в *кушитского* толка системах торжествует *стрела Аримана* (см.).

Иранство в своём чистом виде (как *идеальный тип*, в терминах М. Вебера), напротив, предполагает *духовную свободу человека*; это общество *свободного труда, творчества*, без эксплуатации человека человеком, без каких-либо «кастовых» («классовых») разделений.

Государство здесь не оторвано от общества, не стремится, как оно обычно бывает, подавлять общество, а представляет собой с обществом единое целое.

Иранского типа религии — это, по мнению Хомякова, например, христианство, где человек мыслится созданным по образу и подобию

Бога, а образцом его личного отношения к Богу и другим людям предстаёт *любовь* и *благодать*, если использовать терминологию Иоанна Киевского. Бог и человек здесь предстают как свободные и как творцы, как со-творцы.

Замечу, впрочем, что в современном Иране торжествует вполне кушитского типа идеология, исходя хотя бы из подавления здесь женщины, низведения её до обезличенного униженного существа.

Особую роль в плане различения иранского и кушитского начал, по Хомякову, играет *образ-символ Змея*.

Если в *кушитского* толка государствах и культурах *Змей* типично предстаёт как *Господин*, пусть страшный и несущий смерть, но Великий и даже «Благодетель», с соответствующими здесь культурами *человеческих жертвоприношений*, то в *иранских* мировоззренческих моделях *Змей*, напротив, олицетворяет собой воплощённое зло, злое начало.

В этой связи показательно, например, что *гностического* толка культы (например, офиты, змеепоклонники) особо поклонялись Змею, как несущему людям, якобы, некое Высшее Знание.

Современное массовое общество (см.) — вполне *кушитское*, по явному преимуществу.

В нём торжествует эксплуатация человека человеком, подавление населения, его целенаправленное оглушение, тотальная *манипуляция его массовым сознанием* (см.), целенаправленная тенденция обращения населения в биомассу; в режиме *общества потребления* (см.) человек переориентируется с высших смыслов своего бытия на средства к жизни, которые становятся здесь самоцелью; используя терминологию Э. Фромма, *Обладание* («Иметь») тут тотально вытесняет *Бытие* («Быть»).

Человек в такого рода капиталистическом обществе обращён в *сугубое средство воспроизводства Капитала* — с соответствующим воспроизводством власти в системе.

Можно сказать, что та религиозно-мировоззренческая модель, которую предлагал *Великий Инквизитор* (персонаж романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»), есть вполне себе *кушитского* толка модель; в то время как противостоящая ему модель, предлагаемая *Христом* (в том же романе), есть, разумеется, *иранского* толка модель.

Предуготовляемый сегодня человечеству *глобальными элитами «цифровой» паноптикум-концлагерь* (см.) являет собой, считай,

«идеальную» модель *кушитского* типа организации Системы. С полным расчеловечиванием в ней человека, лишением его высших человеческих характеристик (свободы воли, совести, самосознания, воображения и т. п.).

В этом плане, к слову, современный *трансгуманизм* (см.) тоже есть вполне себе *кушитского* типа религиозно-идеологическая система.

См. также: *Ииферно*.

Предлагаемая мной социальная парадигма *Справедливого мироустройства* (см.), напротив, есть именно *иранского* типа, в терминологии Хомякова, система.

Капитал (лат. *capitalis* — головной, главный, поголовье) — самовозрастающая стоимость, воспроизводящаяся как власть над трудом (трудящимися) и его продуктами.

Проще говоря, *капитал* — это всякий объект, приносящий прибыль.

Иными словами, *капиталом* становится всякая вещь, попавшая в особого толка общественные отношения, в которых воспроизводится прибавочная стоимость, прибыль.

В своём первоначальном значении, в Древнем Риме, *капитал* — это, прежде всего, поголовье принадлежащего тебе скота, который, кстати, имеет особую способность самовозрастать, поелику размножается.

См. также: *капитализм*.

Капитализм — общественно-экономическая система (формация), основанная на целеполагании воспроизводства *капитала* (см.) в его долгосрочной перспективе.

Соответственно, воспроизводство капитала обеспечивает в этой системе воспроизводство власти.

Капиталистическая система есть система *экстенсивная*, существующая за счёт своего расширения, *экспансии*, захватывая новые природные ресурсы, более дешёвые, а также рынки сбыта и рынки дешёвой рабочей силы.

Капиталистического толка система имеет в себе серию фундаментальных *противоречий*, одно из которых состоит в том, что данная система сложилась в политическом плане как система, состоящая из «национальных суверенных государств», это с одной стороны, а с другой — как система, в экономическом своём ракурсе стремящаяся к непрестанному преодолению границ, в поисках большей прибыли;

и оттого эта система, изначально, стремится к преодолению границ, к своей транснациональности.

Другим фундаментальным противоречием этой системы является противоречие между общественным характером труда в ней, с одной стороны, и частным способом присвоения результатов этого труда и, соответственно, капитала, прибавочной стоимости, прибыли, с другой стороны.

Капиталистическая система формируется, соответственно, как система, имеющая свои центр (центры), т. е. *метрополию* (метрополию) и *периферию*; из данной периферии в метрополию обыкновенно осуществляется перекачка разнообразных ресурсов, и туда же, на периферию, сбрасывается избыток товаров и прочие отходы производства.

Современная, ставшая глобальной (транснациональной), капиталистическая система находится уже на своей *терминальной* (конечной) стадии капитализма, поскольку данная система дошла, собственно, до своих пределов, охватив после разрушения и поглощения ею стран социалистического мира весь Земшар, обратив большую часть территорий Земшара в свою периферию, и так или иначе упёрлась сегодня в свои физические (ресурсные и пр.) пределы.

После серии империалистических войн (Первая мировая война, Вторая мировая война) в мире утвердилось господство, условно, англосаксонского капитала, ставшего транснациональным, так или иначе поглотившего и подмявшего под себя капиталы иных олигархических «национальных» кланов; вместо нескольких, условно, империй-метрополий (Британской, Американской, Германской, Французской и пр.) установилась относительно единая глобальная *плутократическая* система власти финансового капитала, гнездящегося, по преимуществу, на территориях «Соединённых Штатов», «Великобритании», «Швейцарии», — это центр-вершина метрополии; вторым уровнем метрополии, условно, на ступеньку ниже, являются страны «Евросоюза», «Япония» и некоторые иные.

Название стран я пишу в кавычках, потому как это всё уже не столько некие «национальные суверенные государства», сколько лишь *передаточные инстанции* (см.), только имеющие ныне своего рода привилегированное (пока?) положение.

В настоящее время данная глобальная социально-экономическая Система уже может быть названа, собственно, капиталистической уже с некоторой натяжкой, поскольку зиждется она уже не на сколь-либо

реальном воспроизводстве капитала, сколько на работе «печатного станка», наипаче вот уж вполне виртуальной его работе, с соответствующим, тут неизбежным, надуванием финансовых виртуальных пузырей (до поры до времени).

В настоящее время, очевидно, такого рода Система упёрлась в свои природно-физические пределы, в проблему ограниченности ресурсов и вообще Земшара, с одной стороны, а с другой — в растущее народонаселение планеты, так или иначе требующее для себя всё больших и больших ресурсов, наипаче вся эта масса населения, как его ни эксплуатируй, уже не может, в принципе, приносить необходимую прибыль, а, напротив, оказывается *излишним, обузой*, «лишними ртами», и потому данная Система ныне настоятельно нуждается в своей «глобальной перезагрузке» (или «обнулении») с переходом в «новую нормальность» глобального «цифрового» паноптикума (см.), в его новую формацию, благо, всё это уже вроде как становится возможным благодаря новым технологиям и, соответственно, новым средствам производства, прежде всего, информационного толка.

В этой новой формации власть уже будет воспроизводиться не на основании воспроизводства капитала, а на основании т. н. Больших Данных, т. е. полной информации обо всех и каждом, в режиме реального времени, с элементарной возможностью отключения любого надзираемого биообъекта в любой момент от его средств к существованию.

В этой связи в настоящее время, в частности, навязчиво вводятся т. н. «цифровые деньги центральных банков» (ЦДЦБ), которые никакими деньгами, в сколь-либо полном смысле этого слова, конечно, уже не являются, и, соответственно, реализуются попытки отмены наличных денег, а также осуществляются попытки массового внедрения т. н. «единых электронных карт» (ЕЭК), в которых так или иначе собирается полная информация о данном биообъекте, о его биометрии, генетическом профиле, наличии гмо-перфораций («вакцинаций»), «цифровой» его номер (вместо личного имени), сведения о накопленных его ЦДЦБ, об уровне его «социального рейтинга», то бишь «лояльности» Большому Брату, о его крамольных поступках и пр., и пр., и пр., с элементарной возможностью отключать любой биообъект в случае чего от этой его ЕЭК. Что, впрочем, ничуть не удивительно, поелику существо, которое предпочло такого рода «комфорт и безопасность» (яко «сыр в мышеловке»), бездумно разменяв его на свою свободу, достойно именно такой участи: в «цифровом» стойле

электронно-банковского концлагеря-паноптикума в качестве блеющего барашка, с «цифровым» ошейником и соответствующим «цифровым» клеймением.

Клиповое сознание (клиповое мышление) — фрагментарное отражение *массовым индивидом* (см.) виртуальной реальности.

Клиповое сознание — специфический тип сознания (мышления), обычно — минимального уровня, представляющий собой набор разрозненных фрагментарных плоскостей, системно, цельно, друг с другом не связанных.

В терминах Фрейда, представлявшего «сознательное» (сознание) как тонкую плёночку над омутами «бессознательного» (подсознания), можно сказать, что *клиповое сознание* представляет собой совокупность множества разрозненных кусочков («клипов») этой плёночки, плавающих на поверхности «бессознательного».

Клиповое сознание (мышление; а мышление есть процесс осознания действительности) становится типичным для современного «массового» индивида, уже даже не способного логически сопоставлять то, чем потчевала его *Мегамашина* (см.) *манипуляции массовым сознанием* (см.) вчера и сегодня, логически сопоставлять вчерашние внушаемые ею установки и стереотипы восприятия мира и сегодняшние внушаемые ею установки и стереотипы.

Клиповое сознание специально создаётся и воспроизводится современной *мегамашиной* манипуляции массовым сознанием в массовых индивидах, потребителях информации, поскольку оно весьма для неё удобно и выгодно.

На это воспроизводство целенаправленно работают и современная система «образования» («тестовая», «дистанционная»), и специфические способы подачи массовой информации, стратегии манипуляции массовым сознанием и т. д., и т. п.

Карго-культ — имеющий место в разного рода туземных племенах культ различных предметов «западной цивилизации», от банок из-под кока-колы и самолётов до «институтов западной демократии».

При этом данные туземцы наивно полагают, что «белые люди» создали все эти свои «волшебные» вещи и заставили их летать и вытворять иного рода чудеса благодаря некоей своей тайной магии, её ритуалам и пр. И, дескать, если совершать некие ритуалы, сложив при этом самолёт из пальмовых веток и листьев или ружьё из палочки с дырочкой, то всё это вполне может и даже должно заработать: полетит, начнёт стрелять и т. п.

Карго-культ, в несколько своеобразном виде, типично свойственен носителям отечественной *Западнической тенденции* (см.), особенно в «российской» *элите* (см.) и в среде *интеллигенции* (см.), имеющим явно *фетишистского* толка отношение к плодам «западной цивилизации», её разного рода «бусам» и иным чудесным штукам, от шмоток до «западной демократии», пронизанным, значит, некоей сверхъестественной таинственной магической сущностью.

Криптоколония (от греч. *κρυπτος* — скрытый) — в настоящее время квазигосударственное образование, вроде как суверенное, в действительности обладающее весьма ограниченным (или вообще отсутствующим) государственным суверенитетом и лишь имеющее те или иные внешние атрибуты суверенной государственности, вроде гимна, герба, флага, «правительства», «парламента» и т. п.

Состояние *криптоколонии*, обыкновенно, удерживается Метрополией посредством особым образом устроенной финансово-экономической системы («колониального типа»), а также специфически подобранной местной *компрадорской «элитой»*.

Немаловажно заметить, что местным элитам, вроде как «управляющим» в данных криптоколониях, подобное положение вещей оказывается довольно *выгодным, удобным и комфортным*, поскольку, очевидно, что если, действительно, пытаться стать самостоятельными, то, значит, тогда им, этим элитам, нужно будет *по-настоящему*: а) принимать самостоятельные ответственные управленческие решения и, значит, соответственно, нести полную ответственность за свою управленческую деятельность, б) оказаться в реальном противостоянии с Метрополией, с глобальными элитами (а это весьма чревато, вплоть до физического уничтожения), и вообще это в) весьма энергозатратно, требует соответствующих способностей (коих, разумеется, здесь, обыкновенно, и близко нет), требует наличия самостоятельного мышления, собственной Идеи и стратегического Проекта (а это вообще далеко вне типичного, здесь функционального, горизонта возможностей представителей такого рода, особым образом подобранных элит).

Поэтому так или иначе для нынешних *компрадорских элит* в *криптоколониях*, действительно, находится под властью глобальных элит, имея эти глобальные элиты в качестве того *начальства*, которое навсегда даст чёткие указания, что нужно делать, *выгодно и удобно*: с одной стороны, они имеют почти полную власть над подконтрольным населением, с возможностью наживаться на этом населении и на «своих» природных ресурсах, а с другой — не несут за всё

это никакой реальной ответственности, если, конечно, исполняют все распоряжения и программы Метрополии и соответствующим образом делятся «своими» богатствами с этой Метрополией.

Можно сказать, что *Метрополия (глобальные элиты)* и *криптоколонии (местные элиты)* сосуществуют друг с другом, таким образом, *на взаимовыгодных условиях*.

В принципе, *криптоколонии* — типичное явление в настоящее время — представляют собой лишь *симулякр* (см.) так называемых «независимых» государств.

Культура — своеобразная символическая *ценностная* система, определяющая и актуализирующая *творчество* человеком самого себя и сферы своего бытия.

Культура есть сфера (система), в которой человек (*потенциально*) становится Человеком (*актуально*), во всякой культуре, *своеобразным*.

То есть человек (как биологическое, потенциально человеческое, существо), собственно, становится человеком (актуально), раскрывает в себе и обретает свои высшие, собственно, человеческие способности, как то: *совесть, самосознание, свобода воли, осмысленная речь* и т. п. только в обществе, в некоей особой *социокультурной среде (системе)*; а без этой системы-среды он так и останется человекообразным существом, животным, своего рода «маугли», его высшие человеческие способности просто не раскроются, не актуализируются, не разовьются.

Иными словами, человек в социокультурной среде-системе, таким образом, *доопределяется*.

Культура в этом смысле есть сфера (система) *доопределения* человека.

Поясню этот момент. Всякое живое существо так или иначе определено: т. е., во-первых, вписано в свою экологическую нишу, а во-вторых, существует чётко по заданной своей («генетической») программе, в то время как человек есть такое существо, которое имеет некоторый зазор становления, саморазвития и может себя доделывать, доопределять, творить: с одной стороны, становиться тем-то и таким-то, преобразовывать себя, совершать свободный выбор, выбирать свой жизненный путь, саморазвиваться, творить себя, а с другой — аналогично может творить и преобразовывать и свою среду обитания, особым всякий раз образом, опять же в зависимости от множества условий и своего жизненного, в той или иной мере свободного, выбора.

Все эти процессы *доопределения* человека, творчества и преобразования им себя и сферы своего бытия, *всегда уже* (как априори) *направляются* той основополагающей *системой высших ценностей*, святынь, образцов бытия и жизнесмыслов, которые *интенсифицируют и актуализируют* данные процессы человеческого творчества, и вокруг которых всегда уже вращается жизнь человека и общества, и, соответственно, ставятся этим человеком и этим обществом определённые свои *цели*.

Культура применительно к конкретному человеку есть система *высших ценностей* и смыслов этого человека, актуализирующая и направляющая творчество им самого себя и сферы своего бытия.

Культурная политика (государственная культурная политика) — деятельность *государства* (см.), направленная на формирование и актуализацию определённой системы *высших ценностей* (см.) и соответствующих им *стратегических целей*, способствующих творческому развитию человека и общества.

Проведение грамотной суверенной, нацеленной на реальное развитие человека и общества культурной политики предполагает наличие *трёх основополагающих*, друг с другом взаимосвязанных, по сути — *триединых, стратегических целей*:

Во-первых, это, собственно, *целеполагание всестороннего и творческого развития человека и, соответственно, общества* (см.); во-вторых, это нацеленность культурной политики именно *на общее благо* (см.); в-третьих, это основанность культурной политики *на своеобразной ценностной матрице (парадигме)* (см.) отечественной культурно-исторической системы.

Очевидно, что претендующая *на суверенность и ориентированная на полноценное развитие человека и общества* культурная политика призвана *актуализировать исконные ценностные образцы отечественной культуры*, культурно-исторической системы, причём делая это *ненавязчиво, умно* и в регистре воспитания именно *свободного человека-творца*, прекрасно понимающего, с одной стороны, трагизм и проблематику отечественной истории, наличествующие в отечественной социально-экономической системе негативные тенденции (например, *Олигархический принцип* (см.) и сопутствующие ему *Западническую тенденцию* (см.), *европейничанье, чужебесие* и лакейскую «смердяковщину»), а с другой — нацеленного *на общее благо*, на актуализацию высших ценностей и смыслов, на всестороннее творческое развитие и самовоспитание.

Культурное наследие — система *артефактов*, имеющих высокую историческую, социальную, религиозную, эстетическую значимость (ценность).

Культурное наследие представляет собой систему артефактов, символически хранящих в себе те или иные *высшие ценности* (см.), их образцы, способствующие приобщению человека к своей культуре, к обществу, способствующие его культурной и социальной идентификации, становлению из человека потенциального человеком актуально (см. *культура*).

Культурное наследие тесным образом связано с *традициями* (см.).

Культурно-историческая система — общественная система, существующая в определённый исторический период, на определённой территории, зиждущаяся на определённой своеобразной матрице высших ценностей, целей и смыслов.

Самыми простыми словами, то, что обыкновенно называется *локальной культурой*.

С соответствующими изменениями, часто используемое, довольно многозначное понятие «*цивилизация*», в значении *локальной цивилизации*, тоже является аналогом понятия «*культурно-исторической системы*».

Понятие *культурно-исторической системы* вполне аналогично также понятию Н. Я. Данилевского «*культурно-исторический тип*», с той, разве что, разницей, что понятие «*тип*» предполагает нечто всё-таки более изначально завершённое, в весьма значительной мере предопределённое, в то время как понятие «*система*», несмотря на наличие в себе неких изначально образцов и первообразов, предполагает и весьма широкий спектр, и возможности развития, становления.

Культурно-исторический тип, по Данилевскому, предполагает некоторые «законы» своего развития: 1) определённое этническое разнообразие (развитый культурно-исторический тип не может быть создан неким одним народом, а создаётся обязательно совокупностью, в той или иной мере, объединённых народов), 2) определённое языковое разнообразие, с наличием, разумеется, языка межнационального общения; 3) государственную свою независимость; 4) пора плодоношения (здесь, в терминах Данилевского, «цивилизация»), расцвета культурно-исторического типа относительно невелика по отношению ко всему времени жизненного цикла данного культурно-

исторического типа; 5) основные первообразы, образцы и первоначала (ценности и жизнесмыслы) бытия одного культурно-исторического типа не могут быть переданы другому.

Каждый *культурно-исторический тип*, по Данилевскому, имеет в себе четыре своих *стороны-основы*: государственную, религиозную, хозяйственно-экономическую и культурно-художественную.

Если в некоем конкретном культурно-историческом типе преобладает лишь одна из этих сторон, то он носит название *одноосновного*; если две — то *двухосновного*; если три — *трёхосновного*. Все четыре стороны-основы пока, по Данилевскому, в истории особо развитыми, в рамках одного культурно-исторического типа, не встречались.

Каждый культурно-исторический тип, соответственно, имеет свои особенные модели государственности, экономических укладов, религиозных мировоззренческих систем и стилей, образцов художественного творчества.

Левиафан — образное обозначение государства (как органов управления обществом), данное Т. Гоббсом, представленное им в его книге «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651 год).

Левиафан — образ, позаимствованный, в свою очередь, Гоббсом из библейской мифологии, образ морского чудовища-змея (буквально слово «Левиафан» означает «свитый, свивающийся, скручивающийся»).

Гоббс использует образ мифологического Левиафана, дабы показать огромную величину того искусственно созданного людьми своего рода чудовища — *государства*, «искусственного тела», подавляющего и эксплуатирующего людей.

Левиафан-государство, по Гоббсу, есть «смертный бог», «искусственное тело», которое-де призвано разрешить нескончаемые конфликты людей, пребывающих в своём диком, естественном, якобы, состоянии «войны всех против всех», когда «человек человеку волк» (последнее, впрочем, есть своего рода гоббсовский навет на волков, потому как волки не жрут и не рвут себе подобных, подобно людям, как то полагает здесь Гоббс), и ради подобного своего усмирения и выживания люди-де жертвуют в пользу Левиафана-государства, отчасти, своими некоторыми «естественными» *правами* (см.).

Государственные чиновники превращаются здесь в своего рода придатки этого Левиафана, в его органы-инструменты.

См. также: «*цифровой Левиафан*».

Либерализм (от лат. *liber* — свободный, неограниченный в своих желаниях) — идеологическая система, имеющая в настоящее время весьма расплывчатый набор значений.

Либерализм в классическом смысле (1) — идеология (см.), возникшая в эпоху Просвещения, утверждающая свободу экономической предпринимательской деятельности, а также приоритет прав и свобод человека.

Такого толка *либерализм* (1) больше не существует с начала XX века, канул в прошлое, как более *не соответствующий никакой социально-экономической действительности* идеологический концепт, когда капиталистическая система перешла в свою империалистическую монополистическую (олигополистическую) стадию.

Либеральный (человек) в обыденном понимании (2) — человек не строгий, мягкий, гуманный, добродушный, многое позволяющий другим людям.

Либерализм (иногда понимается ныне как *неолиберализм*) в современном политэкономическом смысле (3) — *гностического* (см.) толка идеология, направленная против остатков «суверенных государств», утверждающая глобальную власть Крупного Капитала, транснациональных корпораций и организаций и делящая людей на «высших» «сверхчеловеков», «атлантов» («успешных», обладающих крупным капиталом), которым всё дозволено, и «низших» «анчоусов» (лузеров, «быдло», по сути, недочеловеков, малоимущих).

Такого толка *либерализм* (3) стал постепенно вытеснять и замещать собой *либерализм* (1) ещё в XIX веке и к началу XX века вытеснил и заместил его полностью и окончательно.

Коротко, суть современного *либерализма* (3) — установление тотальной власти транснационального Крупного Капитала на глобальном уровне.

Такого рода современный *либерализм* (3), по существу, есть *фашистского* (см.) толка идеология, причём, условно, «пиночетовского» типа, т. е. не некоего самостоятельного государства, а осуществляемого в *криптоколонии* (см.), находящейся под властью Метрополии, здесь ныне — глобальных транснациональных структур.

С соответствующими изменениями современный *либерализм* (*неолиберализм*) (3) представляет собой идеологический инструмент *глобализма, глобальных элит*.

И потому понятия «*либерализм*», «*либеральный*» сегодня оказываются весьма лукавыми и действенными в плане манипуляции массо-

вым сознанием, вследствие возможности манипуляторов элементарно путать вышеуказанные значения понятия, вводя обывателя в заблуждение: например, вроде как соблазняя обывателя «свободой», в действительности реализуя фашистского толка идеологию, тем самым обрекая его, массового обывателя, в действительности на рабское состояние.

Важно заметить, что «классический» *либерализм* (1), а также *либерализм* (3) современного толка суть *номиналистические* в своей основе учения, т. е. такие, в которых реальным признаётся сугубо единичное, индивидуальное, а всё так или иначе общее, относящееся к порядку идей и высших ценностей, здесь никак не существует; есть, по определению, фикция, лишь удобное словоупотребление.

В этом плане *либерализм* (и классический, и современный) есть довольно любопытная, «странная» идеология, которая отрицает «идеологию», в том числе, по существу, и саму себя.

Причём *индивид* (человек) в трактовке современного *либерализма* (3) предстаёт как «гомо экономикус», определяющийся сугубо своими экономическими интересами (а всё высшее, ценностно-смысловое трактуется здесь в *либерализме* (3) как иллюзорное, обманное).

В то же время важно указать на то, что в настоящее время, вполне типично и стандартно, идеологи современного *либерализма-неолиберализма* (3) используют довольно соблазнительные для обывателя понятия «классического» *либерализма* (1) уже в качестве соответствующих сугубых *симулякров* (см.) в целях манипуляции массовым сознанием и разрушения неподконтрольных ещё им (точнее, крупному транснациональному капиталу) в нужной степени государств и обществ.

Ложное сознание — в трактовке Энгельса довольно типичное представление о социальной действительности массового обывателя, не понимающего классовой сущности этой действительности, а имеющего те установки и стереотипы, категорически ложные, которые внушила ему буржуазная идеологическая *мегамашина* (см.) *манипуляции массовым сознанием* (см.).

В частности, внушив этому массовому обывателю категорически ложную установку о том, что, дескать, интересы правящего класса якобы и есть его, этого обывателя, интересы, и что эти интересы правящего класса есть якобы интересы общества в целом, в то время как они (интересы правящего класса, с одной стороны, и интересы общества в целом, с другой стороны) в весьма значительной мере вполне противоположны.

Манипуляция — процесс достижения своих целей посредством других людей, общественных групп и общества в целом с использованием психологических и риторических приёмов.

Манипуляция массовым сознанием — процесс достижения своих целей посредством других людей, общественных групп и общества в целом с использованием лукавых психологических и риторических приёмов, воздействуя на бессознательную (чувственно-эмоциональную, инстинкты, влечения, желания, страхи, фобии и т. д.) сферу людей, исподволь воздействуя тем самым на их сознание и определяя их мнения, поступки и поведение.

Существует довольно много различных *способов и приёмов манипуляции массовым сознанием* (автор, например, раскрывает более 30-ти из них в своих лекциях и книгах), таких как, например: «статистическая магия», «макакавки», «отношение, как к ребёнку», «создание комплекса вины», «противоположные сообщения», «бинарные ловушки», «образ врага», «апелляция ко всем», «ложные аналогии» и т. д., и т. п.¹⁵.

В настоящее время *технологии манипуляции массовым сознанием* становятся настолько тотальными, что, по существу, уже *подменяют собой культуру* (см.) как систему *высших ценностей* (см.), замещая её своими, на каждый день, для массового обывателя, потребителя информации, *стереотипами и установками* истолкования мира.

Массовая культура — суррогат культуры, не имеющий в своей сердцевине сколь-либо подлинной ценностно-смысловой матрицы.

Массовая культура — совокупность артефактов и символов, имеющая своими основными целями манипуляцию массовым сознанием и извлечение прибыли, прирост *капитала* (см.).

См.: *культура*.

Массовый человек (массовый индивид) — типичный представитель массового общества, отчуждённый от других людей и характеризующийся повышенной внушаемостью и сниженным (до полного его отсутствия) уровнем самосознания.

Х. Ортега-и-Гассет, написавший в 1930 году свою книгу «Восстание масс», охарактеризовал вполне справедливо типичного массового индивида как: а) избалованного великовозрастного ребёнка, эта-

¹⁵ См., например, подробнее об этом в авторской книге: *Васильев Г. Е. Окоём Волюшки. Русская философия власти.* — М. : Ваш Формат, 2021. — 580 с.

кого инфантила по жизни, б) самодовольного потребителя, в) наглую посредственность, навязывающую всем своё «мнение» (типично внушённое ему и ничуть не продуманное), г) вопиюще неблагодарного, д) крайне эгоистичного, е) безответственного, ж) заявляющего, что все ему что-то, якобы, должны, якобы, что-то не додали; ё) весьма внушаемого, ведомого «стадным инстинктом» etc.

Ключевой онтологической характеристикой типичного современного *массового человека* является отмеченная Г. Маркузе в его книге «Одномерный человек» в 1964 году его *одномерность* (см.), т. е. крайняя поверхностность мировосприятия, плоскость суждений (при этом всем им навязываемых), отсутствие реальной смысловой глубины миропонимания, весьма суженый мировоззренческий горизонт, отсутствие настоящих собственных мыслей, самостоятельного мышления, повышенная внушаемость.

См. далее: *массы (массовое общество)*.

Массы (массовое общество, социальная масса, социальное желе масс) — совокупность людей («индивидов»), никак не связанных друг с другом общими ценностями и целями, отчуждённых друг от друга и своеобразно характеризующихся повышенной внушаемостью, тревожностью и сниженным уровнем самосознания.

Типичное и повсеместное явление в современном глобальном мире.

Феномен *массового общества* утвердился с начала XX века, хотя возник он ещё в XIX веке, связанный, прежде всего, с промышленной революцией, отрывом множества людей от их традиционного социокультурного бытия, традиционной их культуры, перемещением их в города и обращением их там в бессмысленного *человека-функцию* (например, в рабочего на конвейере или в бюрократа-бумагомарателя, в офисный планктон, в полиция и т. п.); другим основополагающим фактором возникновения *человека-массы* (см. *массовый индивид*) и *массового общества*, состоящего из подобного толка *массовых индивидов*, явилось развитие *средств массовой рекламы агитации и дезинформации* (см. *СМРАД*), способствующих формированию подобного, весьма внушаемого, не имеющего твёрдых ценностно-смысловых онтологических экзистенциальных оснований *массового индивида* (см.). Свою роль здесь сыграл и бурный рост населения в Европе (с начала XIX века), создающий высокий уровень скученности населения на весьма ограниченной территории, разрывая необходимые «зоны психологического комфорта», с соответствующим ударом

по психике людей, по их сознанию, катализируя процессы их социального *отчуждения* (см.).

Х. Ортега-и-Гассет, описавший, в целом справедливо, в своей книге «Восстание масс» данный феномен, на мой взгляд, всё-таки не совсем верно определил суть происходящего процесса: ибо всё-таки не «массы» «восстали», а кто-то, а именно некие *элиты* (см.) позволили, более того, осуществили подобного рода создание и социокультурное утверждение, «восстание» подобного толка людей, массовых индивидов, масс.

Ибо *массы* — это, по определению, *объект, объект манипуляций*, а отнюдь не *субъект*, и они (*массы*) сами никак не могут, в принципе, «восстать» самостоятельно, им обязательно нужны некие вождидемагоги, руководители, кукловоды, провокаторы, которые бы их толкали подобным образом, двигали и направляли, тем самым реализуя некие свои цели.

Именно нечто подобное и имело место в Западноевропейской культурно-исторической системе в рассматриваемую эпоху (с XIX века).

Массы были созданы, а затем возведены, так сказать, на социокультурный пьедестал не сами по себе, а определёнными элитными олигархическими группами и кланами в целях воспроизводства *Капитала* (см.), создания «идеального» потребителя (и товаров, и информации) и т. д.

Говорил ли или нет Джон Рокфеллер (младший) эту приписываемую ему фразу о том, что мы, дескать, создадим такие (!) *массы*, которыми не сможет овладеть никакая идея, в пике известному тезису Маркса (в его «К критике гегелевской философии права») о том, что идея (теория) предстаёт как материальная сила, когда овладевает массами; имея в виду (Рокфеллер), что мы создадим настолько бессмысленное и зомбированное население, которое просто вообще уже не будет способно воспринимать какие-либо Идеи, и тем самым, значит, обеспечим себе свою тотальную власть над этими бестолковыми массами населения; так вот, именно такого толка *массы*, категорически невосприимчивые к какой-либо настоящей Идее, но в то же время легко внушаемые, заражаемые всеми теми *стереотипами и установками* восприятия мира, которые им методично внушаются через СМРАД, в режиме непрестанной *манипуляции их массовым сознанием* (см.), судя по всему, целенаправленно создавались и были успешно созданы (к концу XX века), причём уже, считай, в глобальном масштабе.

Впрочем, со временем, когда «мавр сделал своё дело», и «восставшие» *массы* эти сыграли свою роль, они как уже отработанный материал сегодня начинают успешно задвигаться вновь на социальное дно — определённую симптоматику этого процесса описал, в частности, К. Лэш в своей книге «Восстание элит или предательство демократии» (1994 год).

Авторы, которые раскрывали с разных сторон феномен *масс*, *массового общества*, феномен *толпы*: Г. Лебон, З. Фрейд, В. М. Бехтерев, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Канетти etc.

Толпа — это частный случай *массы*, собранной здесь и теперь.

Человек *в толпе* приобретает, обыкновенно, те же характеристики, что и массовый индивид: повышенная внушаемость, сниженное чувство ответственности, пониженный уровень сознательности поведения, роевое поведение и т. п., только *массовый индивид*, из коих состоит социальное желе *масс*, имеет эти характеристики по жизни, на постоянной основе, а вот обычный нормальный человек становится таковым (внушаемым, безответственным, действующим бессознательно и т. п.), только попав в некую толпу (а выйдя из толпы, вновь становится вполне нормальным, обычным).

См. также: *массовая культура*, *массовый индивид*.

Мегамашина — в концепции Л. Мамфорда система, включающая в себя, с одной стороны, машины и механизмы, электронные средства коммуникации и пр., а с другой — людей как придатки этих машин и механизмов, используемых здесь в качестве «винтиков», инструментов и функций.

В качестве примера Мегамашины здесь можно упомянуть то, что Гоббс называл *Левиафаном* (см.) — искусственное тело государства, государственного аппарата; *бюрократический аппарат* — тоже своего рода, собственно, Мегамашина, механизм-придаток Левиафана.

Современная такого рода Мегамашина — «*Цифровой Левиафан*» (в терминах И. Шнуренко), матрицу-сердечник которого составляет т. н. «искусственный интеллект», а разного рода чиновники, бюрократический аппарат здесь лишь бессмысленные придатки, «внешние интерфейсы» этой «цифровой» Мегамашины.

Миро-космическая культурно-историческая система — предлагаемая автором новая перспективная культурно-историческая система, представляющая собой своего рода развитие *Русской культурно-исторической системы*, выходящая уже на мировой, *всецелочеловеческий* уровень.

Характеризуется такими ключевыми ценностными образцами, как Справедливость, Свобода, Правда, Личность.

Как здесь предполагается, *Миро-космическая культурно-историческая система*, развивающаяся в регистре своей ценностной и целевой матрицы, реализуется в творческом саморазвитии человека и общества, в творческом обустройстве и преобразении человеком мира, раскрытии новых горизонтов познания и самосовершенствования, освоении космического пространства и т. д. (см. также: *Справедливое мироустройство*).

Идентифицироваться с *Миро-космической культурно-исторической системой*, в принципе, может любой человек, любой национальности, расовой, культурной и религиозной принадлежности, принимающий данную систему ценностей как свою.

Миф (греч. μῦθος) — символическая система, представляющая собой *повествование* (нарратив) о тех или иных событиях и имеющая, предположительно, важное значение для человека и общества.

Миф играет важную роль в процессах культурной идентификации, приобщения к *ценностям* (см.), к священным образцам и артефактам, к *традициям* (см.) той или иной культуры, того или иного общества.

В сущности, всякий *миф* представляет собой причудливое переплетение выдумки и действительности, истины и фантазии, правды и вымысла, в ткани которого, обыкновенно, скрываются священные образцы, образцы для подражания, ценностные точки интенсивности.

А. Ф. Лосев, на мой взгляд, довольно удачно определял *миф* как «выраженную в словах чудесную личностную историю»¹⁶.

Миф своеобразно непосредственно связан с жизненной реальностью человека, его жизненной практикой (от хозяйственной деятельности до сновидений, от его попыток познать мир до художественного его творчества, от мистических религиозных переживаний до общения с другими людьми и т. д.).

В настоящее время понятие «*миф*» зачастую используется в качестве обозначения некоей сугубой выдумки, иллюзии, лжи, «сказки», *небылицы* (см.), *симулякра* (см.).

Сказка, кстати, представляет собой *миф*, который лишился к настоящему времени своей социальной актуальной значимости

¹⁶ См.: Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. — М. : Политиздат, 1991. — 525 с.

и сохранил только свои *следы*, так или иначе выраженные в данной сказке.

В принципе, такое современное использование понятия «мифа» как лжи и сугубой фантазии создаёт своего рода путаницу в понятиях (путая принципиально разные концепты «классического» мифа и современных медийных «мифов», имеющих весьма разную промеж собой онтологию).

Современные т. н. «мифы» обыкновенно создаются целенаправленно определёнными группами людей, манипуляторами массовым сознанием, и никоим образом, в отличие от классических мифов, не укоренены, изначально, в жизненных практиках людей, общества, на которых (людей, общества) они проецируются, которым внушаются.

И потому для современных, скажем так, медийных «мифов» (которые Р. Барт определял как «*вторичные семиотические системы*», в которых значения категорически оторваны от действительности), которые ныне активно создаются и используются в режиме *манипуляции массовым сознанием* (см.), я предлагаю использовать такие понятия, как *небыль* (см.), *псевдомиф* (см.), *симулякр* (см.).

Сегодня, в этом смысле, впрочем, стала довольно модной практика вроде как «развенчания» тех или иных «мифов», однако, в подавляющем большинстве случаев мы имеем дело здесь лишь с всё теми же лукавыми попытками манипуляции массовым сознанием, созданием своих новых небылиц и псевдомифов, прикрываясь вроде как некими, якобы, «фактами» и т. п. мишурой.

В таких случаях нужно, прежде всего, обращать внимание на системную логичность повествования, на здравый смысл и понимание элементарной логики и психологии людей, отделяя зёрна от плевел, настоящее стремление к истине от создания и утверждения новых лукавых фантазмагорических симулякров.

Народ — совокупность людей, объединённых на основании общих ценностей и целей, а также языка.

Народ, прежде всего, *культурная* общность; и лишь «во-вторых» — родоплеменная.

Понятие «народ» различается от понятия «общество» тем, что в «обществе» родоплеменные характеристики вообще почти не имеют никакого значения, а в «народе» они определённое значение, даже иногда относительно важное, имеют.

См. также: понятия *этноса*, *нации*.

Народовластия принцип — принцип местного народного (общественного) самоуправления, являющий собой опору *государства* (см.) в целом.

Данный *Принцип* является основой русской государственности, поскольку именно на нём зиждется, изначально, важнейший здесь *Самодержавный принцип* (см.).

Без опоры Самодержавного принципа на *Принцип народовластия* самодержавная власть оказывается здесь лишена своих реальных жизненных оснований, потому как попытка её опереться, например, на носителей *Олигархического принципа* (см.), т. е. на *эlitу* (см.) и только на эlitу, по сути своей, представляет собой попытку опереться на болотную топь и трясиину.

Принцип народовластия имеет свои социальные ограничения.

Дело в том, что *реальное народовластие возможно лишь в относительно небольших сообществах*, где, во-первых, все друг друга хорошо знают и, во-вторых, где каждый имеет реальную возможность так или иначе повлиять на принятие управленческих решений или хотя бы на избрание того или иного достойного человека в руководители данного сообщества.

Впрочем, и в небольших сообществах, разумеется, «народовластие» вполне может легко обратиться в некое подобие олигархии или в иного толка паразитический, преступный режим.

Например, некий, условно, *кулак*, или группа кулаков, т. е. *мироедов-паразитов*, тех, кто нажился и наживается за счёт общества, его ограбления и закабаления, имея соответствующие средства, может использовать разного рода своих *шестёрк-подкулачников*, чтобы продавить нужное себе «демократическое» решение в плане избрания якобы «от общества» себя или кого-то из своих людишек-шестёрок в «руководители» данного общества.

Такого рода ситуация относительно даже типична, когда власть в том или ином, даже небольшом сообществе захватывают, формально вроде бы вполне «демократично», некие местные кулаки, «братки», паханы и т. п. *паразиты и нелюдь*, в регистре типичного *отрицательного иерархического отбора*.

На пути такого рода *паразитирующей нелюди* стоит обычно то, что можно назвать *критическим числом* честных, умных и мужественных людей, которые способны дать соответствующей отпор такого рода кулакам (паханам) и их подкулачникам (холоум, при-спешникам). Однако если подобного критического числа такого рода

мужественных, умных и честных людей в обществе нет, а мы имеем лишь сугубую массу трусов, приспособленцев и дураков, то, разумеется, в данном сообществе власть своеобразно попадает в руки кулаков и паханов, закабаляющих данное сообщество.

Поэтому *реальное народовластие возможно там и только там*, где есть критическое число умных, мужественных, честных, обладающих развитым *самосознанием* (см.) людей.

Впрочем, не скажу точно, какое это должно быть число — это зависит от обстоятельств: например, нужно учитывать, какое количество кулаков, подкулачников-холуёв, братков и паханов им, честным и мужественным людям, в данном конкретном случае, противостоит, а также то, насколько прочее население всё же хоть как-то осталось ещё людьми, а не обратилось полностью в сопляков-трусов, дураков и рабов (по духу).

Нация — общность людей, объединённая на основании единой над ними государственной (политической) власти и соответствующей *идеологии* (см.), а также *языка*.

Нации есть продукт Нового времени (эпохи Модерна, в рамках *Западной (Фаустовской) культурно-исторической системы*) (см.), имеющий имеющий в своих основаниях капиталистического толка социально-экономическую систему и носящий, по существу, проектно-искусственный характер.

Нация — общность *политического* толка.

Любопытно заметить, что именно «нациям» (а не «народам»), парадоксально, оказывается свойственен «*нацизм*», т. е. идеология, внушающая некое якобы «природное» превосходство «нашей» нации над всеми другими народами и нациями, внушая при этом ненависть к этим другим народам и нациям.

В идеологии нацизма, важно отметить, осуществляется довольно распространённый способ *манипуляции массовым сознанием* (см.) — «*представления исторического культурного как природного*». То есть нация, которая есть *политический феномен*, представляется здесь первым шагом как *якобы* нечто «*природное*», а вторым шагом как нечто *якобы* по этой «природе» своей всех превосходящее.

Разумеется, с концом эпохи Модерна реальное создание наций завершилось; в современную эпоху *Постмодерна* (см.) могут уже создаваться лишь *симулякры* (см.) «наций».

Небыль (небылица) — в особой авторской терминологии некое повествование (или образ), не имеющее никакого отношения к дей-

ствительности, к истине и правде, однако утверждающее себя именно *самой* что ни есть истиной, правдой и действительностью.

Говоря проще, это «ложная информация», но при этом претендующая на «истинность»; иными словами, «небытие», претендующее на «бытие»; иллюзия, претендующая на реальность.

В аналогичном смысле я иногда использую понятие *псевдомиф* (см.).

Классическое понятие *миф* (см.) к подобного рода ложной информации, работающей на манипуляцию массовым сознанием, очевидно, неприменимо (хотя частенько ныне применяется).

Часто в такого рода случаях используется понятие «фейк». Однако данное понятие, во-первых, уже оказалось слишком дискредитированным, потому как ныне «фейками» (т. е., дескать, «недостовой информацией») зачастую «официально», вполне по-оруэлловски, объявляют именно то, что действительно относится к правде и истине, а во-вторых, данное понятие («фейк», англ. fake — подделка) заимствовано из английского языка, а современный дискурс манипуляторов массовым сознанием как раз пестрит англицизмами и вообще имеет свои основания и корни именно в англоязычных медиа и специальных службах, и потому англоязычные понятия здесь в плане, напротив, развенчания технологий массовым сознанием, на мой взгляд, лучше не использовать.

Можно использовать, наверно, аналогичное понятие *симулякр* (см.), и я его зачастую использую, однако это особое философское понятие, и его применение при обращении к народу, обществу может вызвать некоторые сложности в понимании; и потому я стал предпочитать здесь русские понятия «небыли», «небылицы», по смыслу, на мой взгляд, довольно подходящие.

Ножницы Питерса (барьер Питерса) — наличествующее очевидное расхождение промеж развитием техники и технологий, научно-техническим прогрессом, с одной стороны, и деградацией (или, хотя бы, не-развитием), интеллектуальной и нравственной, человека и общества, с другой стороны, обеспечивающее, рано или чуть позже, обрушение наличествующей цивилизации.

Названо по имени американского бизнес-аналитика Тома Питерса; однако сам Питерс подобного принципа не формулировал, это уже впоследствии некоторые его тезисы были развиты подобным образом и был сформулирован данный концепт. В принципе, весьма сегодня актуальный.

См. также: *парадокс Константина Леонтьева*.

Норманизм — политико-историческая *парадигма* (см.), утверждающая, что русское государство было создано скандинавами (шведами или датчанами, или кем-то в том же роде), т. е., что легендарный Рюрик и его дружина были шведами, датчанами и т. п. германцами, принесшими славянам государственность, порядок и вообще «цивилизацию».

Некоторые из фанатичных норманистов договорились даже до такой исторической *небылицы*, как «Скандославия», сиречь, таковым якобы стало русское государство после призвания Рюрика.

Норманизм представляет собой банальное порождение *Псевдоморфоза* (см.), когда настоящая русская история была так или иначе *подавлена, защищена* и в лучшем случае *категорически искажена*, а вместо неё был здесь установлен её, *немецкого образца, суррогат*, одной из ключевых «аксиом» которого утвердился *норманизм*.

Действительно, в системе установившегося в России (с начала XVIII века) *Псевдоморфоза никакой иной*, кроме как чем-то подобной данному *норманизму*, «исторической» парадигмы учиниться просто не могло *по определению*.

А вся так или иначе наличествовавшая в России до той поры история была неизбежно здесь, по возможности, *защищена, подменена* и, скажем так, *помягче, фальсифицирована*.

В сущности, европейская история (в современном смысле слова), история западноевропейских народов (*наций*) (см.), была создана в Новое время; особо активно этот процесс пошёл с XVII века, когда все новообразованные европейские суверенные национальные государства стали создавать себе соответствующую идеологическую модель истории, проецируя свою *волю к власти на прошлое, на Время*, тем самым пытаясь обосновать свою возможную экспансию и в пространственном отношении: чем некая нация была, значит, более древней и, соответственно, занимала некогда большие пространства, тем она имеет, значит, все законные обоснования для своих нынешних претензий на разные иные земли, которые так или иначе предполагает захватить, реализуя свою волю к власти в пространственно-территориальном отношении.

Со временем, когда такого рода «национальные истории» более-менее притёрлись в Европе друг с другом, обтесались и сложили некую условную общую парадигму истории, хотя, конечно, со своими для каждой её национальной модели особенностями, одна из таких

национальных моделей, условно, германо-шведская, оказалась *перенесена в Россию* и стала тут официальной «исторической» парадигмой.

Проблема здесь состоит в том, что в создаваемой немцами (как и шведами) для себя любимых парадигме истории русских не было и быть не могло, по определению, как сколь-либо значимого в исторической перспективе народа.

Вплоть до того, что даже государство им, таким убогим, создали «немцы» (шведы, датчане и т. п.).

В то же время весьма важно заметить, что *норманизм* так или иначе обосновывал то *гностическое* (см.), по существу, состояние «российской» тогдашней социокультурной и государственной системы, когда *правлящий слой* в ней был, условно, «немцами», а *подвластное, порабощённое* (находящееся в крепостном состоянии) население — местное, туземное «*русское*», *славянское*.

Причём обращу внимание, что тут, в рамках норманизма, даже имя у этих местных рабов-туземцев оказалось чужое, заимствованное, как оно тут получается, у «шведов»: «русские».

Иными словами, *норманизм* обеспечивал *идеологическую основу* тогдашней *внутренней колонизации России*, обеспечивал её культурный и государственный *Псевдоморфоз*, засилие «немцев» (в широком смысле) в правящем слое и вообще наличествующее *гностическое* состояние общества (где правящий слой — «немцы», буквально, или «по духу», «по культуре», а подвластные — местные туземные славяне, «унтерменши», которым их Господа милостиво, значит, позволили именоваться своим гордым именем «русские»); оправдывал и обосновывал, так сказать, всё это, все подобные явные социальные несправедливости и искажения.

Очевидно, что социокультурным основанием утверждения норманизма в России являлись восторжествовавшие в то время *Олигархический принцип* (см.) и *Западническая тенденция* (см.).

Соответственно, *историки* — представители высшего слоя (дворяне и пр.) радостно, как нечто само собой разумеющееся, пропагандировали данную «историческую» парадигму (*норманизм*), «логично» обосновывающую их *господское*, здесь и сейчас, состояние; те же историки, которые не имели подобного «высокого» (дворянского и т. п.) происхождения, тоже в своём *интеллигентском* (см.) пафосе стремились, утверждая данную парадигму, причаститься этому высшему слою («элите»), влиться в него, мол, мы тоже с вами, мы за вас, мы обеспечиваем вашу власть здесь, её *легитимность*, и потому —

возьмите нас к себе, сделайте нас тоже «немцами», т. е. высшей тут нацией-расой-кастой.

Вполне понятные вещи и устремления.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что норманизм в ту эпоху (с XVIII века) почти беспросветно торжествовал в «Российской империи», а все робкие одиночные голоса с его критикой благополучно подавлялись, и ежели как и существовали, то сугубо в маргинальном своём виде.

Дополнительно, впрочем, нужно заметить, что господству *парадигмы норманизма* способствовало также то, что тогдашние историки, когда учились, заучивали догмы норманизма как нечто само собой разумеющееся, и после, становясь взрослыми учёными, маститыми профессорами, они уже были категорически не склонны подвергать сомнению свои некогда заученные догмы, как уже своего рода аксиомы, и всякая критика этих догм представлялась им чем-то вроде глупости и невежества, абсурда и бреда. Ибо в противном случае им пришлось бы подвергать сомнению вообще всю историческую в отношении России парадигму, и её, этой *небылицы* (см.) «русской» истории *фантазмагорический картонный домик*, который они всю свою жизнь изучали и которому сами учили, в свою очередь, студентов, просто бы рушился. И они тогда, собственно, остались бы на руинах, и им бы пришлось не только признаваться всем и самим себе, что они ошибались, обманывались и учили этому обману других, но, значит, теперь, дабы создать новую более правдоподобную историческую парадигму, им становилось насущно необходимым прикладывать недюжинные усилия, включать мозг (!), собственное мышление пытливового исследователя, а вот с этим («включением собственного мышления») тут, в «научном сообществе», обычно, серьёзная проблема, потому как у большинства «учёных», успешно делающих карьеру в научном сообществе, подобная опция обыкновенно удачно отсутствует.

Так что с учётом вышеуказанных, весьма соблазнительных с точки зрения стремления лично приобщиться к элите (и соответственно, личного отстранения от «этого народа», черни, простонародья) аспектов парадигмы норманизма, никакое учёное историческое сообщество и его представители никогда не будут (за исключением лишь неких «странных» одиночек) подвергать сомнению господствующую парадигму норманизма, не говоря уж о её опровержении.

В советское время, после вроде как падения «имперского» Псевдоморфоза, с построением социализма в отдельной стране и утвержд-

дением более-менее полного государственного суверенитета (с конца 1930-х гг.), казалось бы, норманизм должен был быть жёстко раскритикован и отмереть, однако этого не произошло, опять же, по вполне понятным системным причинам.

Когда в СССР была вновь «реабилитирована» история, с середины 1930-х гг. советским учёным историческим сообществом была наскоро воспринята прежняя, «имперская» (условно) парадигма истории, а там уж, скоро, Великая Отечественная война, а потом восстановление страны, а потом смерть Сталина, а после этого стали явно брать верх в советской элите Олигархический принцип и столь сопутствующая ему здесь Западническая тенденция, а вот тут уж *норманизм* с его *гностицистским* принципом (власть имущие, по сути, в России, исконно иной, значит, «малый народ», «избранные», нежели всё прочее туземное местное население) пришёлся, опять же, весьма кстати и ко двору.

Разумеется, после разрушения СССР, с господством, считай безраздельным, в настоящее время Олигархического принципа и Западнической тенденции, в «российском» учёном высшем историческом сообществе *норманизм* по-прежнему вполне господствует; однако для всякого хоть сколько-нибудь самостоятельно и критически мыслящего историка, полагаю, вполне стало ясно, что *норманизм* — это уже безнадежно *вырожденная парадигма*, обратившаяся, по сути своей, в типично *религиозно-догматического толка сектантское* (см.) учение; и попытки сегодня утверждать эту небылицу (*норманизм*) представляют собой тщетные попытки натягивать такого рода несчастную сову, уже в ключья порванную, на глобус Клио.

В этой связи можно упомянуть и гаплогруппы Рюриковичей — ничуть, по своим субкладам, не скандинавского происхождения; и вообще почти полное отсутствие в России скандинавских субкладов; и то, что пресловутый нынешний Рослаген, откуда якобы эта «шведская русь» якобы приплыла, в ту эпоху ещё был вообще под водой и пр., и пр., и пр.

Да, для современного «учёного высшего сообщества», наверное, исповедание догматической «религии» норманизма вполне типично, поелику так или иначе удовлетворяет стремлению такого толка «учёных» хоть как-то приобщиться к «элите»; однако время этой парадигмы-небылицы, несмотря на всю её социально-политическую востребованность, уже безнадежно уходит.

Хотя её рваное «чучело на глобусе» ещё может довольно долго довлеть над «историческим сообществом» и так или иначе блокировать попытки исследования настоящей истории нашего народа.

Общее благо (как оно должно быть) — система обеспечения *возможности* для каждого его всестороннего развития и творчества.

Общественное мнение — набор господствующих *стереотипов и установок* истолкования действительности в наличествующем дискурсе в определённом обществе в определённое время.

Общество — совокупность людей, объединённых определённой системой общих *ценностей* (см.) и целей.

Обыкновенно, впрочем, под «обществом» понимается просто совокупность людей без каких-либо общих ценностей и целей, проще говоря — *масса, социальная масса* (см. *массовое общество*).

Общество потребления — совокупность людей, основными целями жизни которых является потребление средств к существованию, по возможности, в максимальных величинах.

Общество потребления как социальная модель сложилось во второй половине XX века в «западном» капиталистическом обществе, в котором произошла фундаментальная идеологическая подмена «целей существования» «средствами существования», при которых последние стали сами вроде как «целями» жизни людей, тем самым, *по существу*, ставшей *бессмысленной*.

Общество потребления — особый случай «массового общества» с его отчуждением людей друг от друга, их эгоизмом-индивидуализмом и повышенной внушаемостью. С соответствующей культовой системой *товарного фетишизма*, т. е. здесь наделянием тех или иных товаров некой, якобы, сверхъестественной силой (значением), которую ты, массовый потребитель, должен возыметь, потребив данный товар.

Общество потребления, с одной стороны, было создано капиталистической правящей верхушкой в целях отвращения масс населения от симпатий к коммунистическим идеям, а с другой — в целях раздувания кредитного пузыря *капитала* (см.): воспроизводя в людях страсть к потреблению (потреблятельству), внушая им необходимость всё большего и большего количества предметов потребления, тем самым загоняя их в воронку-спираль погони за средствами (прежде всего, кредитными), необходимыми для оплаты этих предметов потребления.

Общество спектакля — понятие Г. Дебора (раскрытое им в одноимённой книге 1967 года), обозначающее современное ему (1950–1960-е гг.) общество, ключевой характеристикой которого является *шоу, спектакль*, подменяющее собой реальность.

В «шоу», в «спектакль» обращается здесь всё: политика всё более явно становится шоу и балаганом, разыгрываемым некими остающимися за ширмой режиссёрами-кукловодами; экономика обращается в финансомику, в которой финансовый, фиктивный капитал многократно превосходит реальный сектор экономики и, по существу, этот реальный сектор уже перестаёт иметь сколь-либо серьёзное значение; в культуре господствует *массовая культура* (см.), т. е. некий суррогат, симулякр культуры, представляющий собой некий набор символов, но уже безо всяких содержащихся в них высших ценностей и смыслов, подобно ярким обёрткам-фантикам, которые больше не содержат в себе никаких «конфеток» и т. д.

В сущности, на мой взгляд, *общество спектакля* есть своего рода *переходная стадия к третьему порядку симулякров* (по Бодрийяру) от *второго порядка симулякров* (см. *симулякр*); мы вступаем в этот новый мир торжествующих симулякров, подменивших собою реальность, из мира, в котором мир симулякров ещё сосуществовал так или иначе с реальным миром, одной ногой мы уже в мире тотально господствующих симулякров, а другой — ещё в том, где пока сохраняется хоть какая-то реальность. И потому мы ещё хоть как-то можем различать «спектакль» от действительности.

В современном мире, в мире *Постмодерна* (см.), в мире торжества *третьего порядка симулякров* никакой такой «действительности» уже нет, она вытеснена и подменена. Здесь «спектакль» стал «реальностью». Виртуальный мир симулякров вытеснил и подменил действительность.

Подобно тому как культура, как система высших ценностей и смыслов, оказалась здесь уже почти подменена и вытеснена технологиями *манипуляции массовым сознанием* (см.) с их задаваемыми стереотипами и установками.

Однолинейная парадигма (Формационный подход) — *парадигма* (см.) культурно-исторических исследований, зиждущаяся на том, что история человечества и, соответственно, история культуры человечества есть некая *единая прямая* (или несколько витиеватая) восходящая линия развития — от неких древнейших времён до современной, собственно, *Западной* культуры-цивилизации.

Такого рода *парадигма* возникла и установилась в Европе в Новое время и, считай, безраздельно господствовала вплоть до начала XX века.

В принципе, в сложившемся подобном положении дел нет ничего удивительного, поскольку в то время различные европейские державы (империи) так или иначе овладели всем Земшаром, в той или иной степени *колонизировали* все страны мира, поделив его, точнее сказать, постоянно деля промеж собой.

И потому представление о том, что вся история человечества так или иначе шла к своему апогею, выражающемуся в современной западноевропейской цивилизации, казалось здесь уже чем-то вполне *само собой разумеющимся и аксиоматическим*.

Соответственно, ключевой характеристикой данной *парадигмы* являлся и является *европоцентризм (евроцентризм)*. То есть представление о том, что европейская культура-цивилизация есть *образец и вершина* культуры человечества и все остальные народы с их культурами должны так или иначе двигаться в том же направлении, перенимать для себя европейские образцы и порядки; и, соответственно, все иные культуры, со всей их самобытностью и своеобразием, определяются в рамках данной парадигмы как нечто, значит, недоразвитое или искажённое, или как тупиковая ветвь развития.

Очевидно, что работая в рамках данной парадигмы, мы как исследователи обрекались на проецирование на все иные культуры, на всё их историческое прошлое собственных современных западноевропейских стереотипов трактовки мироздания, своих мировоззренческих установок и, тем самым, категорически искажали образы этих культур: с одной стороны, приписывали этим культурам и их носителям-народам то, чего в них не было, а с другой — закрывали от себя нечто, возможно, самое в них важное и сущностное.

В рамках данной парадигмы имели и имеют место довольно таки *различные концепции*, сами в определённой мере представляющие собой парадигмы (можно сказать, парадигмы и парадигме), например, *эволюционистская* и *формационная*; но и не только, конечно, они.

Частенько данную *Однолинейную парадигму* именуют «*формационным подходом*», что, впрочем, явно неверно, потому как понятие *формация* было формулировано Марксом, а потом выстроено, в известном ныне своём порядке, Энгельсом только ближе к концу XIX века, в то время как данная Однолинейная парадигма существовала задолго до этого ещё с XVIII века уж точно; причём существовала

в виде тех концепций, которые совершенно еще не знали и не использовали понятие «формация».

Формация — это особого рода устройство социально-экономической системы, основывающееся на находящихся на определённом уровне развития производительных силах, технике и технологиях, соответственно, определяющих специфический уклад социальных (производственных) отношений в этой системе.

Формации в окончательной формулировке Энгельса (данной им в тексте «Происхождение семьи, частной собственности и государство», 1884 год) проходят в процессе исторического развития свои степени *первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической* формаций.

В каждой из этих *формаций* имеет место свой способ воспроизводства власти, основанной на той или иной форме собственности: например, в рабовладельческой — над телами рабов, в феодальной — над землёю, в капиталистической — над средствами производства, над рабочей силой.

В то же время, если, например, формационная концепция основывается на определённом уровне развития производительных сил и соответствующих в них формах собственности и власти, то вышеупомянутая *эволюционная* исходит из *метафоры эволюции*, позаимствованной из биологии, но уже применительно к «эволюции» социокультурной.

Часто в *Однолинейной парадигме* используется терминология (кстати, в тех же эволюционистского толка концепциях), обозначающая градацию развития человечества, проходящего так или иначе следующие свои стадии развития: от состояния *дикости* (стадия охоты и собирательства) к *варварству* (начинается, обыкновенно, с одомашнивания животных и растений), к *цивилизации* (начинается, например, по Л. Моргану, с фонетического алфавита).

Своего рода *концептуальный «символ веры»* сторонников *Однолинейной парадигмы* выразил, на мой взгляд, довольно ёмко и точно Л. Морган (в своей книге «Древнее общество...», 1878 год): «...Поскольку человечество имеет *единое* происхождение, его развитие было, по существу, *одинаково*, протекая во всех частях света различными, но *единообразными* путями и крайне сходным образом у всех племён и народов человечества, достигавших *одной и той же* стадии развития... Развитие человечества шло повсюду почти *одинаковыми* путями, человеческие потребности, при аналогичных условиях, были, по существу,

одинаковы и проявления умственной деятельности, в силу видовой тождественности мозга всех человеческих рас, были *однородны...*¹⁷.

Относительно изложенного «символа веры» замечу, прежде всего, то, что Морган здесь непрестанно повторяет, своего рода рефреном, как заклинание, тезис об «однообразии», «единственности» культурно-исторического, «эволюционного» развития человечества: «единое», «одинаково» и т. д. (выделено в тексте мной выше курсивом), словно бы, действительно, заклиная наличествующую действительность, чтобы оно, человеческое развитие, именно таким и было, и чтобы никто даже не посмел помыслить гипотетического чего-нибудь *иного* об этом развитии.

Таким образом, человек здесь в рамках такого рода парадигмы лишается, собственно, возможности свободного своего выбора пути культурного развития, тут господствует, подспудно, всё та же идея *предопределения*, вполне себе *кушитского* (см.) толка.

К слову, Морган тут также упоминает об «аналогичных условиях» жизни людей и обществ, а вот если эти условия будут отнюдь не «аналогичными»? — например, одно сообщество живёт в пустыне, а другое — в болоте, одно на берегу моря, а другое — высоко в горах и т. д.? Тогда ведь, очевидно, и мировоззрение представителей этих сообществ, и системы их ценностей, уже хотя бы по этой причине будут так или иначе разными. Хотя, конечно, они разными могут быть и бывают (замечу дополнительно) и для сообществ, живущих во вполне схожих природно-ландшафтных условиях.

В числе представителей *Однолинейной парадигмы*, в разных её концептуальных вариациях, можно указать на: А. Фергюссона, П. Я. Чаадаева, Ф. Клемма, Л. Моргана, Э. Тейлора, Г. Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса, В. С. Соловьёва, К. Ясперса etc.

В настоящее время, с одной стороны, данная *парадигма (Однолинейная)* предстала уже довольно устаревшей и малоадекватной культурно-исторической действительности, но, с другой стороны, ввиду наличествующих процессов *глобализации*, распространения власти современной Западной (*Фаустовской*) (см.) цивилизации на весь Земшар и так или иначе сильнейшего влияния этой цивилизации на все прочие страны и народы с их культурами, данная парадигма,

¹⁷ См.: Морган Л. Г. Древнее общество. Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. — М.: Едиториал УРСС, 2016. — 360 с.

с определёнными оговорками и поправками, вполне ещё способна объяснять происходящие ныне культурно-исторические глобальные процессы, например, здесь оказываются относительно рабочими и верными определённые тезисы Маркса о капиталистической формации.

Впрочем, по тому же Марксу, вслед за капиталистического толка формацией должна наступить коммунистическая, уже бесклассовая, идея которой зиждется здесь у Маркса на хилястического толка «избранном народе» пролетариате как могильщике капитализма, якобы не заражённом собственническим «инстинктом», свободном от него, однако, судя по всему, в настоящее время на смену капитализму приходит уже совершенно иного толка формация — «цифрового» паноптикума (см.) — с сохранением власти правящего класса, причём уже становящегося тут своего рода классом-кастой сверхчеловеков, преобразованных и усиленных в своих возможностях новейшими технологиями, в то время как основная масса населения здесь расчеловечивается, обращается, буквально, в недочеловеков, в «служебных людей», причём посредством всё тех же новейших технологий, бюющих по ним другим своим «концом». Власть правящего класса-касты становится тут тотальной, основанной на информации, информационных и прочих НБИК-технологиях, считай, абсолютной, более крепкой, нежели даже при рабовладельческой формации, когда рабовладелец владел только телом раба, здесь же новоявленные рабовладельцы претендуют не только на тотальное господство над телами своих рабов, но и на *господство над их душами*: теперь раб даже не сможет помыслить о свободе, о бунте и т. п., вообще *не сможет помыслить о чём-либо самостоятельно*, подавленный в своих высших человеческих способностях.

Подобному «концу истории», являющемуся довольно логичным исходом в плане реализации целевых установок и стереотипов Западной (Фаустовской) цивилизации (*культурно-исторической системы*) (см.), спроецировавшейся сегодня ныне на весь Земшар, я предлагаю свою альтернативу *Справедливого мироустройства* (см.), основанную на совершенно иных ценностных первоначалах и образцах.

См. также: *Разноликая парадигма*.

Одномерный человек — в концепции Г. Маркузе — человек современного ему (вторая половина XX века; книга Маркузе «Одномерный человек» вышла в 1964 году) капиталистического общества, характеризующийся крайней поверхностностью и узостью своего

мировосприятия, тотальным отчуждением от своей сущности, элементарной внушаемостью со стороны средств массовой рекламы, агитации и дезинформации, потреблятельством и вообще безличностью.

Одномерный человек — типичное явление *массового общества* (см.), *общества потребления* (см.).

Олигархический принцип — типичное стремление *элиты* (см.) «иметь (в стране) всё, ни за что, при этом, не отвечая», «иметь все права и никаких обязанностей».

В России (исторически) носители Олигархического принципа («элита», бояре, шляхта, дворяне, чиновники-бюрократы, «номенклатура», олигархи etc.) своеобразно стремились, ради своих богатств, прибылей, привилегий и пр., полностью подавить народ, простонародье, общество, с одной стороны, а с другой — не нести никакой ответственности за свою «управленческую» деятельность ни перед Верховной властью (Великим князем, царём, императором, генеральным секретарём etc.), ни, тем паче, перед народом (обществом).

Актуализация и торжество Олигархического принципа логично и естественно приводит в России к внутренним потрясениям, смуте, революциям и т. п.

Дополнительным фактором в России актуализации и торжества в ней *Олигархического принципа* является то, что можно назвать *ресурсным проклятием*, т. е. наличие в той или иной стране (здесь в России) того или иного природного ресурса, который обеспечивает связанным с ним кластерам элиты сверхприбыли и тем самым делает вроде как неактуальным какое-либо реальное хозяйственно-экономическое, социально-гуманитарное и научно-техническое развитие страны, с одной стороны, а с другой — делает, в принципе, *ненужными*, для данной элиты, массы простонародья, потому как свои сверхприбыли данная элита (правящий класс) извлекает не столько из эксплуатации населения, простонародья, сколько из добычи тех или иных природных ресурсов (в России — это пушнина (в прежние времена), а ныне нефть, газ и т. п.).

Подобное положение дел так или иначе обуславливало, дополнительно, *презрительное и уничижительное* отношении местных элит к «своему» вроде как народу, простонародью, тем самым, актуализируя здесь торжество *Олигархического принципа*.

В России типичный *Олигархический принцип* в силу исторических обстоятельств идёт рука об руку, в тесном симбиозе, с *Западнической тенденцией* (см.).

Типичный «российский» представитель-носитель Олигархического принципа и Западнической тенденции уже в течение нескольких веков стремится извлечь как можно больше прибыли здесь: из народа, из природных ресурсов в России, однако тратить таким образом награбленное богатство он, напротив, обыкновенно склонен «на Западе», куда зачастую и стремится переехать, поелику там «хлебно» и «вольно», там «цивилизация» и «демократия».

Соответственно, типично и обыкновенно такого рода представитель-носитель *Олигархического принципа и Западнической тенденции*, с одной стороны, стремится учинить нечто подобное и в России, внедрить сюда «западные» порядки, а с другой — ругает Россию, её народ и её «порядки», вроде как якобы не позволяющие ему жить, «имея здесь всё, ни за что не отвечая», «имея все права, но никаких обязанностей».

При этом, разумеется, типичный представитель «элитного» Олигархического принципа в России несколько не понимает, во-первых, того, *как* действительно оно там и *за счёт чего* устроено «на Западе», в чём Тайна «Запада» и его «Кашеева игла», а во-вторых, категорически не понимает, что если все вот эти «фасады» «западной цивилизации», подобно некоему *карго-культу*, перенести в Россию, то тут всё просто-напросто рухнет очень скоро или даже почти сразу.

«Элита» «позднего» СССР, откровенно деградирующая тогда в русле *Олигархического принципа и Западнической тенденции*, осуществляла своё предательство Советского Проекта именно в мейнстриме данных Принципа и Тенденции, а именно стремясь: 1) сбросить с себя бремя социальных обязательств и ответственности; 2) заполучить в собственность ту общенародную собственность (предприятия и пр.), которыми вроде как управляла; 3) иметь возможность передавать свою собственность и власть по наследству (как элита «на Западе»); и 4) слиться «в экстазе» с «западной» («глобальной») элитой.

В результате этого предательства «советской», ставшей «российской», «элитой» советского народа, ей удалось осуществить первые 3 пункта, однако 4-й, по крайней мере, для подавляющего большинства её представителей так и остался неудовлетворённым, не был достигнут (и по сию пору).

Не пустили её глобальные элиты к себе «за стол». Оставили «в прихожей».

См. также: *Псевдоморфоз*.

Основное противоречие современного человека заключается в том, что современный человек *физически, телесно* ещё живёт в *реальном природном* мире, в то время как *ментально*, «головой» он целиком и полностью уже погружён в мир *виртуальный*, и определяется в своих действиях, поступках и мнениях прежде всего на основании того, что ему внушается в этом виртуальном мире (мире *симулякров*) (см.).

И потому здесь оказывается неизбежной довольно противоречивая ситуация, когда человек совершает поступки и имеет «своё» (обыкновенно внушённое) мнение вопреки реальности, во вред себе, вплоть до совершения самоубийственных действий, полагая при этом со всей уверенностью, что делает что-то себе во благо.

Ярким примером очевидности такого рода противоречия случилась *психоинформационная «пандемия»* (с 2020 года) *Круглого Миазма*. Когда люди массово двинулись, террористическим образом запуганные из виртуальной реальности, на *самоутилизацию*.

Надо заметить, что подобного толка онтологически «*расщеплённое*» состояние представляет собой, по сути своей, *психическое расстройство*, когда человек некие свои фантазии («навязчивые идеи») воспринимает как реальность, с тем лишь отличием, что данные фантазии (симулякры) внушаются ему в непрерывном режиме извне, причём зачастую чуть ли не каждый день разные, до противоположности, *перепрошивая* этого человека в соответствии с тем, что нужно манипуляторам массовым сознанием в данный момент.

Подобного рода *психические расстройства* иногда становятся чрезвычайно заметны и даже весьма опасны для общества в целом; например, навязчивый бред «*украинства*», вышеупомянутый навязчивый бред «*пандемии Круглого Миазма*», и т. д., и т. п.

Отчуждение — многозначное понятие, которое может использоваться, по меньшей мере, в двух, впрочем, довольно близких, пересекающихся значениях.

Отчуждение — ощущение окружающей действительности как чуждой, чужой.

Отчуждение — обращение того, что создаётся человеком в то, что его подавляет, превращает самого в объект.

Маркс, в частности, в этом смысле, различал следующие виды отчуждения, типично свойственные буржуазному обществу:

1) отчуждение труда и как а) процесса труда, и как б) результатов труда — человек-рабочий в капиталистической системе не является хозяином того, что производит, а, по существу, производит он то, что

только усиливает власть капиталиста, обладающего этими продуктами его труда, над ним; т. е., чем лучше работает рабочий, тем он только всё более крепкие цепи куёт для себя; такого рода работа (труд) является для рабочего принудительной, исполняя которую он как человек, как личность, не развивается, а напротив, деградирует, подавляется; труд становится для него своего рода проклятием, а отнюдь не радостью, связанной с творческим самосовершенствованием (как оно должно быть);

2) отчуждение от общества, от других людей — ибо каждый человек-индивид в капиталистическом обществе является так или иначе конкурентом другого человека-индивида, никоим образом с ним не связанный действительно человеческими нравственными связями; всякий другой человек, в такого рода системе предстаёт, как априори, уже как чужой, чуждый, враг; и, соответственно, государственная власть (буржуазная) в таком обществе целенаправленно подавляет человека, прежде всего, в его высших человеческих характеристиках, промывая ему мозги, внушая необходимые себе (правящему классу), категорически ложные, стереотипы и установки;

3) отчуждение от творческой своей сущности — человек, который призван реализовывать свой творческий потенциал в труде, здесь, в такого рода системе, напротив, подавлен этим трудом, обращён в безликую «рабочую силу», которую он тут продаёт и через которую вроде как представляется, и если какая-то отдушина здесь и остаётся для человека в плане его творческой актуализации, то только в свободное время, на которое, впрочем, у него обычно уже нет ни времени, ни сил-энергий.

Маркс: «...В результате получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций — при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще расположась у себя в жилище, украшая себя и т. д., — а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным. То, что присуще животному, становится уделом человека, а человеческое превращается в то, что присуще животному...

...Собственная физическая и духовная энергия рабочего, его личная жизнь (ибо что такое жизнь, если она не есть деятельность) — как повёрнутая против него самого, от него не зависящая, ему не принадлежащая деятельность... Это есть *самоотчуждение*...»¹⁸.

¹⁸ См.: *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года. — М.: Академический проект, 2010. — 784 с.

Соответственно, в такого типа «инфернальном» обществе (см. *Инферно*) человек, неизбежно, деградирует как человек, как личность, обезличивается и обращается в своего рода «функциональный» придаток социально-экономической Мегамашины. Всё, что вроде как ни делает человек в такого рода общественной системе, только усиливает власть Мегамашины (Левиафана, или, в ином ракурсе, Капитала) над ним.

См. также: *стрела Аримана*.

Паноптикум (Паноптикон; от греч. *πανοπτης* — «всевидящий») — понятие, введённое И. Бентамом (в тексте «Паноптикон; или инспекционное учреждение...», 1787 год), означающее модель идеальной тюрьмы, представляющей собой округлое здание, где по окружности расположены камеры с заключёнными, за решётками и прозрачные, отлично видимые для одного надзирателя, находящегося в центре, который (надзиратель) может, значит, видеть всех заключённых в любой момент; при этом важно, что заключённый в каждый конкретный момент точно не знает, смотрит ли на него надзиратель сейчас или нет, и потому вынужден так или иначе контролировать себя, поскольку: «а вдруг смотрит».

Подобного толка «идеальная тюрьма», по Бентаму, может использоваться в качестве модели-формы и применительно к больнице, к психушке, к фабрике, работному дому и т. д., и даже *к обществу* в целом.

Весьма вероятно, что в своё время Александр I, будучи под сильным английским влиянием, именно эту идею Бентама позаимствовал в качестве прообраза т. н. «военных поселений» (с 1810 года).

М. Фуко «паноптическую» модель власти («*надзирать*») довольно справедливо полагал сутью современного типа власти при капитализме (в её различии с феодальной, условно, моделью «наказывать» — в его терминах).

Однако именно в настоящее время уровень развития техники и информационных технологий вывел «надзирателей» (условно, «правлящий класс») на тот уровень, когда они получают возможность действительно и буквально надзирать за всеми и каждым в режиме реального времени, тем самым обеспечивая свою тотальную власть.

Собственно, «паноптическая» модель власти при капитализме так или иначе реализовывалась лишь частично, полная же её реализация учиняется в надвигающейся ныне новой формации «*цифро-*

вого» *паноптикума* (см.) под «всевидящим оком» «искусственного интеллекта».

См.: *предел Аримана*.

Парадокс Константина Леонтьева состоит в том, что в современной культуре, в современном обществе происходит процесс, с одной стороны, вроде как массового образования, но с другой — налицо явное оглупление человечества в своей массе.

К. Н. Леонтьев выразил в своё время данный тезис следующим образом («Варшавский дневник», 1880 год): «...они (современные люди) не стали ни лучше, ни умнее, ни счастливее... они стали мельче, ничтожнее, бездарнее; учёнее в массе, это правда, но зато и глупее...»¹⁹.

Подобного толка мысли высказывали впоследствии различные авторы, в частности, Х. Ортега-и-Гассет, говоря о современном ему массовом «тяжёлом случае» «учёного невежды», сиречь об узком специалисте как новом массовом явлении, много вроде как знающем в некоей своей области, но совершенно невежественном как человек в целом.

Подобный парадокс имеет место, по-видимому, потому, что современный человек, вроде как получая некоторое образование, причём обыкновенно в некоей своей довольно узкой специальной области, воспринимает полученное знание *бездумно*, по существу, обращаясь в своего рода мусорное ведро разной *информации*, а отнюдь *не извлекает личный экзистенциальный опыт из действительности*, заслоняя от себя этот свой реальный опыт, из коего он мог бы извлечь должный смысл и, соответственно, поумнеть, стать мудрее, той информационной мишурой, которую в него впихнули в процессе его образования и дополнительно впихивают через *СМРАД* (см.).

А в прежние времена никаких таких *СМРАД* не было, и человек вынуждался жить, исходя, по преимуществу, *из собственного жизненного опыта и здравого смысла*.

Иными словами, современный человек оказывается *сугубым объектом* для тех информационных потоков, которые овладевают им, обращая его, действительно, в весьма глупое существо, хотя, наверное, вроде как с «высшим образованием» и даже «учёными степенями», поелику смысл из этого всего им не извлекается, и его, такого человека, реальная способность думать (мыслить) оказывается похоронена под *мишурой бессмысленной информации*.

¹⁹ *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и славянство. — Т. 2. — М., 2012. — 426 с.

В то же время, казалось бы, данный *парадокс* вроде бы идёт вразрез с т. н. *эффектом Флинна*, названным так по имени новозеландского психолога Д. Флинна, вроде как обнаружившего в 1984 году, что с 1934 года средний уровень IQ («интеллектуального коэффициента») в развитых странах повышался ~ на 3 пункта за каждые 10 лет.

Однако заметим, что данный «интеллектуальный коэффициент» вовсе не является показателем ума человека и соотносится, собственно, с тем, что называется реальным умом весьма отдалённо, и, простите, вполне себе дурак может иметь довольно высокий «интеллектуальный коэффициент», ну а само это увеличение связано, по-видимому, со ставшим всеобщим образованием, с всё более распространённым высшим образованием и т. п.; это, во-первых; а во-вторых, даже этот показатель — «интеллектуальный коэффициент» — тоже уже заполучил свою обратную тенденцию с 1990-х гг.: начал своё неуклонное снижение.

Передаточные инстанции — вроде как «правительства», «государственный аппарат» современных вроде как «суверенных государств», по существу, находящийся под властью глобальных элит и осуществляющий глобальное целеполагание этих элит применительно к тому или иному местному населению (имеющему пока ещё некоторые свои культурно-исторические особенности), *адаптируя* управленческие команды глобальных элит для своих подвластных подданных (дабы не случилось на данной территории внепланового социального взрыва, и тем самым не сломались глобальные проекты-планы глобальных элит).

Иначе говоря, *передаточные инстанции* — это местные компрадорские *элиты* (см.), местный чиновничий аппарат, осуществляющие свой *криптоколониальный* (см. *криптоколония*) режим «управления» на конкретной территории; с соответствующими изменениями — *колониальная администрация*.

В настоящее время указанные *передаточные инстанции* в той или иной степени интенсивности (в соответствии с местными особенностями населения) проводят и внедряют целенаправленно такие глобальные программы глобальных элит, как: программы ВОЗ (по «перфорации» гмо-зельем и т. п.), внедрение ЦВЦБ («цифровых валют центральных банков»), «реформы» образования («цифровые» платформы и т. п.), экономический режим в русле «вашингтонского консенсуса», «ювенальная юстиция», ЛГБТ-идеология, внедрение «цифровых» и биометрических идентификаторов, и т. д., и т. п.

Отдельные программы из вышеперечисленных, в соответствии с местными особенностями, могут открыто не проводиться или проводиться в смягчённом варианте, однако общая целевая стратегия (сокращение населения и установление «цифрового» над ним тотального контроля) тут так или иначе осуществляется неукоснительно.

Политика — деятельность по обретению и удержанию *видимой* государственной власти (см.: *государство*).

Или — сфера деятельности по обретению и удержанию видимой государственной власти.

Политика возникла, в строгом смысле слова, в Западной Европе в Новое время в эпоху *капитализма* (см.).

Политика, в строгом смысле слова, есть порождение капитализма и, соответственно, отомрёт, по крайней мере, в своём «классическом» виде, со смертью капитализма.

Капиталистическая система характеризуется тем, что в ней имеет место изначально определённая проблема с *легитимностью* правящего класса буржуазной олигархии (плутократии), которая (олигархия) для обеспечения легитимности своей власти создаёт своего рода «*внешний круг*» своей власти, условно, «*политический контур*», в пространстве («политическом пространстве») которого разворачивается своего рода игра «борьбы за власть», легитимирующая в своём результате власть данной олигархии (плутократии), тех или иных её кланов.

Эта игра иногда приобретала даже некоторую реальность, относящуюся к сфере реальной власти, однако лишь в относительно небольшой степени.

По существу, реальная власть в капиталистической системе находится, условно, по преимуществу, на своём «*внутреннем контуре-круге*», за *кулисами* политической сферы.

В то же время политическая сфера тоже имеет здесь, как я уже сказал, иногда определённую значимость, в плане возможностей тех или иных олигархических кланов иметь и приобретать большие возможности в плане присвоения себе «общественного богатства» и реализации иных своих целей.

Соответственно, со сворачиванием капитализма и намечающимся сегодня переходом в «*цифровой*» *паноптикум* (см.) собственно *политика* (политическая сфера) отмирает, она, впрочем, уже сегодня обратилась окончательно в балаган и *постмодернистскую буффонаду*, уже не имеющую никакого отношения к реальной власти, а представ-

ляющую собой лишь некий разыгрываемый фарс, шоу, *симулякр* (см.) на её, реальной глобальной власти, поверхности.

Обыкновенно под *политикой* (политической сферой) понимается сфера государственной власти, однако это, разумеется, далеко не верно, поскольку реальная государственная власть всё же, по преимуществу, находится вне, собственно, политической сферы, за её кулисами, концентрируется в высших бюрократических чиновничьих аппаратах, в олигархических кланах; а *политика*, в сущности, представляет собой в значительной мере лишь некий *спектакль* (см. *общество спектакля*), разыгрываемый находящимися за кулисами кукловодами по определённом сценарию и правилам, символически сопровождающий происходящие глубинные процессы государственной власти.

Постмодерн (постмодернизм) — сложившееся в настоящее время (со второй половины XX века) состояние (эпоха) Западной (Фаустовской) *культурно-исторической системы (цивилизации)* (см.), пришедшее на смену вослед *эпохе Модерна* (состоянию Модерна, Нового времени, с XVII века), и в силу распространения господства глобальных элит и, соответственно, Западной цивилизации на весь Земшар, *в той или иной мере* распространившееся в настоящее время на всё человечество.

Существует вопрос относительно того, является ли данное состояние (эпоха) *Постмодерна*: а) логическим продолжением тенденций Модерна, или б) Постмодерн есть нечто радикально иное, имеющее свои основания отнюдь не в Модерне, в его первоначалах и основаниях, а в чём-то ином?

В первом случае (а) Постмодерн иногда именуют *Ультрамодерном* или *Сверхмодерном*, т. е. Модерном, просто развившим таким образом свои основополагающие установки, образцы и первоначала до некоего, скажем так, «совершенства» и, собственно, до *абсурда*.

Можно предположить, что в *Постмодерне*, действительно, определённым образом сказались некоторые ключевые тенденции Модерна и вообще мировоззренческие образцы и первоначала Западной (Фаустовской) культурно-исторической системы, просто доведённые, здесь, разорвав свою *меру*, действительно, до *абсурда*, до, в некотором смысле, логического своего завершения с соответствующим «*раблезианским*» («бахтинским») переверачиванием: например, западный индивидуализм, с утверждаемыми им индивидуальными правами и внешними свободами, уже развернулся откровенно против общества

и, значит, против человека как общественного существа. Что выразилось, вывернулось, в частности, в таком явно постмодернистском концепте, как *толерантность* (см.), и, соответственно, в таких деструктивных феноменах и тенденциях, как господство ЛГБТ-персонажей, ювенальных технологиях и т. п.

Вышеуказанные системные тенденции в своей совокупности представляют собой *системные (объективные) причины и факторы* утверждения состояния *Постмодерна* (как имеющего свои основания в Модерне).

В то же время надо указать и на то, что *Постмодерн* имеет в качестве своих *причин и факторов* вполне *субъективные (и субъективные) причины и факторы*, прежде всего, связанные с целеполаганием *глобальных элит* на переустройство человечества, на утверждение ими своей глобальной власти: что, прежде всего, выражается в явно целенаправленном и принципиальном здесь разрушении высших ценностей, традиционных ценностей, тем самым опять же разрушая общества, так или иначе хоть как-то ещё противостоящие тотальной власти глобальных элит, обращая эти общества в *социальное желе масс* (см. *массы*), без каких-либо кристаллических в них решёток ценностных матриц; соответственно, разрушая и человека.

Вообще же *основополагающими характеристиками Постмодерна* являются:

а) *господство виртуальной реальности (симулякров третьего порядка* в терминах Ж. Бодрийяра); своего рода вехой здесь могут являться, во-первых, виртуальный американский «полёт на Луну» (1969 год), во-вторых, первая «цветная революция» 1968 года во Франции («цветные революции» — типичный продукт Постмодерна), а в-третьих, переход доллара как мировой валюты с «золотой» своей привязки во вполне виртуальное своё качество («Ямайская система», 1976 год); торжествуют, в терминах Р. Барта, «вторичные семиотические системы» (см. *миф, псевдомиф*).

б) переход от того, что называется индустриальным типом общественно-экономической системы (соответствующей эпохе Модерна) к типу *постиндустриальному, информационному*, с превалированием в нём сферы разнообразных услуг над сферой, собственно, материального производства и, главное, возрастающего *господства* в нём *информационных технологий* (см. п. «а»), господства «меньшинств» над «большинством»;

в) отказ от *метанарративов* (в терминах раскрывшего этот пункт Ж.-Ф. Лиотара в тексте «Состояние постмодерна», 1979 год; от лат. *narratio* — рассказ), т. е. неких повествований (дискурсов, *идеологий*) (см.), которые претендовали бы на господство над множеством иных нарративов, дискурсов, мнений; своего рода, с соответствующими изменениями, здесь таким образом утверждается господство *безудержного «плюрализма мнений»*;

г) все своеобразные *высшие ценности*, так или иначе имевшие место в тех или иных культурах, культурно-исторических системах, должны *отмереть, стереться*; соответственно, очевидно, таким же образом подвергается тотальному стиранию вообще и в принципе сфера *идеального*; аналогично, значит, в частности, лишается всякого смысла и концептуально отмирает *Истина (Правда)* как высшая ценность Модерна; понятия «добра» и «зла» размываются, культурная «вертикаль» схлопывается до сугубой поверхности (см. *толерантность*);

д) происходит неизбежная здесь «*смерть Бога*» (которую пророчески провозгласил ещё Ф. Ницше в своей «Весёлой науке», 1882 год), «*смерть человека*» (предвосхищаемая М. Фуко в его книге «Слова и вещи», 1966 год), «*смерть автора*» (провозглашённая Р. Бартом в одноимённой работе, 1967 год) и т. д., и т. п.;

е) всякая *личность* (как индивидуальное лицо самости), в принципе, здесь лишается смысла, «умирает», и всё, человек, его «личность», размывается, исчезает в потоках дискурсов, желаний, нарративов, в информационных потоках и пр.; вся «культура» тут предстаёт как бесконечный цикл *цитаций, «кавычек»*, а сам «человек», его «личность» определяется как своего рода *ризома* (в терминах Ж. Делёза) вышеуказанных потоков, их переплетений; соответственно, вся культура как своего рода текст (гипертекст) подвергается своей *деконструкции* (в терминах Ж. Дерриды), т. е. произвольной, бесконечно множественной переинтерпретации и пересобираению, подобно кусочкам стекла в калейдоскопе;

ж) технологии *манипуляции массовым сознанием* (см.), вполне тут естественно и логично, «благополучно» *замещают собой культуру* (как систему высших ценностей, святынь и жизнесмыслов), с впечатываемыми, в непрестанном режиме, в обывательские массы, *стереотипами и установками* массового сознания, его *общественного мнения* (см.); тотально торжествует *массовая культура* (см.); «сознание» становится типично *клиповым* (см.).

з) всё превращается здесь в «игру», однако и сам концепт «игры» тут теряет свою исконную сакральную значимость и предстаёт лишь как некая, в корне, бессмысленная деятельность, *симуляция*, основной функцией которой предстаёт сокрытие от себя человеком реальности; etc.

По существу, с учётом вышеуказанного субъектно-субъективного фактора, деятельности глобальных элит с их особыми ценностными основаниями и целевыми установками по переформатированию человечества, *Постмодерн* представляет собой продукт разложения Модерна.

Данный процесс довольно точно можно обозначить, в терминах К. Н. Леонтьева, как *вторичное смешение (вторичное упрощение)* (см. *триединный культурный процесс*).

В принципе, всякая культурно-историческая система (цивилизация) заканчивала, опять же используя терминологию К. Н. Леонтьева, своим вторичным упрощением-смешением, однако особенность нынешней культурно-исторической системы, впавшей ныне в подобного толка смешение-упрощение, сиречь, в эпоху Постмодерна, состоит в том, что, во-первых, никогда прежде ни одна культурно-историческая система не становилась, как нынешняя, глобальной (а была всегда так или иначе локальна, и её падение и разрушение кардинальным образом не влияло на мировые культурно-исторические процессы, на отдалённые, находящиеся на иных материках, культурно-исторические системы, и культурно-историческая жизнь человечества так или иначе продолжалась, а что ждёт человечество сегодня, когда рухнет лежащая в основании нынешних процессов глобализации Фаустовская (Западная) цивилизация, переживающая сегодня своё вторичное смешение?); а во-вторых, никогда прежде, нигде, виртуальная реальность не имела такого значения, не обретала, как ныне, благодаря развитию информационных технологий, тотального своего господства над людьми, над обществом, с совершенно непредсказуемыми последствиями (ибо подобное состояние исторически беспрецедентно).

Как бы то ни было, но нынешнее состояние (эпоха) *Постмодерна* есть, по сути своей, лишь своего рода *переходная стадия*.

Вопрос только: *перехода к чему?*

Либо к предуготовляемому нам глобальными элитами «цифровому» человекуну (наноптикуму) (см.), в котором уже, собственно, не будет человека, поелику окажутся стёрты его высшие, собственно,

человеческие характеристики (совесть, самосознание, свобода воли), и, соответственно, не будет и культуры, а останутся их, культуры и человека, разве что только *симулякры*; либо человечеству или хотя бы некоторой его части удастся избежать подобной предуготовляемой ему участи и выйти на новый своеобразный виток культурного развития и человеческого творчества.

Но это будет, разумеется, уже некая новая, не «Западная» («Фаустовская») культура, культурно-историческая система (см., например, *Справедливое мироустройство*, *Миро-космическая культурно-историческая система*) со своей особой своеобразной системой высших ценностей и жизнесмыслов.

Право — установленная возможность определённого воплощения воли.

Иными словами, *право* — норма определённого волеобеспечения.

Те или иные права человек получает от общества (общества) в соответствии с теми или иными *обязанностями* по отношению к этому обществу (государству).

Здесь нельзя не сказать несколько слов об *оксимороне* т. н. *естественных прав*.

Важно понимать, что всякое *право* — производное социокультурного бытия человека, и, в принципе, имеет *культурное, социальное происхождение*, а никак не «естественное», «природное».

Данный оксиморон («естественные права») есть продукт такого довольно типичного приёма, свойственного технологиям манипуляции массовым сознанием, как *«обращение истории в природу»*.

Право как социокультурное производное есть результат проявления *свободы* человека, его свободного выбора, имеет культурно-исторические корни, а не есть нечто якобы «природное» («естественное»).

К такого рода «естественным правам» относят обыкновенно право человека на жизнь, на собственность; хотя, в принципе, сюда чего только не относят.

В то же время, разумеется, подобного рода права — на жизнь, на личную неприкосновенность, личную тайну и т. п. — должны быть обеспечены в *уважающем себя* обществе (государстве), должны быть *незыблемы*.

А то, что они, эти права, не являются «естественными» («природными») — никоим образом не должно умалять их достоинство, влиять на их обязательное обеспечение.

Более того, поскольку *право* — социокультурное производное, производное проявления свободной воли человека, оно и должно потому более высоко цениться, уважаться как достижение человеческого творческого свободного духа, проявление высшей человеческой сущности.

И такого рода права, разумеется, правильнее называть не «естественными», а, например, *незыблемыми* или *первичными*.

В то же время, однако, спектр обеспечиваемых прав должен иметь свою *меру*, ибо нужно хорошо понимать, что право, само по себе, имеет, в определённом смысле, *противоположный вектор нравственности*: право позволяет и обеспечивает некое определённое возможное проявление воли человека, а нравственность, напротив, налагает своеобразно своё ограничение (прежде всего, *самоограничение*) на то или иное воление человека.

Также нужно хорошо понимать, что *оборотной стороной* всякого права являются те или иные *обязанности* человека перед обществом, которое, по существу, и обеспечивает соблюдение данного права, данных прав.

И вот если размножать «права человека» до абсурда, как то делает, например, современный *неолиберализм* (см.), раздувая *симулякры* (см.) различных нелепых несуществующих «прав человека» вплоть до «прав детей», «прав животных», «прав трансгендеров» и вообще трансгуманистических «прав» «биоинформационных конвергентов», так или иначе, во всей своей совокупности, нацеленных на разрушение человека и общества, то мы, действительно, разрушим человека как нравственного субъекта, нравственную личность, разрушим, таким образом, общество.

Правовая (юридическая) система — система «писаных внешних законов», принятых в том или ином *государстве* (см.).

Правовая (юридическая) система имеет, судя по всему, *два первоначала* своего возникновения.

Первое — это то, что можно назвать *волей к порядку* некоего общества, сообщества.

То есть *общество* в целях упорядочения жизни, разрешения возникающих конфликтов и т. п. создаёт некую систему внешних (или «писаных») законов, поскольку люди далеко не все и не всегда оказываются нравственно совершенными, и законы внутренние, нравственные, далеко не всегда работают. То есть здесь создаётся своего рода *заплата* на ткани нравственной жизни общества: система внешних законов.

Второе первоначало заключается в том, что некий, условно, *правлящий класс (элита)* создаёт некую свою систему законов в целях укрепления своей *власти* и *подавления подвластного* населения, обеспечения себе дополнительных («легитимных») возможностей *подавления* и *эксплуатации* этого подвластного себе населения.

Это, Второе, первоначало довольно верно раскрывается, в частности, Марксом (см.: «Манифест коммунистической партии», 1848 год) в его определении системы современного ему буржуазного права: *право (буржуазное) — это воля господствующего класса, возведённая в закон.*

По-видимому, обе этих вышеуказанные первопричины возникновения «писанных законов» (воли к порядку общества и стремления к власти правящего сообщества), юридической (правовой) системы, в той или иной мере сыграли свою роль в создании и формировании такого толка системы («юридической»).

Однако к настоящему времени, как бы то ни было, Второе первоначало взяло явный верх над Первым, и все так или иначе правовые (юридические) системы существуют сегодня прежде всего в регистре *интересов правящего класса (элиты)*.

Можно сказать, что *Первый* источник права актуален в тех сообществах, где государство как *единая система общества и органов управления обществом* представляет собой, действительно, ещё такое единое целое, и общество не является здесь ещё сугубым объектом *подавления* и *угнетения* для «государства» (как неких «органов управления», реализующих волю господствующего класса).

Второй источник реализуется тогда, когда мы имеем систему *разделённых «государства»* (как «органов управления») и «общества» (как сугубого объекта управления), при котором такое «государство» *подавляет, угнетает и эксплуатирует «общество».*

Однако, в любом случае, правовая (юридическая) система представляет собой лишь некую своего рода *заплатку* на рвущейся этической (морально-нравственной) ткани общества, дополняющий и восполняющий её суррогат.

И чем эта, этическая, ткань более разорвана, тем, соответственно, становятся более необходимы всё новые и новые внешние (юридические) законы.

Но при этом важно заметить, что *юридическая система*, возникнув и утвердившись, имеет тенденцию целенаправленно и методично *подавлять, рвать и разлагать этическую (нравственную) ткань*

общества, как оно имеет, например, место с современным мире, тем самым откровенно провоцируя воспроизводство всё новых и новых, вроде как требующихся для «упорядочения общественной жизни» законов.

Это, разумеется, путь в никуда.

Такого рода «идеальное» (если здесь можно употребить это слово) «*правовое государство*», в принципе, не оставляет уже места совести, свободному нравственному выбору человека, обращает человека в безличный *автомат закона*; а совесть здесь становится «*лишней сущностью*», которую, как нечто заведомо *крамольное*, незаконное, надлежит «срезать».

Человек как свободное нравственное существо тут подавляется и стирается, последним нравственным актом совести, свободной воли (выбора) человека тут будет неизбежный бунт против такого рода Закона, ставшим тотальным, против ставшей тотальной такого рода формальной законнической Системы, впрочем, бунт заведомо здесь обречённый.

В русле современного «*либерального*» (см.) идеологического дискурса ныне частенько звучит тезис о том, что, дескать, разрешено всё, что не запрещено законом; однако надо заметить, что такого рода тезис есть тезис, в корне, безнравственного, бессовестного человека, который не способен уже на некий свободный выбор, на акт свободной своей воли, т. е. на поступок, имеющий основания в самом себе, в самом субъекте, а отнюдь не в неких внешних, предопределяющих его законах, которые, замечу, обыкновенно написаны в интересах правящего класса, зачастую, по сути своей, вредные для общества и абсурдные.

Поэтому необходимо утверждать должную незыблемую *первичность законов внутренних нравственных (этических) над законами внешними юридическими* (правовыми), утверждать *приоритет этики* (нравственных оснований и принципов) *над юридической правовой сферой*.

Ибо очевидно, что если этическая, морально-нравственная ткань общества окажется порванной окончательно, то всё общество, а с ним и государство со всеми его формальными внешними законами банально рухнет в разверзшуюся пропасть-дыру.

Справедливость как нравственное начало должна быть выше формального Закона. В принципе и по определению.

В противном случае Закон не просто лишается своего основного смысла (*здравого смысла*), но и становится разрушительным

по отношению к обществу, к его морально-нравственной ткани, разрушительным по отношению к культуре (как системе высших ценностей и жизнесмыслов).

Закон, лишённый всяких нравственных своих оснований (в лице тех же безнравственных «судей», например), окончательно обращается, таким образом, в «дышло», да он, в принципе, сегодня уже обратился в инструмент подавления общества и человека и, как мы уже сказали, лишается остатков своего общественно-полезного смысла.

В этой связи можно вспомнить, в качестве типичного мировоззренческого штампа «западного» индивида, известную фразу (приписываемому различным властью имущим XVI века) о том, что «да свершится закон (правосудие), пусть даже мир рухнет (погибнет)»²⁰.

Очевидно, что в данном тезисе выражен «символ веры» особого *идолопоклоннического культа* — культа Закона, оторвавшегося от своих нравственных оснований и глубоко позабывшего своё истинное предназначение: способствовать благу общества, и теперь вот, таким образом, развернувшегося против этого общества, став над обществом, обратившись из средства (упорядочения жизни) *в самоцель, разрушающую общество*.

И тут содержится специфическая проблема, а с ней и беда современного общества, заключающаяся в том, что в мировоззренческой матрице «западного» человека, в силу своих исторических особенностей, судя по всему, унаследовался *древнеримский*, с одной стороны, *и ветхозаветный* — с другой, *культ Закона*, по существу,

²⁰ Эту фразу частенько переводят как «да свершится справедливость, и пусть мир рухнет». Такого рода перевод, надо сказать, категорически неверен, он всё тут переворачивает вверх тормашками. Латинское *iustitia*, используемое здесь, никак нельзя переводить как «справедливость» — понятие, принадлежащее этическому, нравственному порядку, — здесь говорится именно о «юстиции», т. е. о том, что относится к порядку внешних, юридических, законов. А справедливость и «юстиция» — это вещи совершенно различные, вплоть, зачастую, до противоположности. Разумеется, в идеале справедливость и правосудие (внешний закон, юстиция) должны быть едины; но у нас, в той системе, которая есть, где законы написаны в интересах правящего класса, «государства», оторванного от общества, где формальное право стоит над этикой, там справедливость не имеет никакого значения, а то и вообще является чем-то крамольным.

идолопоклоннический культ, несмотря на то, что такого рода *идолопоклонство* шло и идёт *в вопиющий разрез с христианством*, с его духовно-нравственным преодолением Закона, Идола Закона.

И всё это несмотря на то, что Христа осудили именно по такого рода Закону.

Более того, легко предположить, что Христа и впредь будут подобным образом, вполне по Закону, осуждать и приговаривать.

Причём делая это уж во вроде как «христианских» странах по неким якобы «христианским законам», «законам Христа».

Подобного рода «*законническое*» *идолопоклонство* ещё сыграет свою злую шутку с человечеством, в той или иной мере перенимающим сегодня «западные» порядки и обращаемся в сообщество *западоидов* (см. *глобальный человек*), достигнув своего апогея в предуготовляемом нам «цифровом» паноптикуме, когда «судебные решения» уже безлично, безапелляционно и *безответственно* (!), будет выносить «искусственный интеллект» (дескать, никогда не «ошибающийся»).

В принципе, как мы уже сказали, *нравственные законы* должны быть *приоритетны* по отношению к законам юридическим.

Однако поскольку в настоящее время типично наличествует ущербная форма «государств», при которой «правлящий класс», «органы управления», олицетворяющие собой «государство», категорически оторваны от «общества», безраздельно господствуют над ним, то и *законы юридические*, соответственно, попирают и *подавляют законы этические*.

Также важно заметить, что нынешняя типичная юридическая система внешних законов: а) *непомерно раздута*, б) категорически *самопротиворечива* и, в принципе, в) работает не на реальное, общественно-полезное упорядочение жизни общества, а, напротив, на подавление этого общества, на воспроизводство всё новых и новых *возможностей подавления и эксплуатации* этого общества со стороны отчуждённого от этого общества «государства», господствующих элит.

Сегодняшние юридические законы, действительно, не только противоречат сами себе и друг другу, но и могут быть элементарно истолкованы как угодно, при желании хоть вывернуты в своём толковании наизнанку.

Разумеется, это категорически *патологическая ситуация*.

Тацит был, конечно, прав: «*испорченное* (лат. *corruptissima*) *государство множит законы*».

И действительно, когда ржа и порча (*коррупция* etc.) разъедает *государство* и *общество*, когда *нравственная система разрушена*, тогда, соответственно, *множатся законы*.

Но это их размножение уже несколько не спасает, не упорядочивает ситуацию, а только уже, напротив, усугубляет её порочность, создаёт дополнительный Хаос.

Здесь, можно сказать, срабатывает *третий закон Паркинсона* (применительно к юридической бюрократической системе и её «законам»): «усложнение системы ведёт её к гибели».

В действительности же, *для блага общества* в целом необходимо, чтобы *юридическая (правовая) система* удовлетворяла следующим своим должным *критериям-условиям*: законы должны быть — а) краткими и лаконичными, б) простыми и понятными каждому адекватному более-менее образованному человеку, в) предельно однозначными, г) не противоречащими сами себе и друг другу и д) иметь такой объём в сумме, чтобы их все мог прочесть и понять всякий более-менее образованный человек, причём не затратив на это особо много своего времени и усилий.

В противном же случае, очевидно, что от всех этих законов нет и не может быть никакой реальной пользы обществу в целом; а если и есть кому какая-то польза, то только «профессиональным юристам», бюрократической юридической системе, извлекающей свои прибыли на толковании и перетолковывании этих «законов», да, собственно, «органам управления» (шире — правящему классу, господствующим элитам), получающим таким образом всё новые и новые возможности угнетать и эксплуатировать посредством своих законов и с помощью «своих юристов» подвластное население.

Предел Аримана — ключевая (возможная) веха в истории человечества, на которой власть имущие (глобальные элиты и их пособники) получают в свои руки такие новые технологии и технические нововведения, которые позволяют им тотально овладевать подвластным населением, контролируя и подавляя тотально его, это население, не только уже *извне*, но и *изнутри*.

Предел Аримана — авторский термин, созданный им по аналогии с понятием *стрелы Аримана* И. А. Ефремова (см. *стрела Аримана*). Потому как *предел Аримана* есть, судя по всему, неминуемый результат тех социальных тенденций, которым И. А. Ефремов дал своё название *стрелы Аримана*.

Данный *Предел* получил своё название по имени зороастрийского Духа Зла и Тьмы *Аримана*, или *Ангро Манью* (восходит к санскр. agha — «зло», «злой»; manas — «дух», «ум», «мнение», manu — «перво-человек», «человек»).

В принципе, как только власть имущие заполучают в свои руки такого рода технику и технологии (НБИК-технологии), они при представившейся возможности и okazji ими непременно воспользуются.

И таким образом, уже буквально, наступит «*конец истории*» (столь пафосно провозглашавшийся в своё время Фукуямой и иными подобными «*либералами*» (см.) после краха Советского Союза); власть глобальных элит и иже с ними станет, вроде как с этого рубежа, «вечной» и, можно сказать, абсолютной.

Более того, *закончится*, собственно, *Проект Человек*, поскольку *свобода* человека будет здесь просто *подавлена*, окажется *стёрта сама её возможность*.

Что будет с человечеством после перехода за *предел Аримана* — даже сказать невозможно. Единственно ясно, что это будет уже *не* «человечество», а некая «*постчеловеческая реальность*» (см. *трансгуманизм*).

Предел Аримана, в этом смысле, есть своего рода аналог «*горизонта событий*» (в современной физике), за этим горизонтом-пределом просто уже все нынешние, скажем так, социальные законы и пр. уже лишаются смысла и всяких, ныне ещё существующих, оснований.

Наступление *предела Аримана* так или иначе неизбежно при наличии «*гностического*» (см.) классового (кастового и пр.) разделения общества, разделения его на, условно, «*эли́ту*» и «*массу*» (см.).

Предел Аримана есть, по существу, в терминах И. А. Ефремова, захлопывание над планетой (Землёй) *крышки Инферно* (см.).

В христианском дискурсе предел Аримана — это наступление власти *Зверя* (θηριον; Антихриста). И это будет тоже, можно сказать, *Конец Истории*.

Переступание за *предел Аримана*, ныне довольно-таки уже, судя по всему, близкое, соответствует вхождению человечества в глобальную систему «*цифрового*» *паноптикума-концлагеря* (см.).

Псевдоморфоз (от греч. ψευδης — ложный; μορφη — форма) — в философии культуры О. Шпенглера наложение форм одной культуры, развитой, зрелой и сильной, на растущий организм другой культуры, более молодой и не столь сильной, вследствие чего самобытное самостоятельное развитие второй культуры искажается, отчуждается и подавляется.

Псевдоморфоз, в частности, случился в России — с начала XVIII века — с «петровских реформ»; хотя, судя по всему, тенденция к его установлению уже довольно явственно прослеживалась здесь с XVII века, с воцарения «Романовых».

Тенденция к учинению в России Псевдоморфоза обуславливалась и актуализировалась *Олигархическим принципом* (см.) и *Западнической тенденцией* (см.) в российской элите (см.).

Стремящаяся «иметь в стране всё, ни за что при этом не отвечая» и, соответственно, учинив всё здесь, как «в Европе», т. е. имея полное своё право над простонародьем, как в Европе, с одной стороны, и столь же высокий уровень богатства, как имеет европейская элита, российская элита первым шагом сломала и подавила ценностную матрицу народа, провернув «церковную реформу», а вторым шагом непосредственно подавила и закабалила этот народ, согнула его в бараний рог, введя крепостное иго. Тем самым осуществив, по сути своей, то, что можно назвать *внутренней колонизацией* населения, по аналогии с тем, как западноевропейская элита осуществляла колонизацию всех прочих народов по всему Земшару в данную эпоху (XVI–XIX вв.); себя при этом такого рода «российская» элита представила уже в качестве «белых сахибов», «просвещённых европейцев», а всё прочее население России, простонародье, оставила в прежней туземной культуре в качестве *порабощённых аборигенов*; при этом, важно заметить, насильственно, с использованием европейских инквизиторских методов, подменив прежнюю веру (религию) этого народа государственно-официальным религиозным суррогатом-новоделом («церковная реформа» XVII века).

Таким образом, учинение в России Псевдоморфоза было обеспечено, с одной стороны, тем, что *народ стал уже не столь важен в плане защиты государства от внешних врагов*, потому как с появлением огнестрельного оружия регулярная армия стала значительно превосходить по своей боевой мощи народные дружины и ополчение, народ в целом, не имеющий огнестрельного вооружения, а с другой стороны, народ, как нечто в себе крепкое и мощное, оказался *деморализован, подавлен, ввергнут в крепостное иго*, после того как была *раздавлена и покорёжена* в результате «церковной реформы» *его ценностная духовная матрица*.

Учинение крепостного ига в России было также скопировано из Западной Европы, с тем, впрочем, нюансом, что там, в Европе, эпоха крепостничества уже заканчивалась, а в России, значит, только начиналась.

Установление в России подобного толка *культурного и государственного Псевдоморфоза* привело к тому, что социокультурная система оказалась здесь *рассечена надвое*: на *эли́ту*, вынужденную корчить из себя «европейцев», оторванную от отечественной культурной почвы, с одной стороны, а с другой — на основную «массу» *простого народа*, обращённого в *aborигенов-рабов* и лишённого отныне перспектив развития, подавленного и оставленного прозябать в своей традиционной православной культуре (причём опять же с учётом замены прежней народной православной христианской веры (условно, староверия, старообрядчества) на суррогат нового официального «православия» после «церковной реформы»).

Такого рода раскроенная социокультурная ситуация представляла собой *исторический Ту́пик*, лишённый реальных перспектив собственного развития.

Отчасти этот Ту́пик (*Псевдоморфоз*) был преодолен в ходе Октябрьской революции и дальнейшей реализации Советского Проекта (разумеется, с внутренним преодолением в нём «троцкистской» глобалистской тенденции).

Однако те же *Олигархический принцип и Западническая тенденция*, возобладавшие в «поздней советской» *элите*, привели Советский Союз к поражению в «холодной» психоинформационной войне, прежде всего, вследствие предательства его именно этой элитой, к распаду страны и новому торжеству на этих осколках *Псевдоморфоза*, причём усугублённого здесь ещё тем, что произошёл указанный распад страны, а с ним и полная утрата суверенной государственности и обращение в *криптоколонию* (см.), точнее, в совокупность криптоколоний (территорий бывших «советских республик»).

Понятие *Псевдоморфоз*, на мой взгляд, является наиболее удачным термином для обозначения произошедшего с Россией в результате «петровских реформ» и последующих, в XVIII веке прежде всего, культурных и государственных пертурбаций.

Н. Я. Данилевский использовал своё, аналогичное шпенглеровскому понятию Псевдоморфоза, понятие *европейничанья* (см.).

Публика — здесь *социальная масса* (см.), в той или иной мере образованная (грамотная) и весьма зависимая (ментально) от *средств массовой рекламы, агитации и дезинформации* (см.), элементарно внушаемая и манипулируемая, находящаяся в мейнстриме *общественного мнения* (см.).

К. С. Аксаков противопоставляет *публику* и *народ* (здесь простой народ, *мір*), понимая под *публикой* в той или иной мере образованную (грамотную) часть населения, оторванную от народа и мнящую себя «европейцами» (см. *Псевдоморфоз, европейничанье*).

С одного полюса этой *публики* — «свет» (в терминах того же К. С. Аксакова; «высший свет»), а с другого — *интеллигенция* (см.). Хотя, в принципе, и «высший свет», и *интеллигенция* тоже принадлежат *публике*, являясь её составными частями.

В свою очередь, Г. Тард различает *толпу* (см. *масса*) и *публику*, понимая под последней ту часть общества, «умами» которой владеют *средства массовой рекламы, агитации и дезинформации*, в то время как *толпа* в его трактовке, скорее, стихийна, здесь и теперь, в реальном мире, собранная (*публика* же обретается в медийном, виртуальном мире).

Разноликая парадигма (цивилизационный подход) — *парадигма* (см.) культурно-исторических исследований, которая основывается на том, что культурная история представляет собой чередующуюся совокупность различных *культурно-исторических систем* (см.), каждая из которых зарождается, проживает свой жизненный цикл и умирает, в той или иной мере передавая культурно-историческую эстафету последующим культурно-историческим системам.

Каждая из этих культурно-исторических систем зиждется на своеобразной системе высших ценностей (см.), первообразов и образцов бытия. Эти образцы и первосмыслы бытия довольно уникальны и не могут быть переданы, пересажены в другую культурно-историческую систему.

Данная *парадигма* возникла во второй половине XIX века, и её родоначальником является русский мыслитель Н. Я. Данилевский, создавший свой труд «Россия и Европа» (1868 год), в котором он изложил основоположения этого принципиально нового подхода к культурно-историческим исследованиям.

Однако данное сочинение Данилевского не получило тогда, как и его идеи, широкой известности и было понято и воспринято лишь весьма узким кругом интеллектуалов в России, а в мире оно вообще почти никому не стало известно; хотя вот в России такой философ, как К. Н. Леонтьев, опираясь на данную концепцию (парадигму), предложенную Данилевским, всё же создал в конце XIX века свою оригинальную теорию *трёх этапов развития культур* (см.).

Я бы заметил, что возникновение данной *парадигмы* именно в России было связано с тем, что настоящие русские мыслители, как бы то ни было, пусть зачастую и на подсознательном уровне, искали выход из замкнутого круга *европоцентризма* и давящего удушающего *Псевдоморфоза* (см.), искали концептуальные основания раскрытия своеобразия и самобытности России, её культуры и государственности.

И лишь фундаментально переворачивающие мировоззрение людей события начала XX века, связанные с Первой мировой войной и революциями, соответственно требующие так или иначе радикального переосмысления действительности, с одной стороны, а с другой — с выходом фундаментального труда О. Шпенглера «Закат Запада» (1-й том в 1918 году, 2-й том в 1922 году), в котором этот немецкий философ изложил, по существу, те же концептуальные основоположения, которые в своё время раскрывал Н. Я. Данилевский; утвердили данную *парадигму*, наряду, впрочем, с сосуществующей с ней *Однолинейной* (см.) парадигмой.

О. Шпенглер тем самым, по его собственным словам, совершил свой «*коперниканский переворот*» в культурно-исторических исследованиях: т. е. представил Европу («Запад») не неким «солнцем-центром» человечества, вокруг коего якобы вращаются все народы и культуры (как оно представлялось до того), а лишь одной, в истории, из множества иных, аналогичных, культур, «культурных организмов», культурно-исторических систем.

Такого толка исследовательская *парадигма (Разноликая)* позволяет более полно взглянуть на различные культуры, существовавшие в истории и существующие ныне, без наложения на них сугубых «западных» стереотипов и мировоззренческих клише; позволяет на них взглянуть как на нечто, действительно, *своеобразное и самобытное*.

Мы данную исследовательскую парадигму именуем *Разноликой*, вследствие того, что всякая культурно-историческая система имеет своё *лицо*, свой особый *лик*. О. Шпенглер, в этом смысле, говорит о *физиогномике культур*, выражающейся и в своеобразных высших ценностях, и в стилях жизни и искусства и т. д.

Впрочем, обыкновенно наличествующее обозначение данной *парадигмы* как «*цивилизационного подхода*» не представляется удачным, потому как здесь используется довольно-таки многозначное понятие «*цивилизации*» (см.), которое в разных концепциях

и дискурсах может означать: а) синоним понятия «культуры», б) уровень материально-технического развития общества, в) некую противоположность «культуре» (как то, например, имеет место у О. Шпенглера), г) «период плодоношения» культуры (культурно-исторического типа; как то предполагает Н. Я. Данилевский); д) эпоху исторического развития человечества, противоположную былым «дикости» и «варварству» (как это делает, например, Л. Морган); е) промышленную городскую культуру в её различии от сельской традиционной и т. д., и т. п.

Поэтому мы предлагаем именовать данную *парадигму Разноликкой*.

В русле данной *парадигмы* имеют место довольно *разные концепции*, зачастую промеж собой имеющие общим только вот этот постулат *исходного культурно-исторического разнообразия*.

С одной стороны, это можно трактовать как положительный момент рассматриваемой парадигмы, потому что это, действительно, расширяет наши возможности и аспекты понимания культурно-исторической действительности, но с другой стороны, создаёт и немалую путаницу опять же в плане понятий и концептуальных схем.

Также до сих пор здесь не раскрывается та движущая сила, энергия, которая порождает культурно-исторические системы, а потом, отчего-то иссякая, обрекает эти культурно-исторические системы на вымирание и гибель.

Те же Данилевский и Шпенглер исходили здесь из биологических аналогий — Данилевский как учёный биолог, а Шпенглер как представитель «философии жизни», представляя культуры, культурно-исторические типы в качестве высших форм живых организмов. Однако на метафорическом уровне, уровне аналогий — это, конечно, красиво и очевидно, но хотелось бы всё-таки определить непосредственно такого рода причину, дабы хотя бы управлять, по мере возможности, при необходимости, данными процессами.

Л. Н. Гумилёв, ещё один из представителей *Разноликкой парадигмы*, вводит понятие *пассионарности* как способности к целенаправленному сверхнапряжению, однако опять же данное понятие, возникновение которого Гумилёв связывает с определёнными генетическими мутациями, происходящими в человеческом сообществе под воздействием предполагаемой гипотетической, космической энергии, тоже выглядит само по себе довольно проблематичным (хотя, как гипотеза, интересным).

А. Тойнби связывает процессы развития и гибели *культурно-исторических систем* (в его терминах — *обществ*) с процессами *Вызова* и *Ответа* (см.) на этот Вызов, который (Ответ) может дать, а может и не дать данное общество (культурно-историческая система).

Но и здесь остаётся неясным, *какой фактор* (или какие факторы) влияет коренным образом на то, что некое общество на том или ином этапе своей жизни может дать Ответ на Вызов, а в иной момент, вдруг, уже не может и погибает, распадается.

В числе представителей данной (*Разноликой*) *парадигмы* культурно-исторических исследований можно указать на: Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, О. Шпенглера, А. Тойнби, Л. Н. Гумилёва, А. С. Панарина и др.

Религия (лат. religo — связывать) — мировоззренческая система (*парадигма*) (см.), основывающаяся на вере в некое сверхъестественное существо (существа, сущность, сущности) и предполагающая в этом отношении определённые обряды, культы, догмы, нормы и правила поведения.

Первоначально, в Древнем Риме, *религия* означала связь с тем или иным культом, привязанность к тому или иному культу, его порядкам и обычаям.

По Фрэзеру, *религия*, в отличие от *магии*, предполагает наличие *свободы*, с одной стороны, у того сверхъестественного существа, в которое верят, и, с другой стороны, у человека; в то время как *магического* типа мировоззрение предполагает *всеобщую подчинённость всему*, например, тем или иным ритуалам, символическим действиям, обрядам, и, с одной стороны, для всех сверхъестественных существ, и, с другой стороны, для человека, для всех людей.

В ином ракурсе *религия*, в её тонком различении от *веры*, есть, прежде всего, совокупность обрядов, традиций, культовых норм, правил, социальных установлений (институций) для человека и общества, в то время как *вера* (*религиозная вера*) касается, прежде всего, опыта личного внутреннего духовного отношения человека к той или иной сверхъестественной сущности (сущностям).

Всякая *религия*, по существу, содержит в себе определённую матрицу *святых, высших ценностей и жизнесмыслов*; *религию*, собственно, можно образно определить как попытку надления мира и человеческой жизни смыслом, неким высшим смыслом; и потому, соответственно, *религию* многие авторы, подвизавшиеся в сфере культурно-исторических исследований, полагают *основой культуры*

(например, О. Шпенглер или А. Тойнби); и с упадком религии, соответственно, приходит в упадок и культура.

По О. Шпенглеру, например, с упадком религии гибнет культура и наступает пора *цивилизации* (в его терминах), когда торжествует человек *безрелигиозный*, в отличие от человека *культурного*, который есть человек, прежде всего, по Шпенглеру, *религиозный*, но это, *цивилизация*, здесь есть внешнее, до поры до времени, по инерции, бурное материальное производство, но уже внутренне в себе пустое, обречённое в скором времени рухнуть окончательно.

В то же время в *религии* есть тенденция, которую можно обозначить как *тенденцию Великого Инквизитора* (по имени персонажа романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»), когда живая энергетика личной веры человека — с его, человека, экзистенциальными (глубоко личными) поисками высшего смысла бытия, поисками выхода (трансценденции) к иному, вечному и т. д. — в силу личных особенностей человека, его жизненных обстоятельств, а также посредством разного рода манипуляции массовым сознанием, замещается и вытесняется некоей жреческой властью, вплоть до государственной власти, по существу, *подменяя эту живую личную веру неким обрядовым суррогатом*, с обращением человека в раба (и духовно, и физически), подавляя его высшие человеческие характеристики (самосознание, совесть, свобода воли), а общества — в послушное стадо-отару.

Как пример: в системе *Псевдоморфоза* (см.) в Российской империи, с одной стороны, издавались законы (позаимствованные с «Запада»), обязывающие людей приходиться на исповедь, а с другой — обязывающие священников доносить на тех, кто не приходил, и уж тем паче на тех, кто признавался на исповеди, что, дескать, замыслил государственное преступление (1722 год) и т. д. За неисполнение — штрафы и более серьёзные наказания.

Очевидно, от личной искренней веры здесь вряд ли что оставалось, а если и оставалось, то вопреки наличествующей системе; это, с одной стороны; а с другой — в подобного рода системе торжествовал явно отрицательный отбор людей ни во что, ни в какого Бога не верующих, а лакеев, холуёв и доносчиков, только служащих перед Начальством (судя по всему, настоящим их «божеством»).

К слову заметим, что наличие рабства (крепостного ига), очевидно, мировоззренчески несовместимо с христианской верой, с христианской совестью, с христианской любовью. Однако подобного

толка иго в те времена зачастую пафосно защищалось т. н. церковными иерархами. Выводы делайте сами.

Поэтому, кстати, нет ничего удивительного в специфическом, скажем так, отношении народа к «церкви» после Октября 1917 года.

Однако, как бы то ни было, но *религия*, действительно, так или иначе, есть *основа культуры*, как имеющая непосредственное отношение к *высшим ценностям, святыням и жизнесмыслам* общества и отдельного человека.

Весь вопрос тут состоит в том, имеем ли мы здесь дело с подлинной искренней личной верой человека, его личным экзистенциально напряжённым поиском высшего жизнесмысла, или, скорее, с суррогатом для масс, являющимся, действительно, «опиумом для народа», целенаправленно обращающим людей в рабов и стадо, подавляя их высшие человеческие способности (свободу воли, самосознание, совесть) (см. здесь: *секта*).

См. здесь также: *уранство и кушитство*.

Самодержавный принцип — ключевой принцип бытия русского государства, исторически заключающийся в стремлении самодержца (царя, великого князя и пр.) укрепить своё государство, обеспечив, по возможности, интересы всех слоёв общества (хотя бы для того, чтобы передать сильное государство своему сыну-наследнику, или просто для того, чтобы выжить в предельно жёстких исторических условиях).

Самодержавный принцип, по существу, может успешно осуществляться только с опорой, прежде всего, на народ, на общество в целом, с его *Принципом народовластия* (см.).

Самодержавный принцип искони, исторически есть своего рода стержень всей государственной власти в России, и если вытащить этот стержень (как оно случилось, например, в феврале 1917 года), то здесь всё просто посыплется (и посыпалось).

Вся чиновная иерархия в России имеет значение («легитимность») лишь в случае так или иначе веры народа в наличествующего носителя Самодержавного принципа, *олицетворяющего* его собой (царя, генерального секретаря и т. д.).

Эту мысль хорошо выразил генералу А. Д. Нечволодову обычный солдат после февральской революции 1917 года: «Когда был Император, господа стояли около Него, как мы были около господ, т. е. мы все были под Императором. Ежели нет Императора, зачем нам и господа-то? Мы и без них обойдемся. Говорят, что теперь сбросят господ. Они Императора прогнали, мы их прогнать тоже можем.

Потому что, говорят, с какой стати господа будут править нами без Императора?..»²¹.

Действительно, вот вытащили из системы власти в России в феврале 1917 года её стержень — императора, пусть даже такого, мало соответствующего, мягко говоря, своей должности, каким был Николай II, но так или иначе олицетворявшего собой эту систему власти, как всё тут сразу лихо посыпалось.

Самодержавному принципу на Руси, в России, в СССР искони противостоял *Олигархический принцип* (см.).

В расхожей у нас в России поговорке-стереотипе «*царь хороший, бояре плохие*» есть, в соответствии с *Самодержавным принципом*, своя *доля истины*, однако *лишь доля*: потому как, действительно, оказавшийся в *априорной форме самодержца* Субъект Верховной власти (условно, Царь), оказывается вынужден так или иначе управлять в интересах всего общества в целом и, значит, должен так или иначе окорачивать олигархические поползновения элиты (см. *Олигархический принцип*). Однако для того, чтобы всё-таки осознать себя в таком качестве, в такого рода априорной своей форме, правителю («самодержцу») необходимо наличие у него хоть какого-то самосознания и толики нравственного чувства, что, к сожалению, в силу же типичного отрицательного иерархического отбора, да и по иным причинам, далеко не всегда оказывается в наличии у того, кто оказался на месте, условно, «самодержца», и потому частенько оказывается, что, так сказать, «самодержец» отнюдь не является, в действительности, носителем Самодержавного принципа, а, по существу, есть, остаётся по своему менталитету (скажем так) лишь такой же «олигарх», со своими типично «олигархическими» стереотипами и установками существования, типичный носитель *Олигархического принципа*, как прочие «олигархи», только «олигарх» теперь «самый большой» из них, «первый среди олигархов», да ещё и при всём своём, получившем здесь возможность развернуться, *раздувающимся самодурстве*.

В современной РФ как *криптоколонии* (см.) *Самодержавный принцип*, по существу, к сожалению, представляет собой в настоящее время (2023 год) лишь *Симулякр* (см.).

Самосознание — собственное целостное представление и оценка отражённой действительности и себя в этой действительности.

²¹ См.: *Нечволодов А. Д.* Император Николай II и евреи. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — С. 31.

С соответствующими изменениями — *миросозерцание*.

Впрочем, понятие *миросозерцания*, с некоторыми оговорками, может использоваться и относительно *сознания* (см.) человека.

См. также: *сознание, совесть*.

Свобода — раскрывшаяся *возможность творчества*, возможность творить.

Свобода в экзистенциальном плане — упоительное переживание раскрывшейся возможности творить.

Творчество, к слову, есть создание качественно (для себя) нового.

В том числе и, может быть, даже прежде всего, свобода — это возможность *творить свой жизненный путь*, совершая свой *свободный выбор*.

В то же время, очевидно, что подобного рода свободный выбор предполагает, оборотной своей стороной, и высокую меру личной *ответственности* за этот твой выбор. Ибо совершая выбор, выбирая себя, свой жизненный путь, ты тем самым меняешь и весь мир и, соответственно, несёшь высшую ответственность за это его изменение.

Важно заметить, что основой для актуализации свободы человека, его способности быть свободным, совершать свободный свой выбор, является первичная способность человека к *самоограничению*.

Способность к *сознательному самоограничению* даёт человеку своего рода точку опоры в его возможности выбирать, преодолевать причинно-следственные цепочки «природной необходимости», с одной стороны, а с другой — обеспечивает возможность глубокого внутреннего сосредоточения человека, столь необходимого для совершения творческого акта.

Без первичной способности к самоограничению — человек сугубый раб природы, её необходимости; раб своих страхов, соблазнов, инстинктов и т. п. Собственно, значит, это и не человек в полном смысле этого слова (как актуально свободное, творящее существо).

Русское слово «свобода» этимологически родственно санскр. *sva-bhāva*, буквально, «своё бытие», «само-бывание, а по смыслу слова — «характер», «нрав». Кстати, нечто близкое греческому слову *этнос* (см.).

Свобода, действительно, есть *само-бытие*. То есть Бытие, которое не имеет основания ни в чём, кроме *самого себя*.

Свобода в классической «западной» философии определялась как *осознанная (познанная) необходимость*. В этом определении есть своя доля истины, однако оно схватывает только некий внешний

эффект, связанный со свободой. Осознавая ту или иную необходимость, человек, проявляясь в своей творческой сущности, поднимается (потенциально) над этой необходимостью и приобретает возможность совершать свой свободный выбор: например, принимать эту необходимость или противостоять ей, преодолевать её. Тем самым творя себя, свой жизненный путь. А в самой «осознанной необходимости», как таковой, собственно, никакой *свободы* нет.

Впрочем, тут есть такой ещё нюанс: та познанная (осознанная) необходимость, о которой здесь идёт речь, есть именно необходимость, *уже как долженствование*, т. е. та моральная необходимость (поступать именно так, а не иначе), которая противопоставляется тут необходимости природной, и тем самым как бы *снимает* её, если, конечно, человек *выберет* эту, моральную необходимость, должное.

Однако и в этом случае мы оказываемся опять-таки в тенетах необходимостей, а собственно *акт свободы* здесь свершается *в точке выбора* этих необходимостей, и именно эта точка, вполне сингулярного толка, тут *главное*, суть, а вовсе не вот эта, являющаяся в качестве антитезиса природной необходимости, обозначившаяся необходимость моральная.

В то же время *свобода* зачастую выступает как *обманка*, когда люди банально начинают её истолковывать как некую *вседозволенность*, возможность удовлетворять свои желания и т. п., в то время как, по сути своей, подобного рода обманка есть, напротив, *рабство* человека у неких своих желаний, страстей, соблазнов; и в этом случае человек отнюдь не является само-причиной своих действий и поступков, их настоящим творцом, а только некой *марионеткой*, дёргающейся на ниточках всех этих соблазнов, страхов, желаний, страстей, и, значит, зачастую марионеткой неких иных *внешних субъектов*, которые его, человека, за эти ниточки, за другой их конец, дёргают.

Такого толка *обманка «свободы»* зачастую банально используется в технологиях *манипуляции массовым сознанием* (см.), соблазняя ею, обманкой «свободы» (по сути, её *симулякром*) (см.), массы населения.

См. также: *свобода от* и *свобода для*.

Свобода от* и *свобода для — в терминах Э. Фромма — *отрицательная* и *положительная* (настоящая) свобода.

Свобода от представляет собой отсутствие тех или иных подавляющих и сковывающих человека факторов.

В принципе, *свобода от* не есть *свобода* (см.) в полном смысле этого слова, ибо не предполагает ничего в себе положительного, созидającego, никакого настоящего творчества.

В этом плане, действительно, *свобода от*, если её сопоставить с данным мной определением *свободы* (см.) как *раскрывшейся возможности творчества*, не удовлетворяет данному определению, поскольку никакого, собственно, творчества тут не предполагается.

Свобода для — это, по Фромму, и есть настоящая, подлинная свобода, свобода в полном смысле этого слова, созидающая и творящая.

Эта свобода, *свобода для*, с соответствующими изменениями, вполне удовлетворяет вышеприведённому определению *свободы*.

Секта (тоталитарная секта) (лат. *secta* — путь, направление, школа) — *религиозного* (см.) толка сообщество, высшие человеческие характеристики (самосознание, совесть, свобода воли и т. п.) членов которого подавлены и блокированы догмами, правилами и нормами, имеющими свои основания во мнении некоего Авторитета (главы сообщества), Наставника, Гуру, Учителя или «Божества».

Под *религией* мы понимаем определённую мировоззренческую *парадигму* (см.), зиждущуюся на вере в некое сверхъестественное существо (сущность или сущности) и предполагающую в этом отношении определённый культ, обряды, догмы, нормы и правила.

Если в настоящей, раскрывающей творческую сущность человека религии, в настоящем религиозном сообществе, высшие человеческие способности не подавляются, а, напротив, актуализируются, пусть и неизбежно здесь в определённом направлении, задаваемом данной мировоззренческой *парадигмой* (см.), то в сектантского толка мировоззрении и, соответственно, в сектантского типа сообществе, эти высшие человеческие способности немилосердно подавляются, и на этом, собственно, подавлении и выстраивается *идеология* (см.) и уклад такого толка сообщества.

Разумеется, всякая *секта* выстраивается по *гностическому* (см.), в себе, принципу, жёстко иерархичному: избранные, посвящённые, пастухи, учителя (высший уровень), с одной стороны, и все остальные, профаны, паства, стадо (нижний уровень) — с другой.

Можно сказать, что здесь, в социально-религиозной сфере, имеет место негативная тенденция обращения религиозного толка сообществ в *тоталитарные секты*.

Иногда, впрочем, ярлык «секты» («тоталитарной секты») вешается ныне «официально» на те сообщества, которые таковыми

(сектами: см. определение выше) никоим образом не являются; и, напротив, иные сообщества, в действительности вполне являющиеся сектами (тоталитарными сектами), таковыми «официально» не считаются.

Символ (греч. σύμβολη — стык, соединение; σύμβολον — метка, знак, примета, пароль) — образ (или событие) указывающий (представляющий, отсылающий) на другой образ или событие.

В сущности, *символ* изначально есть некое соединение двух составных частей в одно целое.

Понятие *символа*, с соответствующими изменениями, тождественно понятию *знака*, с тем разве что возможным отличием, что *символ* предполагает некое облако своих значений, на которые указывает, к которым отсылает, которые собой представляет, в то время как *знак*, скорее, стремится указывать (представлять собой) некое одно, условное здесь значение.

Всякий *символ* (как и *знак*) состоит из двух своих составных частей — *означающего* и *означаемого*.

Означающее — это внешняя сторона символа (знака), его материальный носитель.

Означаемое — это внутренняя сторона знака, то, на что, собственно, данный символ, как означающее, указывает, что собой представляет; его значение, смысл. *Означаемое* (значение, смысл) — нематериально.

Человек, можно сказать, обречён видеть во всём, во всей окружающей его действительности символ (знак), т. е. видеть нечто так ли иначе имеющее некоторое своё «второе дно», т. е. значение (смысл).

В этом плане вся *культура* человека как сфера-система его бытия и творчества есть система *символическая* (*семиотическая, знаковая*).

Поэтому многие авторы и говорят о культуре как *символической вселенной* (Э. Кассирер, например). О культуре как *системе символических форм*.

К числу исследователей, толковавших культуру именно как семиотическую (символическую, знаковую) систему, можно отнести: Э. Кассирера, К. Леви-Стросса, Р. Барта, Ю. М. Лотмана и др.

Символ, в отличие от *симулякра*, так или иначе связан с реальным жизненным опытом человека, укоренён в этом опыте, отрываясь от этой своей экзистенциальной реальности, символ обращается в *симулякр* (см.).

См. также: *миф, псевдомиф*.

Симулякр (лат. simulacrum — видимость, призрак, идол) — копия, не имеющая оригинала (подлинника), однако сама стремящаяся предстать этим подлинником.

Проще говоря, *симулякр* — это некая иллюзия, *видимость*, которая предстаёт как самая что ни на есть *реальность*, «реальнее самой реальности» (*гиперреальность*).

Понятие *симулякра* — ключевое для понимания сути современного общества, современного человека, наверное, наиболее точно проясняющее суть происходящих сегодня событий и преобразований.

Понятие *симулякра* представляет собой перевод на латинский язык древнегреческого философского понятия *идола* (греч. εἰδῶλον — видимость, кажимость, подобие, видение, призрак, идол).

Например, идол, кумир в качестве якобы некоего божества — это вроде как осязаемый суррогат, лишь *видимость* настоящего (подлинного, незримого и неизречённого) божества, однако вытесняющая собой это подлинное настоящее божество.

В концепции Платона подобного рода *видимости (идолы)* представляли собой *мнения* людей о вещах, событиях, которые, в свою очередь, в онтологическом плане являют собой копии идей, своих первообразов, образцов, соответственно, идолы (людские мнения-видимости) есть, по существу, лишь *копии копий* неких своих идеальных образцов, первообразов.

В метафоре-мифе о «Пещере», изложенном Платоном, *идолы-симулякры* — это даже не тени на стене, которые созерцают люди, а те мнения, которые создают себе люди, созерцая эти тени (подобно, наверное, пятнам Роршаха).

В современную эпоху *симулякры* — это, по существу, символы (знаки, означающие), принципиально оторванные от реальности и замещающие собой эту реальность.

Симулякры — это, по существу, ткань виртуальной реальности, которая ныне господствует и торжествует.

См. здесь: *основное противоречие современного человека* (см.).

Ж. Бодрийяр в своей концепции (в книге «Символический обмен и смерть», 1976 год) раскрывает своего рода лестницу «восхождения» современного общества к такого рода своему состоянию, определяя *три строя (порядка) симулякров*.

Первый строй симулякров, который Бодрийяр именует *подделкой, подражанием*, был свойственен эпохе Возрождения, началу Нового времени, когда символические порядки, ещё, по существу, не

обратившиеся в порядки симулякров, воспроизводились по принципу подражания природе, подделки под природу; природа (естественная реальность) мыслилась в качестве идеала, образца, а то, что создавал человек, предполагалось лишь как подражание этому идеалу, подделка под него.

Второй строй симулякров, именуемый Бодрийяром *производством*, был свойственен промышленной эпохе Нового времени, когда человек создавал некую новую для себя реальность, искусственную, в которой уже, по существу, жил, и по образцам которой воспроизводится. Однако, собственно, природная реальность — она вполне себе ещё остаётся и существует здесь уже как бы параллельно, «за скобками», данной новой искусственной, условно, машинной, реальности. Хотя, конечно, очевидно, что эта новая реальность так или иначе уже противостоит реальности природной. В то же время, очевидно, что такого рода система уже предполагает и определённый отрыв символических порядков от своих референтов (реальных значений).

Третий строй симулякров, именуемый Бодрийяром, собственно, *симуляцией*, наступает, судя по всему, с переходом от эпохи Модерна к *Постмодерну*, к т. н. «*постиндустриальному*», «*информационному*» обществу, с началом господства виртуальной реальности над умами и душами людей, всё более тотального господства *СМРАД* (см.) над обществом.

Хронологически — это 1960–1970-е гг., время первых типично «оранжевых революций» (1968 год), виртуального полёта американцев «на Луну» (1969 год), перевода доллара (мировой валюты) с «золотого обеспечения» на виртуальную модель его «обоснования» (фиатные деньги) (Ямайская система, 1976 год) и т. д.

При данном строе симуляции — симулякры вытесняют собой реальность, становятся самой этой «реальностью» (*гиперреальностью*).

Проще говоря, реально то, о чём сообщили СМРАД, пусть даже ничего такого и не было в действительности; однако в то же время некое, действительно, важное событие, о котором ничего не сообщили в СМРАД — реально уже как бы и не было.

Соответственно, согласно *правилу Томасов*, симулякры иллюзорных событий могут производить на массы населения самый реальный мощнейший эффект, становясь, действительно, судьбоносными, определяя жизнь людей, программируя их мнения и поведение, их психическое и даже уже и соматическое состояние (от шоу «11/9») до нынешней *психоинформационной «пандемии» Круглого Миазма* и т. п.).

Впоследствии в своей книге «Симулякры и симуляция» (1981 год) Бодрийяр немножко изменил эту свою модель, разделив «третий строй» на две ступеньки: а) на стадию, когда симулякры ещё лишь выдают себя за истинную реальность, за истину, замещая её собой, и б) на стадию, когда никакой такой реальности, кроме реальности (гиперреальности) симулякров вообще больше не существует, даже не предполагается.

Однако сути дела это не меняет, лишь уточняет некоторые нюансы.

Современные медийные конструкции, представляющие собой *серии симулякров*, я называю *псевдомифами* (см.) и *небылью* (см.).

Система — определённое множество элементов и их связей, находящихся в динамическом единстве.

Кратко: *единство в разнообразии* (многообразии).

СМРАД — средства массовой рекламы, агитации и дезинформации.

Понятие «СМРАД» значительно более точно передаёт значение, сущность данного концепта, нежели более привычное «средства массовой информации» (СМИ).

Соборность — в концепции А. С. Хомякова — сообщество личностей, объединённых на основании общих высших ценностей (здесь — христианских) и взаимной любви.

Соборность представляет собой личностное разнообразие в общественном единстве.

Такого рода общество (соборное) при принятии решений стремится к единогласию, к согласию, с учётом личного мнения каждого.

Соборность здесь выступает как идеал (идеальный тип) общинного мироустройства, где снято (преодолено) социальное отчуждение.

Сознание — собственное цельное отражение действительности человеком.

См. также: *ложное сознание, клиповое сознание, самосознание.*

Справедливое мироустройство — общественная система, основанная на исконных *высших ценностях* (см.) отечественной культуры, в которой обеспечивается возможность всестороннего творческого развития для всех и каждого, на *общее благо*.

Под *общим благом* здесь понимается вот именно эта система обеспечения *возможности* всестороннего творческого развития для всех и каждого.

Предлагаемое мной *справедливое мироустройство* имеет следующие *основополагающие характеристики*: общенародная собственность на средства производства; цель экономики — обеспечение общества насущными материальными благами, а не извлечение прибыли; стратегическое целеполагание всестороннего развития человека, его личности, его творческих способностей; выстраивание управленческой системы с пониманием *Самодержавного, Олигархического и Народовластия принципов* (см.), с соответствующим развитием принципа Народовластия и жёстким пресечением Олигархического принципа (и, соответственно, *Западнической тенденции*) (см.); реальная ответственность управленцев перед народом (обществом); полный государственный суверенитет, духовная культурная самостоятельность (самостоянье), хозяйственная автаркия; преодоление социального отчуждения etc.

Тезисно: *первоначала* предлагаемого мной здесь *справедливого мироустройства* можно представить следующим образом.

1. *Полный государственный суверенитет России*: финансово-экономический, культурный, научно-технический и политический.

2. *Справедливость* — основополагающая высшая ценность и принцип общественной жизни.

3. Иные важнейшие принципы и ценности — *Свобода, Личность, Правда* — всемерно обеспечиваются законодательной (свобода мнения, право на жизнь, право на свободное передвижение, право на личную тайну и т. п.) и нравственно-моральной системами.

4. Природные ресурсы — исключительно *в общенародной собственности*; общенародная форма собственности обязательна в сфере добывающей, тяжёлой, военной и иных системообразующих отраслях народного хозяйства.

5. *Национализация* (перевод в общенародную собственность) финансовой банковской сферы; подчинение *Центробанка* правительству России; беспроцентное целевое кредитование.

6. *Суверенная эмиссия*; государственная монополия внешней торговли; запрет на трансграничное движение капитала; государственная валютная монополия.

7. *Реиндустриализация* — восстановление индустриальной системы и выстраивание новой высокотехнологичной сферы производства.

8. Развитие *малого и среднего предпринимательства* (с артельной, кооперативной формой собственности) в сфере промышлен-

ного производства, реальных услуг, общепита, сельского хозяйства, розничной торговли и в иных *реально общественно-полезных сферах деятельности*.

9. Децильный коэффициент *не выше 4*; социальная защита народа.

10. Верховная власть имеет максимум полномочий в отношении чиновников-управленцев и имеет более ограниченную власть в отношении народа (общества); чиновники-управленцы имеют довольно ограниченную систему полномочий по отношению к народу (обществу); устанавливается принцип ответственности чиновников перед народом-обществом.

11. Развитие системы *народного местного самоуправления*.

12. Утверждение Принципа *отделения власти от собственности*; чиновники и их семьи не могут иметь недвижимость за рубежом и счета в иностранных банках; доход чиновников не может превышать вдвое медианный по стране.

13. Радикальная *дебюрократизация* системы управления.

14. *Конституционные и законодательные преобразования* с утверждением принципов данной Программы: незыблемости прав и свобод граждан России; национализации недр, Центробанка etc.; законы пишутся простым и ясным языком, не противоречат сами себе и друг другу (как ныне); их, законов, становится на порядки меньше; законы пишутся именно для упорядочения жизни общества, на благо общества, а отнюдь не для блага «юристов» и бюрократов (как оно есть ныне).

15. Социальная защита семьи, материнства и детства; категорический *запрет «ювенальных реформ»*.

16. *Разворот «реформы образования»*: радикальная дебюрократизация сферы образования и возврат к советской системе, с последующим развитием этой системы в регистре воспитания человека-творца, обогащённого всеми достижениями культуры; прекращение попыток «цифровизации» образования, внедрения «дистанционного» обучения как «основной формы образования».

17. Стратегическое развитие науки и техники, по возможности, в *разных конкурентных исследовательских парадигмах (научно-исследовательских программах)*, с соответствующей *реальной пользой для народного хозяйства и обороноспособности*.

18. *Разворот «реформы здравоохранения»* — с переориентацией системы здравоохранения на здоровье человека, а не на извлечение прибыли с больных людей (как оно есть ныне); *разворот «пенсионной*

реформы» — возврат к прежнему возрасту выхода на пенсию и, соответственно, поднятие уровня пенсионных выплат.

19. *Реальная охрана природы*; жёсткий народный контроль рубки леса и иных аналогичных так или иначе наносящих вред природе видов деятельности; жёсткие меры в отношении браконьерства и иных аналогичных, наносящих вред природе видов деятельности; жёсткие экологические требования для сферы производства; развитие технологий утилизации мусора — до его полного вторичного, безвредного для природы, использования; возрождение, на новом уровне понимания природных процессов и бережного к ним отношения, *сталинского плана преобразования природы* (высадка лесов, лесополос, сети водоёмов и пр.).

20. *Запрет на любые попытки «цифрового» и иного «электронного» («биометрического» и т. п.) контроля над человеком, над народом (обществом)*; категорический запрет на попытки обращения с народом, с людьми как с «биообъектами» и «человеческим капиталом» (сиречь, буквально, «поголовьем скота»).

Сюда можно, наверное, добавить и *приоритетное развитие космической отрасли*, символически предполагающей торжество человека-творца, с его всемирной трансценденцией (переходом в царство свободы).

Действительно, предлагаемая мной модель *справедливого мироустройства* представляет собой образец *прыжка в царство свободы* из царства необходимости (по выражению Ф. Энгельса).

В каком-то смысле это *справедливое мироустройство* можно называть и «коммунизмом», но мне не особо нравится слово «коммунизм», потому как к нему уже прилипли определённые негативные коннотации, связанные с неким «тоталитаризмом» (т. е. всесторонним подавлением человека, его личности) и «равенством», в то время как *справедливое мироустройство* никоим образом не является «тоталитарным» (поскольку направлено, напротив, на всестороннее развитие человека), а торжествующий в нём принцип Справедливости ничуть не есть некое нивелирующее равенство, а предполагает только равенство возможностей.

Предлагаемое мной *справедливое мироустройство* есть торжество *Бытия* над *Обладанием* (в терминах Э. Фромма); человек есть то, что он, действительно, *есть, по сути своей*, а не определяется той мишурой, которой он обладает (как оно наличествует ныне, при капитализме).

При этом, разумеется, человек никоим образом не лишается здесь своей *личной собственности*, здесь будут определённые ограничения лишь на *частную собственность*, т. е. на те средства производства, которые являются инструментом эксплуатации человека человеком. А *личная собственность* — пожалуйста, для творческой самореализации и личного развития.

Разумеется, переход в представленное здесь *справедливое мироустройство* предполагает своим первым шагом преодоление нынешнего *криптоколониального* (см.) статуса России и, конечно, национализацию (перевод в общенародную собственность) основных средств производства, наипаче в стратегически важных отраслях народного хозяйства.

Разумеется, *государство* (см.) здесь становится *общенародным*, т. е. представляющим собой действительное единство общества и органов управления обществом, а отнюдь не нынешние, категорические оторванные от общества, подавляющие и эксплуатирующие это общество «органы управления», наипаче уже пытающиеся отгородиться от общества некими «цифровыми платформами», дабы полностью обеспечить себе полную безответственность (перед обществом) и кастовое господство над стадом биообъектов, «оцифрованных» и биометрически прозрачных.

Иными словами, предлагаемая мной *модель справедливого мироустройства* является реальной *альтернативой* тупиковому для человечества, однако ныне целенаправленно явно возводящемуся, «цифровому» *глобальному паноптикуму* (см.).

См. также: *Миро-космическая культурно-историческая система*.

Стрела Аримана — в концепции И. А. Ефремова — вектор преумножения зла в порочным образом устроенной социальной системе.

В лучшем случае, наверное, *стрела Аримана* будет являть собой некий порочный круг зла, а скорее и типично — разворачивающуюся спираль зла.

Название *стрелы Аримана* восходит к имени Духа Зла и Тьмы в Зороастризме *Аримана* (*Ангро Манью*).

См. здесь: *предел Аримана*.

Природный мир, по мысли Ефремова, представляет собой тотальную борьбу за жизнь, где все существа так или иначе пожирают и уничтожают друг друга, пребывая в состоянии в его понятиях, *Ииферно* (см.); человек как существо свободное и творящее, создавая свой мир культуры, постоянно ищет выхода из этого порочного круга

бесконечного взаимоуничтожения, однако то и дело при этом, вновь и вновь соскальзывая в то же Инферно, ввинчиваясь в направлении *стрелы Аримана*.

Можно сказать, что на беспросветный природный мир Инферно, с его природной *стрелой Аримана*, человек склонен накладывать ещё и свою, *социокультурную стрелу Аримана*, подавляющую высшие человеческие качества, уничтожающую зачастую, в первую очередь, лучших людей, создавая друг для друга совершенно невыносимые, бесчеловечные условия существования, обращая других людей в рабов, и т. д., т. е. создавая дополнительно Инферно социальное («социальный ад»).

Человек, созданный быть творцом, вынуждается жить дрессированной тварью.

Поэтому человеку и, соответственно, человечеству становится всё более актуален — наипаче ввиду надвигающегося ныне *предела Аримана* (см.) — прыжок из царства необходимости (т. е. из Инферно) в царство свободы, в новое *справедливое свободное мироустройство* (см.), где человек не будет отчуждён, как личность, от общества, а получит возможность своего всестороннего творческого развития и выйдет, соответственно, на качественно новый Человеческий уровень.

А пока в нашем мире господствует *стрела Аримана*, проявляющаяся, в частности, в типичном *отрицательном иерархическом отборе*, неумолимо приближающая нас к пределу Аримана, к *«цифровому концлагерю»* (см.).

Суперэтнос — в концепции Л. Н. Гумилёва — совокупность этносов (см.), объединяющихся обыкновенно в одном ландшафтном пространстве на основе относительно общих *ценностей* (см.) и *целей* существования, а также *комплиментарности* (т. е. взаимной симпатии, способствующей различению «своих» от «чужих» и, в случае положительной комплиментарности, процессам взаимной ассимиляции).

Катализирует *этногенетический* процесс создания-складывания суперэтноса *пассионарный толчок*, т. е. воздействие некоей космической энергии на человеческие общности (популяции), вызывая в них генетическую мутацию, воспроизводящую такую их характеристику, как *пассионарность*, т. е. целенаправленную способность к сверхнапряжению.

Телеология (от греч. телос — цель) — философское учение о целях, целеполагании.

Толерантность (от лат. *tolerantio* — терпение, терпеливость) — первоначально, в медицине, отсутствие реакции иммунной системы организма на инородные вещества, патогены и пр.

В настоящее время, в общественных дисциплинах, *толерантность* — это безразличное отношение к представителям других культур, религий и рас, что бы они ни делали, как бы ни глумились над тобой, над твоей культурой, над твоими ценностями, как бы ни сядишь тебе на шею и ни вытирали о тебя ноги, и в итоге ни опускали подошву этого сапога тебе на лицо.

Такого рода *толерантность* ныне целенаправленно внедряется и пропагандируется *глобальными элитами* в т. н. «цивилизованных» странах в целях подавления населения, изничтожения его ценностной матрицы, лишения его остатков собственного достоинства и обращения в итоге в социальное желе масс, в стадо-отару баранов.

И вообще такого рода *толерантность* предполагает стирание различия «добра» и «зла», «своего» и «чужого», с полным, в результате, неизбежным тут *расчеловечиванием*.

Такого рода *толерантности* мы вполне можем противопоставить русское понятия *всечеловечности*, которое раскрывали, в частности, Ф. М. Достоевский в своей «Пушкинской речи» и Н. Я. Данилевский в своей книге «Россия и Европа», т. е. человеческого, доброго и радушного отношения («всемирной отзывчивости») к людям разных культур и рас, но с тем отличием, что это наше доброе и человеческое к ним отношение полагает для них, априори, и некоторые свои границы, за которые им переходить никоим образом нельзя, сиречь запрещает им презрительно и глумливо относиться к тебе, к твоей культуре и ценностям, запрещает им садиться тебе на шею и свешивать ножки, и уж тем более пытаться вытереть о тебя свои сапоги.

Любопытно заметить, что ныне бытующее довольно точное понятие «*толераст*», применяемое к пропагандистам т. н. *толерантности*, может быть представлено как сочетание двух слов: греч. *θολω* — мутить, *θολερον* — грязь, муть, нечистоты; и *εραστης* — любитель, влюблённый; т. е., *толераст* — это любитель грязи, любитель нечистот.

Традиции (традиционные ценности) (лат. *traditio* — передача, предание) — система символов, обрядов, обычаев, правил, образцов и норм, определяющих жизнь человека и общества и передающихся из поколение в поколение.

Традиции, по сути своей, служат передатчиком *высших ценностей* (см.) и так или иначе призваны способствовать приобщению

человека к культуре, к культурным ценностям, способствовать социокультурной идентификации человека.

Если традиции не содержат в себе уже никаких высших ценностей и смыслов, если эти ценности и высшие смыслы не воспроизводятся, не извлекаются, а происходит только бессмысленное повторение одних и тех же действий и ритуалов, то такая традиция является *вырожденной* и, значит, вскорости должна отмереть.

Традиции являются важнейшей, наряду с культурным *творчеством*, составной частью культуры, являются её, культуры, основой.

К *традиционным ценностям* относят обыкновенно основополагающие для данной конкретной культуры, культурно-исторической системы, высшие ценности.

Для отечественной культуры, культурно-исторической системы таковыми, исконно-традиционными, очевидно, являются: справедливость, вольница (свобода), правда, родина и т. д. (см. *ценности*)

В настоящее время, очевидно, с вышеуказанными традиционными (нашими исконными) высшими ценностями дело обстоит довольно-таки печально, они весьма подавлены, искажены и особых перспектив *при наличествующем положении дел*, в наличествующей глобальной Системе, для их новой актуализации не предвидится.

Довольно широким понятием *традиционного общества* обозначается, условно, всякое общество, существовавшее до эпохи Модерна, Нового времени, этапа жизни Западной (Фаустовской) культурно-исторической системы, ~ XVII–XX вв.; в такого типа обществе, как предполагается, господствуют традиции, люди ориентированы на прошлое (в Модерне на будущее), время тут обыкновенно циклично (в Модерне линейно) и т. д.; иногда такого типа общество именуется *Премодерном*.

Трансгуманизм — довольно широкий спектр современных *идеологических* (см.) концепций, основанных на тезисе о вот-вот наступающем принципиальном преобразовании человека посредством новейших, прежде всего, информационных технологий и переходе, тем самым, в новую «*постчеловеческую*» реальность.

Трансгуманистического толка концепции предполагают своего рода «усовершенствование» человека посредством новейших НБИК-технологий, т. е. нанотехнологий, биотехнологий (включая геномное редактирование), информационных технологий и когнитивных (кардинально влияющих на мышление, на ментальную сферу человека) технологий.

Первым понятие «*трансгуманизм*» в современной его трактовке предположительно использовал Д. Хаксли (в 1957 году) в тексте «Новые бутылки для старого вина», конкретно — в одноимённом эссе в нём «Трансгуманизм». Причём важно указать, что *трансгуманизм* тут изначально полагается автором как своего рода *новая вера (религия)* (см.).

Идеология, а по существу, новая *религия трансгуманизма* предполагает *преодоление человека* — вполне в соответствии с тезисом Ф. Ницше о том, что человек есть нечто, что должно быть преодолено, и выход на уровень своего рода «сверхчеловека». Хотя, конечно, «сверхчеловек» (правильнее, наверное, тут говорить о «*постчеловеке*») трансгуманизма в корне отличается от сверхчеловека по Ницше: если, по Ницше, сверхчеловек есть существо, которое находится в постоянном становлении-развитии, непрестанно преодолевает своё наличное состояние, то трансгуманистический «сверхчеловек» — это существо, чьи способности преумножены посредством всего спектра новейших технологий, причём и способности «интеллектуальные», и способности физические, в каком-то смысле, это есть нечто вполне противоположенное тому, что понимал под сверхчеловеком Ницше.

Трансгуманистическое преодоление человека имеет множество своих путей и аспектов: это и редактирование генома; это и биопротезирование как вполне механического толка (экзокортекс, экзостелеты и пр.), так и биологического, биотехнологического толка, сиречь, создание искусственных органов, их «наращивание» — вплоть до создания цельного киборга, биоробота; это и непосредственное соединение человека (его «мозга») с компьютером («нейросетью» «искусственного интеллекта») — вплоть до «утопической» перекачки информационного «содержимого» мозга на сервер или на флешку, подобного рода соединение биологического с информационно-техническим носит здесь название *биоинформационной конвергенции*; это и усиление «интеллектуальных» способностей, памяти и пр. посредством разного рода наночипов; это и использование различных медицинских препаратов, во всём их спектре, снимающих чувство страха (ср. «лекарство против страха»), боль, страдания, вызывающих эйфорию, ощущение «счастья», преумножающих энергичность, разного рода «допингов», преумножающих силу, выносливость, как физическую, так и «интеллектуальную»; разного рода ноотропных и психотропных веществ, наркотических, психоделических и иных «расширяющих сознание», веществ, и т. д.; это и крионика (замораживание человека, например,

до лучших времён, когда появятся новые, якобы необходимые ему технологии (ср., например, фильм (экранизация одноимённой киноповести Л. Леонова. — Ред.) «Бегство мистера Мак-Кинли»)).

В этом смысле, кстати, современный «большой спорт» уже представляет собой не столько состязание неких спортсменов, сколько состязание фармацевтов и «редакторов генома», «создающих» этих «спортсменов», т. е. это уже вполне себе трансгуманистическая практика.

Первичный посыл трансгуманистов заключается якобы в том, что нам, дескать, необходимо преодолеть, исходя из якобы заботы о людях, о человечестве, *страдания, болезни, старение* и вообще *смертность* людей в целях, напротив, *максимизации их «счастья», наслаждения* этих людей жизнью.

С одной стороны, эти гедонистические, гуманистические устремления представляются вроде как вполне себе благими, однако, на поверку, оказываются чем-то обратным, хотя бы потому, что, собственно, человек как свободное, именно само-развивающееся, творящее существо, тут исчезает и замещается неким «счастливым» и «всемогущим» биообъектом, биороботом, в котором уже нет, не остаётся *ничего человеческого*.

При этом важно заметить, что *трансгуманизм* имеет в своём основании довольно *специфическую онтологию*, мировоззренческую матрицу, только при наличии которой он вообще может появиться.

Для того чтобы *трансгуманистические* идеи имели хоть какие-то свои основания и не представлялись изначально полным бредом и нелепицей, в качестве *основополагающих онтологических мировоззренческих принципов* тут должно наличествовать *бихевиористское материалистическое* представление (бихевиористская материалистическая парадигма) о человеке как существе, сугубо живущим в режиме «стимул/реакция», а все т. н. высшие человеческие его способности и феномены (сознание, самосознание, совесть, свобода воли, дух, душа и т. п.) есть, по сути своей, лишь *фикции и иллюзии*, которые, разумеется, нужно тоже «преодолеть»; иными словами, для трансгуманизма *человек* уже сам по себе есть *фикция и иллюзия*, и потому он и должен быть, и может быть *преодолён*.

Важно заметить, что только при таком бихевиористском представлении о человеке имеет хоть какой-то смысл предположение вообще о возможности *соединения мозга человека и компьютера*, их взаимодействия, и, «вишенкой на торте», перенесение всей «информации» из мозга на компьютерную флешку.

При подобном *нигилистическом* отношении к человеку, разумеется, ни о какой самоценности человека и речи быть не может; соответственно, мы имеем здесь вполне *нигилистическое* отношение к высшим ценностям: Бог здесь, разумеется, «умер», точнее, никогда и не «рождался», а только, скорее, лишь грядёт, и этим «*божеством*» будет, собственно, некий *Высший Искусственный Интеллект* (когда он, наконец, появится), объединивший в себе всё человечество, подсединённое (*буквально*) к глобальной паутине этого Суперкомпьютера.

Подобное грядущее состояние «постчеловечества» представляется трансгуманистам своего рода *технократическим «раем»* или, точнее, *роем*, где все будут вроде как «счастливы».

Вполне, кстати, в соответствии с заветами «Великого Инквизитора» (персонаж романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»).

Хорошей иллюстрацией такого рода «идеалов» трансгуманизма является эпизод из советского детского фильма «Отроки во вселенной», где роботы, захватившие некую планету и «осчастливившие» местных, создавших их, гуманоидов, поймали прилетевших туда подростков-землян и попытались посадить их в специальную камеру «счастья», обработав их при этом разного рода «веселящими веществами», навязчиво повторяя, как заклинание: «*мы сделаем вас счастливыми*».

Этакий своего рода неотвратимый *технократический енчианизм* (биологическая теория. — Ред.).

На мой взгляд, *серьёзнейшая проблема* современного человека и вообще человечества состоит в том, что человек, действительно, сталкивается сегодня с тем, что *новые технологии*, прежде всего здесь информационные (хотя, конечно, и другие, связанные, например, с генным редактированием, и т. д.), совершенно им *не осознаны, не осмыслены*, и, по существу, не человек владеет этими технологиями, не человек является субъектом по отношению к ним, а, наоборот, эти технологии *овладевают человеком*, и они являются здесь уже как бы *субъектом* по отношению к этому человеку, становящемуся здесь, собственно, *сугубым объектом* их воздействия; наиболее заметный в этом плане сегодня аспект — это нынешнее тотальное торжество технологий *манипуляции массовым сознанием* (см.), осуществляемой посредством новейших средств массовой коммуникации.

Но это, манипуляция массовым сознанием, есть здесь лишь самый краешек вершины айсберга данной Проблемы.

И подобное состояние человека как объекта, а отнюдь не субъекта по отношению к новым технологиям, только воспроизводит и усиливает те негативные процессы, которые имеют место в современном обществе и, в частности, определяются такими концептами, как *ножницы Питерса* и *парадокс Константина Леонтьева* (см.).

См. также: *основное противоречие современного человека*.

Те же, например, информационные потоки — подобно цунами — захлестывают современного человека и несут его в своей стихии, а этот человек, в сущности, уже не может сколь-либо «переварить» эти информационные потоки, весьма превосходящие его, этого человека, способности и возможности их осознать, осмыслить, у него просто на это нет уже ни времени (необходимой здесь остановки, паузы), ни иных возможностей.

В этом плане можно говорить о тотальной «объективации» человека, как, с одной стороны, его тотальном овнешнении (см. *паноптикум*), так, с другой стороны, обращении его в сугубый объект, например, в объект для манипуляции массовым его сознанием.

Вообще, надо заметить, что новые технологии зачастую, действительно, действуют на человека *гипнотически, завораживающе* (причём, воздействуя даже на гормональном уровне), подобно удаву Каа из известной сказки, гипнотизирующего глупых бандерлогов.

Трансгуманизм, по существу, есть *великий соблазн* для человечества. Причём, как уже становится очевидно, *соблазн самоубийственный* (что, кстати, уже хорошо и неоднократно описано в разного рода *антиутопиях* и иных фантастических произведениях).

Перед человеком и вообще человечеством встаёт сегодня — сегодня особенно актуально и остро — своего рода фундаментальная *дилемма*: *либо* (1) отказаться от себя, от своей «человеческой, слишком человеческой» высшей творческой сущности и отдаться *трансгуманистическому Соблазну*, кардинальной «модификации» (в русле НБИК-технологий) человека, после которой от человека, собственно, уже не останется ничего «человеческого», и мы перейдём в новую «*постчеловеческую*» *реальность*; *либо* (2), наконец, *осознавая и осмысливая* происходящие процессы, феномен новейших технологий, становиться, наконец, Человеком *в полном смысле этого слова*, Новым Человеком, настоящим Субъектом, актуализировав свои творческие способности, духовно и физически самосовершенствоваться и, соответственно, использовать все эти новые технологии (в том числе

и НБИК-технологии) исключительно осторожно, с умом, и *настолько, насколько* они не обращают тебя в своего раба, в свой объект, преодолев тем самым *лукавый трансгуманистический соблазн*, завлекающий и манящий тебя новыми огромными возможностями и перспективами, вплоть до якобы всемогущества, «вечного счастья» и даже бессмертия, но, по существу, отнимающего при этом у тебя взамен всё: «душу», тебя самого как свободное существо, как человека, как творца, как субъекта.

Первый (1) вариант — это выбор *трансгуманизма*; *второй* (2) вариант — это выбор предлагаемого мной *справедливого мироустройства* (см.).

Первый (1) вариант весьма соблазнительно представляется тут явно вроде как «более легким путём», прилепляя к человеку искусственные органы, вкачивая в него специальные препараты «счастья», подсоединяя в итоге его к Божественному Искусственному Интеллекту и пр., в некотором смысле, прошу прощения, халявным приобретением господства над миром и даже, в перспективе, вроде бы над смертью.

Второй (2) вариант, разумеется, значительно более труден, однако он даёт возможность человеку не только остаться человеком, но и, действительно, наконец, раскрыть свою творческую сущность, раскрыть, наконец, дремлющие свои способности, действительно, стать, наконец, Человеком.

С соответствующими изменениями, *Первый* (1) вариант можно назвать *кушитского* толка вариантом. *Второй* (2) вариант — *иранского* (в терминах А. С. Хомякова) толка вариантом.

См.: *иранство и кушитство*.

При этом немаловажно указать, что рассматриваемый здесь *трансгуманистический соблазн*, в сущности, изначально *обречён*, поскольку зиждется на категорически нелепой парадигме (см. выше) и представляет собой, по крайней мере на данный момент, образно говоря, попытку психопата залезть с топором в телевизор, пытаясь его «усовершенствовать» до «машины времени».

Ключевым религиозно-окультиным пунктом трансгуманизма является точка *Сингулярности*, т. е. здесь выхода «*искусственного интеллекта*» на уровень безудержного самосовершенствования, выхода его, считай, на «*божественный*» уровень, когда научные открытия должны вроде как посыпаться из этого «*искусственного интеллекта*», как из рога изобилия, умопомрачительно превосходя нынешние

темпы научного развития. Человек, соединённый уже так или иначе здесь с «искусственным интеллектом» (ИИ), просто проваливается здесь в этот ИИ, как за «горизонт событий» чёрной дыры (в терминах астрофизической сингулярности), окончательно сливаясь с компьютером; весь Земшар, а в перспективе и вся Вселенная становится тут Суперкомпьютером.

Достижение этой *сингулярности* провозвещается идеологами и пророками трансгуманизма ~ в 2030–2050-х гг. (в частности, один из гуру трансгуманизма Р. Курцвейл говорит здесь о 2045 годе).

Впрочем, надо заметить, что само данное основополагающее понятие трансгуманизма — *«искусственный интеллект»* — довольно лукаво. Дело в том, что, по сути своей, это только *метафора «интеллекта»*.

Адепты трансгуманизма зачастую отчего-то (наверное, в силу своей примитивной бихевиористской «материалистической» парадигмы) уверены в некоей тождественности и даже идентичности человеческого интеллекта и «интеллекта искусственного», в то время как это, *онтологически, по своим первоначалам и вообще принципам работы*, совершенно разные вещи, только сходные по неким внешним своим свойствам; причём по этим внешним свойствам «интеллект искусственный» уже весьма и весьма превосходит человеческий интеллект — в быстроте счёта, в памяти и пр., и пр., и пр., однако, в сущности, мы тут можем говорить сугубо об их метафорическом, внешнем сходстве, но никак не о сущностной идентичности.

Также очень важно будет указать на *два*, скажем так, *мировоззренческих уровня трансгуманизма*.

Первый уровень — это вышеуказанный уровень «материалистический», технократический, механистический, бихевиористский, это уровень, скажем так, *профанный*, сходный для большинства (подавляющего большинства) верующих в трансгуманизм.

Второй уровень — уровень *окультурный*, религиозный, своего рода *эзотерический*, на котором находится, судя по всему, довольно небольшой высший круг трансгуманистов «*посвящённых*», скажем так, «Великих Инквизиторов» трансгуманизма, тоже, разумеется, полагающих человека чем-то вроде бессмысленной куклы, голема, однако, судя по всему, себя (!) мнящих отчего-то существами совершенного иного толка.

Вообще, надо заметить, *трансгуманизм*, как ни крути, вполне *магического* толка мировоззрение.

Представители этого, Второго, уровня, очевидно, используют массу представителей Первого уровня в своём глобальном целеполагании продвижения и утверждения своих *окультино-магических трансгуманистических* идей в настоящее время.

Вообще в мировоззренческом фундаменте трансгуманизма так или иначе присутствует *гностическая* (см.) оккультная матрица, радикально делящая человечество на высшую и низшую страты.

В русле осуществляемого ныне, в трансгуманистическом режиме, «цифрового» *паноптикума* (см.) человечество окажется разделено на: 1) *высших сверхчеловеков, людиардеров*, чьи способности и возможности будут преумножены новейшими НБИК-технологиями; и 2) *низших недочеловеков*, «людей служебных», биообъектов, напротив, тотально подавленных НБИК-технологиями, поставленных под тотальный «цифровой» контроль и вообще лукаво утилизируемых посредством этих новейших технологий.

Подметив вышеуказанный оккультное (вполне себе *сатанинского* толка) «двойное дно» трансгуманизма, И. Шнуренко обозначил этот надвигающийся режим «цифрового» паноптикума *люцифризмом* (Люцифер + цифра), который, действительно, нацелен на стирание личности человека, его *свободы* воли, на *взлом* человека, его *души* и *сознания*.

Важно также заметить, что *трансгуманизм* так или иначе представляет собой яркий пример торжества *Танатоса* (влечение к смерти, в терминах «позднего» З. Фрейда) над *Эросом* (влечение к жизни, тоже в терминах Фрейда), поскольку замещение живых организмов, как они, по своему естеству, есть, на нечто искусственное, «модифицированное», а то и на откровенно механическое, электронное, «цифровое», хотя и осуществляемое под сладкие песни о якобы достижении тем самым вроде как «бессмертия», представляет собой явное стремление заместить живое неживым.

Вообще в идеологии трансгуманизма есть множество *внутренних противоречий*; например, фундаментальная изначальная парадигмальная установка трансгуманизма состоит в иллюзорности человеческого сознания, но при этом, например, вышеупомянутый Хаксли говорит о том, что, дескать, человечество, следуя курсом трансгуманизма, наконец-то, начнёт *сознательно* воплощать свою судьбу. И т. д.

Идеология-религия трансгуманизма представляет собой религию-идеологию обращения человека в *биомеханическую химеру*,

в которой нет ничего уже человеческого, и подсоединённую к божеству «искусственного интеллекта».

Трансгуманизм — это своего рода новый *фаустовский соблазн*: продать душу за всемогущество и иллюзорное бессмертие (см. *Фаустовская культура*).

См. также: «цифровой» *Левиафан*.

Триединый культурный процесс — концепт К. Н. Леонтьева, образно раскрывающий суть *системных* преобразований, происходящих в жизни той или иной культуры, культурно-исторической системы.

По Леонтьеву, всякая культура (культурно-историческая система) в своей жизни проходит через следующие *этапы*:

1. *первичной простоты* (когда формируются основные образцы, первообразы, символика, стили данной культуры; сущностной характеристикой культуры, по Леонтьеву, является именно её *своеобразие*);

2. *цветущей сложности* (этап расцвета культуры, когда в наиболее явственном виде раскрывается всё её своеобразие, её особая иерархия, особая эстетика (образцы красоты), особая этика, особая религия, разворачиваются её стили жизни, реализуются высшие ценности и идеалы, т. е. раскрывается её, этой культуры, *Идея*, определяя серии культурных *Форм*. Форма, по Леонтьеву, есть «деспотизм внутренней идеи», «не дающий материи разбегаться»);

3. *вторичного смешения, или вторичного упрощения* (на этом этапе происходит постепенное умирание культуры, её живые цветущие формы съеживаются, скукоживаются, в ней, в культуре, говоря языком термодинамики, торжествуют энтропийные процессы, жизненная энергия, дух, из культуры уходят, всё в ней смешивается и выравнивается, обращается в плоскость, в поверхность; в частности, К. Н. Леонтьев ещё в конце XIX века провидел те процессы, которые проявились в полной мере только в XX веке в Европе, в «Западной» культуре (культурно-исторической системе), сказав о том, что Европа «смешивается в действительности и упрощается в идеале» в своём тексте «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения», тем самым поставив ей чёткий диагноз *вторичного упрощения-смешения*) (см. *Постмодернизм*).

По К. Леонтьеву, эпоха *вторичного смешения* явно начинается тогда, когда Красота уступает место Пользе.

Этап *вторичного смешения*, по К. Леонтьеву, наверное, вполне сопоставим с этапом *цивилизации* (см.) по О. Шпенглеру.

Управление — процесс осуществления власти, достижения её целей.

Управление — процесс достижения своих целей посредством других людей, социальных групп или общества в целом.

Вообще понятие *управления* ныне настолько многозначное понятие, что им зачастую обозначают совершенно разные вещи и процессы, используя его применительно к совершенно разным сферам и в весьма разных парадигмах, отчего данное понятие, используемое в одной парадигме, уже оказывается ничего общего не имеющим с этим же вроде как понятием, используемым в другой парадигме.

Очевидно, что понятие *управление*, используемое применительно к человеческим сообществам, принципиально отличается от того концепта управления, которое используется в отношении, например, информационных систем, и совпадают они только по некоторым своим внешним проявлениям. Это всё равно, что сравнивать красную бузину в огороде и дядьку из Киева, имеющего красноватого цвета лицо.

Поэтому здесь мы можем, скорее, уже говорить о метафорах, а то и вообще о своего рода *омонимах*. Подобно тому, например, как «коса» — это и металлическое орудие для кошения травы, и заплетённые на голове волосы.

Управление, применительно к человеческим сообществам, всегда так или иначе предполагает наличие внутреннего измерения у объекта управления, дополнительной, ключевой здесь степени свободы, и вообще наличия возможного здесь свободного выбора, а это принципиальным образом меняет суть данного концепта («управления»).

Наверное, для власть имущих имеет место соблазн стереть, подавить вышеуказанные нюансы, свойственные человеку, обществу, связанные со свободой, свободой выбора и внутренним измерением («изнанкой») их бытия, дабы тем самым вроде как облегчить себе свою управленческую деятельность, к чему, собственно, нынешние власть имущие, в русле их идеологического мейнстрима *трансгуманизма* (см.), вельми стремятся, но это будет уже, собствен-

но, уничтожение человека, человеческого измерения, уничтожение общества, социального измерения, и, значит, понятие *управления* после этого (условно, за горизонтом событий *предела Аримана*) (см.) приобретёт совершенно уже иное значение.

Разумеется, данное понятие («*управление*») я использую именно и только в том значении, как здесь определил, и в отношении человеческих сообществ.

Фаустовская культура (Фаустовская культурно-историческая система) — Западная (Западноевропейская) *культурно-историческая система* (см.).

Названа О. Шпенглером «Фаустовской» по имени легендарного *доктора Фауста* (~ 1480–1540 гг.) — мага, оккультиста и черно-книжника, и даже вроде как «учёного», который ради того, чтобы возвыситься над всем и всем овладеть, заключил договор с дьяволом, который (дьявол) его, по легенде, в итоге и разорвал.

Стремление к власти, титаническая *воля к власти* над всем легендарного Фауста, по мысли Шпенглера, наиболее точно и ярко выражает основополагающий образец отношения к миру «западного» человека, человека Западной культуры.

В этом плане Шпенглер полагает *прафеноменом (первофеноменом)* человека Фаустовской культуры *волю*, реализующуюся как *воля к власти*.

Культурный *прафеномен* — первичный образец отношения к миру человека той или иной культуры, по лекалу которого выстраивается весь феноменологический ряд его мироотношения.

Соответственно, и *ценностная матрица* человека данной, Фаустовской, культуры имеет своим образцом это первичное отношение — *волю, волю к власти*.

Прасимволом (первосимволом) человека Фаустовской культуры Шпенглер полагает *пространство, пустое пространство*.

Очевидно, что мир, представляемый здесь изначально как пустое пространство, требует приложения к себе воли субъекта, проецирующего на это пространство себя, свою волю, овладевающе-го этим пространством.

Прасимвол — образец, по которому выстраиваются все символические порядки данной культуры, своего рода обратная сторона прафеномена.

Н. Я. Данилевский Западную (Фаустовскую) культуру называет *Романо-германским культурно-историческим типом*.

Что любопытно, Данилевский основополагающим качеством человека этого культурно-исторического типа полагает *насильственность* (вполне аналогичное *воли к власти* понятие).

Фаустовская культура зарождается, можно сказать, с раннего Средневековья, но, собственно, обретает свои развитые формы с Возрождения и в Новое время; в настоящее время, по Шпенглеру, начиная с рубежа XIX–XX вв., она начинает клониться к упадку и входит в своё состояние *цивилизации*.

Цивилизация, по Шпенглеру, есть эпоха упадка и, собственно, уже гибели культуры — как культуры духовной. В *цивилизации* материальное берёт явный верх над духовным; и, собственно, духовная творческая энергия, сиречь, душа культуры, иссякает, умирает, а остаётся только материальное производство, воспроизводящееся как бы по инерции, век которого, впрочем, будет уже относительно недолог.

Ценности (высшие ценности) — наиболее значимые *образцы и первоначала* для человека и общества.

Ценности так или иначе определяют *целеполагание субъекта власти* (см.).

Ценности — это то, *ради чего* человек живёт, то, *что* определяет смысл его существования, актуализирует и направляет его творческую деятельность.

В своём высшем качестве, *ценности* — это то, *за что* человек может сознательно пожертвовать жизнью, умереть.

При этом важно заметить, что далеко не всякое жертвование жизнью может быть определено высшими ценностями. Человек, например, может быть зомбирован, загипнотизирован, специфически спровоцирован и т. п. — и тоже пожертвовать жизнью.

Когда мы говорим *о ценностях*, мы имеем в виду *целостное* восприятие человеком такого рода высших образцов и первоначал, по существу — святынь, т. е. и на чувственном уровне, и на уровне разума, на уровне сознания, самосознания, совести.

Ценностная идентификация предполагает целостное восприятие такого рода образцов и первоначал.

Проще говоря, к *высшим ценностям* относится то, за что человек готов *сознательно биться насмерть*.

Всякое общество так или иначе держится своей *ценностной матрицей*; если эту матрицу как-либо разрушить, повредить, то общество может развалиться, уйти в небытие как бы само собой.

И потому, хочешь разрушить некое общество — нанеси удар по его ценностной матрице.

Нечто подобное, кстати, произошло в СССР, в «перестройку», когда осуществился — тогдашней «советской» *«элитой»* (см.), ведомой в этом отношении КГБ, — очередной массивированный удар по ценностной матрице советского народа, что в итоге привело к полной деморализации этого народа, помрачению его ума и обращению его в «массовую жижу» и, соответственно, к распаду СССР.

Традиции (лат. *traditio* — передача) — система символов, правил, норм, обрядов и обычаев, определяющая жизнь общества и передающаяся из поколения в поколение.

Традиции, по существу, и есть то, что запаковывает, содержит в себе высшие ценности и смыслы бытия данного общества и человека.

Если традиции никакой такой искры высших ценностей в себе уже не содержат, а представляют собой лишь набор тех же ритуалов, правил и обычаев, то мы говорим о вырожденной, выхолощенной, пустой традиции, обратившейся в сугубую свою видимость.

Высшие ценности обыкновенно всегда так или иначе «традиционны». Однако в то же время всякая живая культура предстаёт не только как традиция, но и как творчество, в том числе творчество новых ценностей. И в то же время всякое культурное творчество, в том числе и ценностное творчество, уже всегда, неизбежно опирается на определённую своеобразную традицию, на определённые и своеобразные традиционные ценности.

Я полагаю, что основу *исконной ценностной матрицы* нашего народа, нашей *культурно-исторической системы* (см.), составляют: 1) справедливость, 2) вольница (свобода), 3) правда, 4) родина.

Разумеется, это отнюдь не полный список высших ценностей, т. е. мировоззренческих образцов и первоначал отечественной культуры, русского народа, есть и другие; я здесь привёл те, которые, как я полагаю, составляют своего рода *четверицу* (в юнгианском смысле, с соответствующими изменениями), *мировоззренческий ценностный архетип*, русской культуры и русского человека, русского общества — и все прочие высшие ценности здесь так или иначе завязываются на эту ценностную четверицу (например, ценности Личности

и Личного достоинства завязываются на Вольницу, а ценности Русского языка и Детей — на Родину и т. п.).

Справедливость — воздаяние должного в соответствии с вкладом в общее благо.

Вольница (свобода) — раскрывшаяся, рвущаяся за горизонты, возможность творчества.

Правда — соответствие жизни, поступка, речи своему идеальному образцу или подлиннику.

При этом *Вольницу* я полагаю своего рода *прафеноменом* (в терминах О. Шпенглера) русского мировоззрения — с соответствующим неизбывным стремлением русского человека *за окоём, за горизонт*.

Разумеется, если ценностная матрица в обществе актуализирована, то с таким обществом ничего нельзя сделать, т. е. поработить, подавить и т. п.

В современном российском обществе, очевидно, ценностная матрица весьма подавлена, не актуализирована, и потому мы имеем сегодня дело уже не с *Обществом*, в полном смысле этого слова (см.), а с социальной *массой* (см.), с желеобразной массой населения, с которой можно делать всё, что угодно.

Однако даже такое, с подавленной ценностной матрицей, «российское» население всё равно внушает определённые опасения местным «российским элитам», и они не рискуют вводить здесь прямо все те безобразия, которые спускают им в качестве целевых установок глобальные элиты.

В то же время местные туземные «российские» компрадорские «элиты», учитывая всё это, пытаются сегодня лукаво играть, манипулируя массовым сознанием, на остаточных *ценностных рудиментах* (атавизмах) русского общества, ещё здесь кое-как сохраняющихся, и выставляют себя в качестве якобы поборников этих «традиционных ценностей», в качестве якобы противников разного рода «нетрадиционных» ЛГБТ-отношений и т. п. безобразий.

Всё это выглядит, впрочем, довольно нелепо, поскольку вся сложившаяся здесь, в современной РФ, социально-экономическая система категорически *противоречит, противостоит ценностной матрице русского народа*.

Очевидно, например, что о какой-либо Справедливости в современной сложившейся здесь капиталистической системе говорить просто нелепо и смешно (хотя и очень грустно).

О Правде — аналогично. Всё вывернуто наизнанку; правда объявляется «официально» «недостовой информацией», а ложь — «правдой»; и симулякры торжествуют. Всё вполне по Оруэллу.

Про Вольницу-свободу и говорить не приходится.

Ну а на патриотических чувствах (любви к родине) народа лукаво и подло играют, реализуя программу глобальных элит по утилизации «лишнего» населения.

И т. д., и т. п.

Кстати, важно заметить такой нюанс: когда сегодня говорят о «традиционных ценностях», то, по некоему великому недоразумению, апеллируют к дореволюционной России, Российской империи, что, в сущности, категорически ложно и указывает на великую вывихнутость сознания (с внушёнными ему ложными стереотипами) современного человечка.

Дело в том, что в Российской империи, находившейся в состоянии *Псевдоморфоза* (см.), вся вышеуказанная ценностная матрица русского народа тоже была категорически подавлена.

Вполне аналогично с сегодняшним временем: о Справедливости и говорить не приходилось, при наличествовавшем тогда социальном расслоении, при крепостном состоянии, а затем, после вроде как отмены оногo, при утверждении категорически несправедливого капитализма с дополнительным понижением уровня жизни основного населения; с Правдой тоже всё плохо, при господствующем *Псевдоморфозе*, с перепридуманной «историей», с давящей цензурой, с суррогатной официальной религией, с запретом даже на челобитные и пр., и пр., и пр.; про Вольницу (Свободу) даже говорить смешно (и опять же при этом и ужасно грустно), при наличествовавшем крепостном состоянии, а потом при рабстве у ростовщиков и вообще у Крупного Капитала; с Родиной тоже серьёзнейшие проблемы, при наличествующем *Псевдоморфозе*. И т. д., и т. п.

В Советский же период, напротив, исконный русский ценностный образец Справедливости стал актуализироваться; ценностный образец Родины обрёл «второе дыхание» в образе «социалистической родины» (в «сталинский период», при некотором снятии *Псевдоморфоза*), предоставляющей возможности для реального развития, образования и т. д.

Да, с Вольницей и с Правдой тут тоже было всё отнюдь не хорошо, однако в целом Советский период был относительно *ближе к традиционным исконным ценностям* русского народа, нежели

период Российской империи, с царящим в ней Псевдоморфозом и категорически несправедливым общественным устройством.

Вроде как господствовавшая в Имперский период официальная идеология «*православие — самодержавие — народность*», провозглашённая министром просвещения С. С. Уваровым (в 1833 году), являла собой вполне типичный *симулякр* (см.), не имеющий, в принципе, ничего общего с действительностью: «*православие*», с одной стороны, обращённое в бюрократического толка систему, под властью чиновников «священного синода», вплоть до введения правил всем ходить на исповедь, причастие, а разве искренняя вера может быть по принуждению? — и необходимости священникам стучать в соответствующие органы о «государственных преступлениях», в которых тебе исповедались люди (с 1722 года), а с другой стороны, народная православная вера была жестоко подавлена во время «церковной реформы» (XVII век) и заменена религиозным «никонианским» официально-государственным суррогатом; «*самодержавие*» на тот момент представляло собой после учинённого в России Псевдоморфоза модель европейского *абсолютизма*, а отнюдь не русского самодержавия; ну а «*народность*» — при наличии находящегося в крепостном рабстве народа — ничем иным, кроме как глумливой насмешкой и издевательством над народом, своего рода стёбом над ним, быть не могло.

Очевидно, что нам при создании грядущего *Справедливого мироустройства* (см.) нужно будет опираться на исконную ценностную матрицу русского народа, с её образцами и первоначалами Справедливости, Правды, Вольницы, Родины и т. д., ныне весьма подавленными и покорёженными, тем самым актуализируя процессы личного и общественного творчества и созидания.

Если, конечно, всё тут ещё подавлено не окончательно и не покорёжено фундаментально. А такое, увы, тоже может быть; и современный человек, русский человек, прежде всего, оказывается уже *взломан* (манипуляторами массовым сознанием), и его ценностная матрица разрушена. Потому как, действительно, со времён «перестройки» особенно, идёт явный процесс целенаправленной ломки, подавления и категорического искажения ценностной матрицы русского народа, вполне возможно к настоящему времени уже приведший к неким печальным, необратимым в этом плане результатам.

И тогда нам, действительно, предстоит весьма тяжкий труд по вытаскиванию из бездны забвения и новой актуализации этих ныне подавленных высших ценностей (Справедливости, Свободы и т. п.).

И в завершении несколько ключевых замечаний относительно нынешнего довольно распространённого симулякра т. н. «*общечеловеческих ценностей*».

Ценности, высшие ценности — всегда производное *социокультурной жизни* человека, т. е. плод его свободы, его так или иначе *свободного выбора* (даже если он, например, выбирает рабство), а отнюдь не нечто «природное», создающееся по «природной необходимости».

И потому ценности, высшие ценности как плод культуры, общественного бытия человека, как производное свободы, свободного выбора человека, всегда, во всякой социокультурной системе *особенны, своеобразны*. И потому, несмотря на общую человеческую природу, ценности у людей, у сообществ неизбежно разные; иногда до противоположностей.

Соответственно, нет и не может быть, в принципе, неких высших ценностей, которые были бы так или иначе свойственным всем людям, всем сообществам.

Кто говорит о неких-де «общечеловеческих ценностях», тот, в принципе, не понимает *сущность и генезис* того, что называется ценностями, высшими ценностями, как плодов человеческого творчества, его так или иначе свободы духа, свободы выбора.

То, что сегодня называется «*общечеловеческими ценностями*» есть *пустой термин, симулякр*, используемый для дурачков в стратегиях манипуляции массовым сознанием.

Обыкновенно под «общечеловеческими ценностями» ныне пытаются внедрять в массовой сознание те установки и стереотипы, которые глобальные элиты имеют своей целью внедрить в это массовое сознание в данный конкретный момент: от «толерантности» до «культы ЛГБТ», лукаво, для пущего их внедрения, именуя их-де «общечеловеческими».

Р. С. Понятие *высших ценностей* нельзя смешивать с психиатрическим понятием *сверхценных идей*, т. е. тех *навязчивых* мыслей, которые владеют неким человеком и принуждают делать его то-то и то-то, вгоняют его в то или иное *навязчивое состояние*.

Как я уже сказал, человек идентифицируется с некими *высшими ценностями целостно*, т. е. не только на чувственно-эмоциональном, подсознательном уровне, но и на уровне сознания, самосознания, разума, в то время как называемое *навязчивыми (сверхценными) идеями* овладевает человеком сугубо исподволь, через подсознание, никоим образом (или в весьма малой, недостаточной степени) не

осознаваемое, т. е., по существу, не подвергшись должной процедуре сомнения, осмысления.

Аналогично, нельзя отождествлять понятия *высших ценностей и установок (и стереотипов)* сознания, поелику последние (установки и стереотипы) также не подвергались должному, здесь целостному, в т. ч. сознательному восприятию, не подвергались должному сомнению и осознанию.

Отличие сверхценных *идей от установок (и стереотипов)* сознания) состоит в том, что сверхценные (навязчивые) идеи более *активно* владеют человеком, нежели установки и стереотипы сознания, определяющие лишь модели *пассивного* мировосприятия человека.

В то же время, разумеется, данные установки и стереотипы при определённых условиях могут развиваться и в навязчивые (сверхценные) идеи.

Цивилизация (от лат. *civilis* — гражданский, городской) — здесь материально-техническая сторона культуры или культурно-исторической системы.

Или — уровень развития этой материально-технической составляющей культуры, культурно-исторической системы.

О. Шпенглер понимал под *цивилизацией* конечную стадию жизни культуры, её предсмертное, или уже посмертное, состояние.

Цивилизация, по Шпенглеру, есть господство в культуре материального над духовным, само, впрочем, уже обречённое (лишённое внутренних творческих духовных энергий) на скорую гибель.

Цифровой Левиафан — понятие И. Шнуренко, обозначающее современное государство, причём уже не столько как некое локальное государство, сколько именно *транснациональное глобальное* государство, в основе которого лежит «*искусственный интеллект*», и представляющее собой, условно, «нейронную» сеть, внешними придатками которой являются, собственно, «государства», «государственный аппарат», его бюрократические системы, чиновники разных мастей и уровней.

По существу, это тот же Левиафан-государство, как оно имело место в концепции Гоббса, но с «цифровым» сердечником «искусственного интеллекта» и соответствующей сетевой информационно-коммуникационной системой.

Цифровой Левиафан, разумеется, стремится к своей «социальной» тотальности, т. е. к тотальному контролю и подавлению человека, причём контролю не только извне, но и изнутри, сминая, стирая,

собственно, всё личное в человеке, сменяя и стирая тем самым, собственно, и социальное, обращая «общество» в совершенно *безликую массу* (см.) без каких-либо высших человеческих способностей (сознания, самосознания, совести, свободы, субъектности и т. п.).

Иными словами, устанавливая свой режим безличного «*цифрового*» *паноптикума* (см.).

Цифровой паноптикум — новая, условно, формация глобальной Системы, ключевой характеристикой которой будет тотальный «цифровой» контроль за всеми и каждым.

Власть в такого рода Системе будет воспроизводиться на основе *Больших Данных*, т. е. полной информации в режиме реального времени обо всех и каждом, с реальной возможностью полного отключения от жизнеобеспечения любого биообъекта в любой момент.

См.: *паноптикум* (см.).

В то же время каждый биообъект в такого рода Системе предполагается тотально программируемым и внушаемым, манипулируемым изнутри, и внешний контроль за ним здесь только дополнительно дублирует уже, считай, тотальный контроль за этим биообъектом изнутри.

Более того, в такого рода Системе, где каждый шаг человека (обращённого здесь в биообъект) оказывается виден, условно, виртуальному Большому Брату (используя терминологию Оруэлла), *лишает*, за ненадобностью, человека (здесь биообъект) его *внутреннего измерения*, т. е. измерения свободы, самосознания, совести, воображения, обращая этот биообъект, в принципе и по определению, здесь в некую сугубую *внешнюю поверхность, плоскость*, по существу, лишая его всего именно человеческого в нём.

Сама «социальная» Система здесь, в самом грубом приближении, разбивается на две жёстких касты, причём уже не по каким-либо социальным признакам, а вполне по «антропологическим»: 1) высшая каста (элита) — сверхчеловеки, расширившие свои возможности за счёт своего так или иначе слияния с Машиной, с «искусственным интеллектом», а также в результате генной терапии и химического «допинга», весьма преумножившие свои физические и ментальные возможности; и 2) каста низшая — недочеловеки, низведённые до уровня биообъектов (с помощью тех же НБИК-технологий: нано-, био-, информационных и когнитивных), находящихся под тотальным «цифровым» контролем.

В этом плане ни общества, ни человека здесь уже, как предполагается, не останется: будут только биообъекты, обслуживающие элиту, и, собственно, элита — сверхчеловеки. По существу, стадо, с одной стороны, и своего рода боги, с другой стороны.

Представители высшей касты станут здесь своего рода *людияр-дерами*, т. е. владельцами полной информации о своих биообъектах, их человеческом капитале, т. е. о своём, считай, уже буквально, поголовье рабов.

Религиозно-идеологическим основанием надвигающегося, предуготовляемого нам данного «цифрового» паноптикума является *трансгуманизм* (см.).

Разумеется, «цифровой» паноптикум есть лишь один из возможных вариантов грядущей «цивилизации», призванный прийти на смену нынешнему капитализму, находящемуся на своей терминальной стадии. Однако для нынешних глобальных элит такого рода «светлое будущее» представляется, судя по всему, наиболее желанным, снимающим те проблемы и тупики, которые сегодня встают, со всей очевидностью, перед человечеством, с наличествующей капиталистической социально-экономической в нём системой.

Однако это, конечно, не значит, что всё будет именно так. У нас есть выбор и, соответственно, варианты. Например, предлагаемое мной *Справедливое мироустройство* (см.).

См. также: *предел Аримана* (см.).

Элита (от фр. elite — избранное, отборное) — социальные группы, так или иначе причастные к принятию государственных управленческих решений, имеющие на то возможности и ресурсы.

Этнос (греч. εθνος — племя, народ) — общность людей, объединённых на родоплеменных основаниях, а также на основаниях общей культуры, ценностей и языка.

Этнос — в значительной мере, прежде всего, *родоплеменная* общность, но также обязательно и *культурная*.

В отличие от понятия «народ» (см.), понятие «этнос» предполагает родоплеменной фактор более значимым (хотя, конечно, грань тут довольно плавающая).

Всякий этнос не «вечен» и представляет собой так или иначе плод определённого исторического *этногенеза*, т. е. смешиваний, преобразований и прочих исторических пертурбаций; не существует неких неизменных изначальных, условно, «примордиальных» (*небылица* (см.) «примордиализма» утверждает, что этносы (народы) и их

культурные традиции-де бывают неизменными с самого сотворения мира), этносов и уж тем более народов).

Этос (греч. *ἦθος* — нрав, характер, местообитание) — в древнегреческой философии особая система принципов бытия человека.

Гераклит: «этос — дух человека».

От слова *этос* происходит понятие *этики* (греч. *ἠθικη*) как искусства взращивания в себе этоса, самовоспитания, развития в себе добродетели, доблести.

Также *этос* (как *ἔθος* — обычай, привычка; *общественный этос*) — система принципов и правил бытия общества, его устои, традиции, обычаи.

Научное издание

Глеб Евгеньевич Васильев

**Теоретические вопросы культурной политики:
словарь культурной политики**

Дизайн обложки

М. Ю. Маяков

Корректурa

И. А. Птицын

Компьютерная верстка

М. Е. Заболотникова

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru